

Е.А. Динерштейн

А.П. Чехов

И ЕГО

ИЗДАТЕЛИ

«КНИГА»

**ВСЕСОЮЗНОЕ
ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ
КНИГИ**

A. Lopez

Е.А.Динерштейн

А.П.ЧЕХОВ

И ЕГО

ИЗДАТЕЛИ

Москва "Книга" 1990

ББК 76.17
Д 46

Рецензенты:

П.И.Овчарова,
кандидат филологических наук;

Э.А.Покровская,
кандидат педагогических наук

Художник
Е.В.Королькова

4502030000-031
Д _____ **Изд. ВОК**
002 (01) -90
ISBN 5-212-00191-9

© Всесоюзное
добровольное общество
любителей книги, 1990

Развитие любой национальной литературы — явление не изолированное на социокультурном фоне страны; вокруг него неизбежно возникают специфические формы человеческих взаимоотношений, которые принято называть "литературным бытом". Не являясь определяющим фактором, литературный быт тем не менее весьма существенным образом сказывается на характере литературного процесса. Особенно когда речь заходит об издании каких-то примечательных сочинений или произведений крупнейших отечественных писателей. В этом случае приобретает значение и та роль, которую в их судьбе сыграли те или иные издатели. В.Г.Белинский, правда не без иронии, назвал как-то целый период в истории русской литературы — "смирдинским".

Издание книги, ее бытование в обществе обуславливается многими причинами, в том числе, понятно, и личностью автора. В то же время нередки случаи, когда перипетии книгоиздания становятся фактом биографии писателя, поскольку в них отражается не только степень его участия в этом процессе, но жизненные и творческие принципы. В этом случае рассматриваемое явление приобретает двойной интерес: не только с точки зрения истории книжного дела, но и истории литературы. Отсюда и происходит то пристальное внимание, которое издавна

уделялось исследователями этому аспекту биографии А.П.Чехова. Анализируя процесс текстологической подготовки ряда изданий его сочинений, Е.Н.Коншина писала, что своей работой она стремилась "показать, как из журнального поденщика усилиями пристальной внутренней работы вырос великий русский писатель, как из "раба" Чехов стал образцом "Че-ло-ве-ка" с большой буквы"¹. Не менее наглядно эта мысль прослеживается и при рассмотрении взаимоотношений писателя с теми издателями его книг, с которыми у него установились чисто дружеские связи.

Чтобы объективно осветить эти страницы биографии Чехова, необходимо все же ознакомиться с тем, как он сам относился не только к собственным книгам, но и к книге как таковой, как представлял себе ее роль в общественной жизни, что сделал для того, чтобы его книги нашли своего читателя, как, наконец, этот читатель реагировал на их появление в свет. Все эти вопросы — аспекты одной и той же проблемы, которую можно назвать "Чехов и его книги". Однако они не равнозначны, в разной степени изучены и интересны для широкого читателя. Поэтому основное внимание уделено двум из них: взаимоотношениям Чехова со своими издателями и истории издания наиболее примечательных его книг. Остальных сторон проблемы автор касался в той степени, которая, по его мнению, была необходима для наиболее полного освещения указанных выше.

После смерти Чехова в альбоме рисунков, сохранившемся в его ялтинском кабинете, был обнаружен небольшой плакат с весьма сомнительной сентенцией: "Если друг просит у тебя книгу, то предложи ему денег, деньги он, может быть, вернет, но книгу — никогда". Для чего и почему писатель хранил этот образец мешанской мудрости, сказать трудно. Одно несомненно — всю жизнь он поступал вопреки этому "афоризму", памятуя о той радости, которую дает человеку общение с книгой.

Первоначальный круг чтения будущего писателя не отличался целенаправленностью. "На столе у гимназистов Чеховых рядом с "Детьми капитана Гранта" лежала ветхая книга — сборник "Пчела". Братья любили рассматривать в "Пчеле" рисунки, изображавшие Кремль и Сухареву башню", — писал один из его биографов¹. Впрочем, на чтение не оставалось времени: "сиденье" в лавке отца, церковный хор, уроки... По свидетельству старшего брата Александра, Чехов впоследствии не раз с горечью говорил: "В детстве у меня не было детства"².

Таганрог в те годы, когда в нем жили Чеховы, являл собою заштатный город, в котором, однако, выходили местные газеты, имелись три гимназии, театр, клубы, две частные библиотеки. Существовали библиотеки в гимназиях и клубах. Городская откры-

лась в 1876 г. На следующий год Чехов стал ее читателем.

”Знакомство с мировой культурой мальчик Чехов начал с Библии, знакомство с современной умственной жизнью — с газет”, — писал А.П.Чудаков, замечая при этом, что ”в сведениях о круге чтения Чехова-гимназиста нет никаких следов знакомства с такими, например, журналами, как ”Вестник Европы”... не говоря уже об ”Отечественных записках”. <...> Его газетно-журнальным чтением было то, что тогда называли ”малой” прессой”³. Оставшись один после переезда семьи в Москву, он выписывал ”Газету Гатцука”, весьма характерный образчик такого рода изданий.

На страницах ”малой” прессы печаталось множество материалов, представлявших интерес для провинциального гимназиста. Например, описания путешествий в неведомые страны и на далекие континенты, исторические романы, переводные повести и рассказы (как правило, третьестепенных писателей), сообщения, живописующие мир столичной художественной богемы, т.е. именно те произведения, которые были особенно популярны в среде массового для того времени читателя. Но особый интерес у юноши вызывали юмористические журналы: ”Сиюминутный иллюстрированный мир юмористического журнала был одним из ранних элементов комплекса художественных впечатлений Чехова”, — отмечал упомянутый автор⁴.

Справедливость этих наблюдений подтверждается воспоминаниями гимназических товарищей Чехова, в частности А.Д.Дросси, так характеризующего круг их тогдашних увлечений: ”Наряду с Боклем, Шопенгауэром, которых, как мы тогда думали, нам стыдно было не прочитать, мы запоем читали юмористические журналы ”Будильник”, ”Стрекозу” и др. Я помню, в воскресенье и праздничные дни мы спозаранку собирались в городской библиотеке... и по несколько часов кряду, забывая об

обеде, просиживали там за чтением этих журналов, иногда раздражаясь таким гомерическим хохотом, что вызывали недовольное шиканье читающей публики”⁵.

И все же мир Чехова-гимназиста был значительно шире, чем об этом можно было бы судить по приведенным высказываниям. Именно в эти годы Чехов, по словам брата Михаила, “часто посещал театр, любил французские мелодрамы вроде “Убийства Коверлей” и веселые французские фарсы вроде “Маменькиного сынка”, много читал. Особенное впечатление на него произвели “Между молотом и наковальней” Шпильгагена и романы Виктора Гюго и Георга Борна”⁶. Среди прочитанных им книг: “Дон Кихот” Сервантеса и «Фрегат „Паллада”» Гончарова, сочинения Шекспира и Тургенева, научные труды Гумбольдта. С некоторым сомнением следует отнести лишь к свидетельству о том, что уже в стенах городской библиотеки он познакомился с сочинениями Белинского, Добролюбова и Писарева, поскольку они были изъяты из фондов вскоре после того, как Чехов стал ее читателем.

Если справедливо мнение, что будущий писатель учился на “медные деньги”, то с не меньшей достоверностью можно говорить, что на тех же основаниях он пользовался и библиотекой. В начале учебного года Чехов вносил двухрублевый залог, весной забирал его и вновь вносил осенью⁷. К концу своей учебы в гимназии он был вправе писать младшему брату: “Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь” (1, 29)*.

С началом учебы в университете кардинально изменился не только круг чтения Чехова, но появились и

*Все ссылки даются на издание: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1974–1983. Первая цифра (в тексте и скобках) обозначает том, последующие – страницы.

специфические библиофильские интересы (впрочем, так до конца и не определившиеся). Еще будучи студентом, он, по словам брата Михаила, стал собирать книги, посещал букинистов, книжные развалы. Случались и неожиданные пополнения личной библиотеки. В 1883 г. умер близкий знакомый Чехова писатель Ф.Ф.Попудогло. По воле последнего его библиотека досталась Антону Павловичу. "Помню, как к нам привезли громадный сундук, набитый книгами <...>, — вспоминал младший брат Михаил. — К сожалению, все это оказалось самым типичным хламом"⁸. Чехов, по его словам, отложил себе только с десяток книг, из которых народные "Песни", собранные П.Н.Рыбниковым, и "Тишь да гладь" Бибикова отослал впоследствии в Таганрогскую библиотеку. А книга "Командные слова для совершения главнейших на корабле действий" дала писателю материал для роли Ревунова-Караулова в его водевиле "Свадьба".

Вот как описывал чеховское собрание познакомившийся с ним в середине 80-х гг. писатель А.С.Лазарев-Грузинский: "В кабинете Чехова близ входа в его спальню открытые полки с книгами тянулись от потолка. Это была библиотека Чехова, составившаяся на старой московской Сухаревке, положившей начало библиотекам многих московских писателей и журналистов. <...>

Книг в библиотеке жалось друг к другу немало, быть может, до тысячи и даже больше; все они имели очень зачитанный вид. Здесь были старые, разрозненные толстые журналы, отдельные томики разных авторов, имевших некоторое влияние на творчество Чехова; покупалось все это в разное время, понемножку, при получении из редакции более крупного гонорара или аванса; полные собрания сочинений в те времена стоили дорого, и на них у Чехова не хватало денег. Да и помещение ранее не позволяло особенно шириться его библиотеке".

Из книг, ему запомнившихся, Лазарев-Грузин-

ский называл издания ряда известных зарубежных писателей, замечая при этом, что Чехов «любил покупать старинные книги и курьезные, вроде "письмовников"»⁹.

Со временем библиотека пополнялась дарственными экземплярами, изданиями сочинений современников писателя, медицинской литературой, да и просто новинками. И хотя многие из них были приобретены "по случаю", в целом библиотека отражала интересы владельца. На полках стояли книги любимых писателей, пособия, справочники и т.п. Лазарев-Грузинский называл несколько имевшихся в ней книг, которые были использованы Чеховым при написании собственных произведений.

Чехов не фетишизировал книгу, но его всегда коробило обывательское отношение к ней как к предмету маловажному, не отличающемуся от любого другого товара. "Привожу в порядок свою библиотеку и даю себе слово впредь никому не давать читать книг. Масса раскрадена", — с горечью писал он Н.А.Лейкину 23 апреля 1888 г. (2, 255). Угрозу свою он, понятно, не выполнил. По словам учителя Талашской школы М.Е.Платова, именно Чехов познакомил его с некоторыми запрещенными изданиями, хранившимися у него в библиотеке. Передавая ему брошюру с "Письмом" Белинского Гоголю и "Мелочи архиерейской жизни" Лескова, писатель посоветовал мемуаристу быть с этими книгами особенно осторожным, поскольку их обнаружение грозило большими неприятностями издателям. "Мне как писателю, — добавлял он, — можно иметь для справок любую запрещенную книгу, а публике нельзя"¹⁰.

История с покражей книг имела все же какой-то резонанс, иначе бы брат Чехова Иван Павлович не рискнул свидетельствовать, что писатель именно "после домашних краж стал все отсылать в Таганрог"¹¹. Однако с последним утверждением трудно согласиться хотя бы потому, что эти два события разделены значительным отрезком време-

ни. Да и опекать Таганрогскую библиотеку Чехов стал по иным причинам. Но прежде чем рассказать об этом немало-важном эпизоде жизни писателя, следует сказать несколько слов о составе его последней, ялтинской библиотеки с тем, чтобы явственнее представить его собственные читательские вкусы, в какой-то мере отразившиеся на комплектовании библиотеки родного города*.

Переезжая в Крым, Чехов взял с собою небольшое число книг наиболее любимых им писателей, медицинскую литературу и справочные пособия, всего около 160 названий. Большинство книг содержит пометы писателя, на некоторых имеются его экслибрисы (простая наборная этикетка с именем, отчеством и фамилией владельца), многие имеют дарственные надписи авторов. Сделанные рукою Чехова пометы "носят или разъяснительный характер, или исправления текста, или же следы библиографической обработки книги"¹².

Из указанных — 36 книг на иностранных языках, преимущественно переводы произведений Чехова. Подобные издания — непрменный атрибут интерьера любого писательского кабинета. Так же, кстати, как и сочинения его владельца на родном языке. Впрочем, многие из них нужны были Чехову для работы над корректурой собрания сочинений. Наряду с вырезками и номерами журналов, в которых были опубликованы чеховские произведения, они составляют свыше 60 названий. Другими словами, библиотека в Ялте состояла примерно из полусотни книг, половина приходилась на долю беллетристики. Но это были именно те книги, с которыми писатель не хотел расставаться. Основное ядро библиотеки

*Всех, интересующихся темой "Чехов-читатель", отсылаем к статье: Жабицкая Л. "Буду изучать Вашу манеру" (А.П.Чехов) // "Они питали мою музу...": Кн. в жизни и творчестве писателей. М., 1986. С. 132–153.

**Шкаф с книгами,
подаренными А.П.Чеховым
Таганрогской библиотеке**

составляют книги-друзья, помощники в нелегком писательском труде. Однако среди них имеется несколько явно случайных изданий, неизвестно как попавших на полку.

У каждого человека, тем более писателя, свои симпатии, свои оценки. Иногда они совпадают с хрестоматийными понятиями, иногда — нет. Поэтому особенности восприятия той или иной книги раскрывают какие-то новые грани характера интересующей нас личности — больше всего, когда говорится об отношении писателя к сочинениям своих собратьев по перу. В данном случае речь о тех книгах, с которыми Чехов не пожелал расстаться.

Их список открывается сочинениями Пушкина, которого всегда почитали в семье Чеховых. В 1887 г. Чехов лично приобрел изданное А.С.Сувориным первое де-

шевое собрание сочинений поэта. Издание это очень ему нравилось, но по прошествии какого-то времени он решил приобрести и более достойное. Так в его собрании появляются первые тома академического издания (1900).

Гоголь был представлен лучшим, 10-м изданием сочинений, подготовленным Н.С.Тихонравовым (первые пять томов), два последних тома, подготовленные В.Шенроком и изданные уже А.Ф.Марксом, отсутствовали. В один из томов была вложена брошюра с "Письмом" Белинского Гоголю, та самая, которую он давал в свое время читать учителю Талашской школы. При том, что Чехов считал Гоголя "величайшим русским писателем", горячо любил и почитал, "Письма к губернаторше", как он называл "Выбранные места из переписки с друзьями", "презирал" и целиком солидаризировался с Белинским (4, 270).

Взял он с собой в Ялту и "Сочинения" Лермонтова ("Дешевая библиотека", изд. А.С.Суворина, 1891), "Полное собрание стихотворений" Некрасова (1882), все десять томов глазуновского издания "Полного собрания сочинений" Тургенева (1891) и "Собрание писем" писателя, изданное Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1894). Перекочевали в Ялту все 12 томов "Сочинений" Салтыкова-Щедрина (1894).

В отличие от вышеупомянутых писателей, с Л.Н.Толстым Чехов был лично знаком. Их взаимоотношения не были просты, так же, впрочем, как восприятие творчества друг друга. Гениальность Толстого-художника для Чехова была несомненна (хотя он критически относился к отдельным его произведениям). Духовные искания Толстого остались чужды Чехову. Толстой знал об этом и даже как-то раз, по воспоминаниям Ф.А.Страхова, «не захотел дать своих книг Чехову, сказав: „Это ему не нужно”». Комментируя эти строки, публикатор посчитал возможным отметить, что "речь идет, по-видимому, о религиозно-нравственных сочинениях Толстого"¹³. Тем не менее

в ялтинской библиотеке имелось не только десяти томное собрание сочинений Толстого (1886), но и его знаменитая книга "В чем моя вера", изданная в Женеве (1888).

Если о каждом из названных собраний сочинений можно, не боясь ошибиться, сказать, что они принадлежат перу любимых Чеховым писателей, то к их числу никак нельзя причислить хранившееся в библиотеке десяти томное Собрание сочинений Достоевского (1888—1889), приобретенное в свое время в Петербурге. Впрочем, о том, как оно очутилось у него, Чехов сам поведал в марте 1889 г. А.С.Суворину: "Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий" (3, 169).

Не вызывает удивления факт нахождения в библиотеке двухтомных Сочинений Г.И.Успенского и пяти первых томов Сочинений М.Горького, выпущенных "Знанием". Они столь же естественны в кругу собранных Чеховым изданий, как сборники Гаршина и Короленко. И того и другого он причислял к любимым писателям.

Остальные произведения изящной словесности, находившиеся в ялтинской библиотеке, крайне немногочисленны. Из русских писателей представлены: С.Т.Аксаков — "Записки об ужении рыбы" (прижизненное издание 1856 г., в данном случае не редкость, а тема книги привлекла внимание Чехова); В.В.Вересаев — "Записки врача" (книга осталась неразрезанной); В.А.Гиляровский — "Забытая тетрадь" (сборник стихотворений, подаренный Чехову еще в Мелихове); К.Р. (великий князь Константин Константинович) — сборник "Стихотворения. 1879—1899" (Спб., 1901); Вл. Ив. Немирович-Данченко — драма "В мечтах" (1902); Н.Пастухов — "Стихотворения" (1862). Скорее всего последняя книга привлекла внимание Чехова личностью автора — бывшего кабатчика, ставшего редактором одной из популярнейших бульварных газет — "Московского листка".

Хранилась в библиотеке комедия некоего А.Лаура "Хохотушка" (1896), а также сборник старшего брата Александра – "Святочные рассказы" (1895).

Еще более узок круг иностранных авторов: Шекспир ("Гамлет", "Король Лир", "Макбет"), Гете ("Фауст"), Марк Аврелий, Сервантес ("Дон Кихот"), Бернарден де Сен-Пьер ("Павел и Виргиния").

Вполне естественно и наличие в этом собрании таких книг, как "Новый завет" (изд. 1870 г.) и "Новый завет в русском переводе" (изд. 1894 г.), "Псалтирь", принадлежавший отцу писателя, "Священная история Ветхого завета" (1839).

Невелико число справочников и календарей, оказавшихся в библиотеке: все семь вышедших к тому времени томов академического "Словаря русского языка"; "Большой всемирный настольный атлас" под ред. Э.Ю.Петри и Ю.М.Шокальского, подаренный А.Ф.Марксом; "Путеводитель по Волге" А.Бесчинского (1903), подаренный составителем; "Практический путеводитель по Волге" Г.Москвича (1903); "Собиратель грибов" Д.Кайгородова (1891), подаренный издателем книги А.С.Сувориным; "Каталог Таганрогской городской библиотеки 1903 года"; "Памятная книжка Академии наук на 1899 год".

Среди научных изданий: "Пушкинские премии" (четвертое присуждение Пушкинских премий. 1888 г.); первый том "Русских летописей", включающих Лаврентьевскую и Троицкую летописи (1846), принадлежавший ранее младшему брату Михаилу; "Русские народные пословицы и притчи" И.Снегирева (1848); две работы, посвященные религиозной проблематике: "Лекции об основных истинах христианской веры" Н.Сергиевского (1872), приобретенные еще в годы студенчества, и сочинение доброго знакомого, известного в те годы публициста Г.С.Петрова "Серафим Саровский" (1903), а также

две-три книги, неведь каким путем попавшие в собрание.

Немного книг окружало писателя в последние годы его жизни. Все, что ему посылали и он сам покупал, быстро прочитывались и тут же отсылались в Таганрог. Осталось, видимо, только то, в чем испытывалась повседневная необходимость.

С книгами он расставался легко. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в числе переданных изданий оказались и сочинения многих любимых им авторов. Но дело не только в щедрости его дара. Не меньшее значение имел сам факт личного участия писателя в делах библиотеки, придававший ей определенный авторитет. Не ограничивая свою роль простым представительством, он, по сути дела, стал как бы внештатным ее комплектатором.

Насколько ответственно относился Чехов к своим добровольным обязанностям, будет видно из последующего изложения, сейчас лишь следует обратить внимание читателя на рукописный каталог, сохранившийся в его архиве¹⁴. Речь идет о двух ученических тетрадах, в которых рукой Чехова перечислены книги, посланные им в дар Таганрогской библиотеке. В них насчитывается 1693 издания (некоторые из них были посланы в нескольких экземплярах, например собственные книги, или же состояли из нескольких томов). Однако каталог следует увеличить еще на 7 книг. Доказательством тому служит сохранившийся список из 8 книг издания 1904 г., посланных писателем в библиотеку. Извещение об их получении прибыло незадолго до последнего отъезда Чехова за границу¹⁵. Из них только одна — четвертый том пьес Е. Чирикова (изд. "Знание") — попала в каталог. Это обстоятельство дает основание его датировать весной — началом лета 1904 г. Написан он в "один присест" (о чем можно судить по почерку и чернилам), видимо, на основании предварительных записей, описания в которых располагались в хронологи-

ческом порядке по мере отправления посылок в Таганрог.

Невольно возникает вопрос, ради чего писатель потратил столько усилий. Неужели сыграли какую-то роль столь не свойственные Чехову честолюбивые помыслы, заставившие его вдруг проделать на первый взгляд никому не нужную работу. Но эта мысль начисто исключается, поскольку доподлинно известно, что свои филантропические деяния писатель всегда старался скрыть.

Кроме книг, Чехов посылал в тот же Таганрог деньги и ценные дары на нужды различных городских учреждений, в частности приюта¹⁶. Он всячески противился афишированию своего имени, даже в стенах библиотеки. Например, долго отказывался прислать фотографию, которая должна была наряду с портретами других замечательных деятелей русской культуры украсить стены читального зала. "В прошлом письме я просил Вас выслать нам Вашу фотографию, — обращаясь к писателю, писал в конце декабря 1897 г. П.Ф.Иорданов. — Ответа по этому поводу не последовало, а потому я вновь повторяю просьбу. Ведь все равно: как мы тщательно ни скрываем, согласно Вашему желанию, Ваше участие в делах библиотеки, тем не менее публика о нем знает, а потому, согласитесь сами, нам неудобно водворять в читальне фотографию Айвазовского и не иметь Вашей"¹⁷.

В конечном счете городская дума 15 октября 1899 г. избрала Чехова попечителем библиотеки и просила его не отказать в принятии этого почетного звания. В библиотеке был даже учрежден специальный раздел из книг, пожертвованных писателем¹⁸. Вот почему остается предполагать, что Чехов зафиксировал свод переданных им книг для того, чтобы по нему можно было сверять новые приобретения, вернее, не приобретать книги, имевшиеся в библиотеке. Ведь, кроме подаренных ему изданий, Чехов регулярно посылал в Таганрог книги, купленные на личные средства и деньги городской управы. Книжные посылки

ТАГАНРОГСКИЙ
Городской Голова

Октябрь 15 1918 г.

№ 3778

г. Таганрогъ.

Милостивый Государь

Антоны Павловичъ.

Ваши продолжающиеся работы и пожертвования для нашей Городской Общественной Библиотеки, послужившие к быстрому разрастанію ея, дали повод Городскому Общественному Управленію избрать Васъ Почетнымъ членомъ этой Библиотеки.

Считаю приятнымъ долгомъ извѣстить Васъ, Милостивый Государь, объ этомъ, съ своей стороны посприичиваю прошу не отказать въ принятіи званія Почетнаго члена означенной Библиотеки.

Примите извѣренія въ совершенномъ почтеніи

и глубокимъ уваженіи - *Н. Сидоркинъ*

Письмо таганрогского городского головы
А.П.Чехову

в Таганрог шли не от случая к случаю, а регулярно. Печатные же каталоги библиотека выпускала редко, они были неполны и к тому же плохо составлены. Чехову ничего не оставалось, как составить для себя своеобразную библиографическую памятку. Специалист, понятно, сразу увидит ее методическое несовершенство, но она важна не только заключенными в ней сведениями, но и тем, что свидетельствует о глубочайшей ответственности, с которой Чехов относился к добровольно возложенной на себя обязанности.

Мысль о передаче библиотеки городу, "где родился и учился", возникла у Чехова еще в годы сотрудничества в "Осколках". Полушутя, полусерьезно он писал Лейкину, что намерен пожертвовать ее "после своей смерти, т.е. лет через 70--80", и посему просил его подарить свои книги, обязательно с автографом (2, 255).

Однако поездка в Таганрог в августе 1894 г. заставила его несколько поторопиться. Увиденное огорчило писателя. В беседе с одним из своих земляков Чехов говорил и о печальном состоянии городской библиотеки, столь необходимой для подъема культурной жизни города¹⁹.

Через две недели после возвращения в Москву Чехов отправил свою первую посылку с книгами для Таганрогской библиотеки. В марте 1895 г. он писал городскому голове К.Г.Фоти: "Посылаю для городской библиотеки книги, в большинстве полученные мною от авторов, переводчиков или издателей. Многие из них, именно те, которые снабжены автографами, имеют для меня особую ценность, и это обстоятельство объясняет, почему я решаюсь предлагать книги, которые, быть может, уже имеются в нашей библиотеке и не обогатят собою ее каталога" (6, 35).

Причина, побудившая его сразу же послать

в дар родному городу, пожалуй, самую дорогую для него часть книжного собрания, вероятно, лежит в процитированном письме к К.Г.Фоти, именно в той его части, где Чехов называет Таганрогскую библиотеку "нашей".

Скептически относясь к некоторым культуртрегерским начинаниям своего времени, он всячески поддёрживал предпринимаемое земствами строительство сельских школ и библиотек. Беседа зимой 1895 г. с одним из земских деятелей — В.Н.Ладыженским, он заметил по этому поводу: "Все это хорошо, и дай бог всякого успеха, но по-настоящему нужны не школки с полуголодным учителем и не аптечки, а народные университеты"²⁰. Однако при скудости средств, выделяемых правительством на нужды народного образования, вряд ли можно было надеяться на появление в близком будущем подобных учреждений. Только общественное участие могло изменить сложившуюся ситуацию. Вот почему в октябре 1896 г. Чехов стал членом Московского комитета грамотности, образованного кружком либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала "Русская мысль" и газеты "Московские ведомости". Правительство весьма подозрительно относилось к деятельности комитета и вскоре его закрыло.

Ужасающее положение, в котором находились народные школы, библиотеки, больницы и т.п., Чехов ощутил с первых дней его медицинской практики. С особой остротой оно раскрылось во время поездки на Сахалин. Вскоре после возвращения, в начале 1891 г., Чехов собирает для сахалинских школ книги. В марте одесский магазин "Нового времени" по его поручению отправляет в порт Корсаков для местной библиотеки 7 ящиков книг (свыше 2000 томов).

Особенно близко с делами земства Чехов соприкасается в Мелихове. Писатель охотно берется за строи-

тельство сельских школ, попечительство над народными библиотеками. В конце февраля 1897 г. по просьбе Серпуховской уездной земской управы соглашается осуществлять безвозмездный надзор за предполагавшимися к открытию народными библиотеками при Хатунской и Вельяминовской школах. В дальнейшем был утвержден попечителем первой из них и одновременно попечителем Чирковского училища²¹. Позднее им была устроена библиотека при Талашской школе. Оказывал он внимание Серпуховской земской библиотеке, в которой и после революции хранились подаренные им книги²². До этого, как известно, он организовал библиотеку при Серпуховской земской больнице (февраль—март 1894 г.) и заботился о ее пополнении²³.

Простой случайностью нельзя объяснить общественную активность писателя, и в частности тот факт, что в последние десять лет его жизни заботы о библиотечных нуждах заняли столь большое в ней место. Суть его намерений раскрывает переписка с членом Таганрогской городской управы, а потом и городским головой Павлом Федоровичем Иордановым²⁴.

Как и Чехов, Иорданов по профессии был врачом. Человек интеллигентный, интересующийся если не глубоко, то в значительно большей степени, чем многие из его сограждан, литературой и искусством, он в то же время был крайне честолюбив. К сожалению, это свойство его натуры проявилось и в некоторых из предложенных им проектов, сказалось в характеристиках таганрогских обывателей, да и в отношении к их духовным запросам, которыми он мог и пренебречь, если они не совпадали с его замыслами. Этой черты своего характера он не скрывал, как и своих амбиций (правда, по отношению к Чехову Иорданов всегда был безупречен). Сказанное, возможно, объясняет, почему он так и не нашел душевного отклика у писателя, и все десять лет их переписка носила сугубо деловой характер.

**Здание Таганрогской городской библиотеки.
Архитектор Ф.О.Шехтель**

Первые одиннадцать книг, посланных Чеховым в качестве дара Таганрогской библиотеке, то ли не дошли до адресата, то ли по халатности не были оприходованы. Случилось это еще до вступления Иорданова в должность, и он, естественно, не смог ответить Чехову на вопрос об их судьбе. Но, взяв бразды правления библиотечными делами в свои руки, он очень быстро наладил переписку с писателем, аккуратно сообщал ему о получении посылок, попутно информировал о своих планах и намерениях, о желательности приобретения тех или иных книг. Нужно отдать ему должное и в другом. Он довольно точно, хотя и несколько высокопарно, определил значение возникшего сотрудничества: "Ваш щедрый дар, — писал он Чехову, — привлек интерес к библиотеке и в публике, и в городском общественном управлении, и благодаря Вам скоро наша библиотека займет видное место в ряду публичных библиотек"²⁵.

Следует сразу же оговорить то обстоятельство, что, хотя Иорданов довольно часто указывал на желательность приобретения того или иного издания, инициатива в подавляющем большинстве случаев исходила от Чехова. Подбирая книги для библиотеки, он внимательно следил за вновь выходящей литературой, отдавая предпочтение тем из новинок, которые в наибольшей степени удовлетворяли интересы широкого круга читателей.

В этом, пожалуй, и заключалось основное отличие двух потоков книжных поступлений. В первом случае речь шла о заказанных изданиях, во втором — посылаемых в качестве дара. Последние, как уже отмечалось, состояли в значительной степени из книг, принадлежащих перу знакомых авторов или писателей, особо симпатичных Чехову. Поэтому неудивительно, что в числе первых же книг, отправленных в Таганрог, оказалось собрание сочинений любимого им "писаки" Н.С.Лескова: "Лескова посылаю своего, только, извините, не в переплетах и без VI тома! — писал Чехов Иорданову. — Этот том запрещен. Я положил его в пакет и написал, что он принадлежит Таганрогской городской библиотеке; это редкость, которая со временем будет стоить очень дорого" (6, 234).

"С удовольствием могу Вам обещать, что VI том Лескова буду хранить в библиотеке так, что о нем никто, кроме меня и Вас, знать не будет: он будет храниться в моем шкафу, в котором хранятся книги, изъятые из обращения на основании закона от 1 января 94 г.", — отвечал обрадованный Иорданов²⁶. Речь шла о тех самых "Мелочах архиерейской жизни", которые в свое время писатель давал читать талашскому учителю.

Нужно отдать должное Иорданову: будучи человеком либеральных взглядов, он всячески оберегал библиотеку от, по его выражению, "кастрации" фондов. Какое-то время ему это удавалось, но весной 1904 г. по

распоряжению Главного управления по делам печати полицейские власти изъяли из библиотеки многие издания, подаренные в свое время Чеховым. В их числе оказались книги Гаршина, Златовратского, Каронина, Короленко, Станюковича, Л.Н.Толстого (XII том его собрания сочинений) и других авторов²⁷. Сообщение Иорданова не могло не огорчить писателя, однако оно не нарушило их сотрудничества; регулярные поступления из столичных магазинов весьма интенсивно заполняли лакуны ее фондов. Иорданов имел все основания утверждать: "Теперь в нашей библиотеке есть все, что можно требовать от библиотеки небольшого города"²⁸. И не без гордости добавлял: "Библиотека хорошеет с каждым днем: уже она первая в городе, т.е. опередила и клубные и гимназические, а между тем еще так недавно она была мизерней из всех". Правда, тут же он вынужден был признаться в том, что "цифры абонентов и читателей в библиотеке еще малы". Причиной тому была не столько конкуренция со стороны других библиотек, сколько общественная апатия. "В последнее время жизнь в Таганроге совсем замерла", — с горечью отмечал Иорданов²⁹.

Деятельность Чехова не ограничивалась помощью в формировании библиотеки. Он принимал самое горячее участие в ее обустройстве и повседневной деятельности. Основной принцип комплектования, предложенный Чеховым, заключался в ясно и четко выраженной программе — приобретать только то, что необходимо библиотеке. Отсюда отказ от "роскошных" иллюстрированных изданий и литературы, которая, по мнению Чехова, для городской библиотеки была не более чем "дорогая, приятная мебель, которую боязно пользоваться, чтобы не испортить" (6, 234). В то же время по его предложению был открыт справочный отдел, комплектование которого требовало значительных средств, а также отделы иностранной литературы и книг с автографами.

1630. Копыт. П. С. Зависим —
- 1631 " " Третья мезица —
- 1632 " " Три - Гривна —
1633. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1634. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1635. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1636. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1637. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1638. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1639. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1640. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1641. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1642. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1643. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1644. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1645. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1646. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1647. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1648. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1649. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1650. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —
1651. Копыт. П. С. Зависим — Зависим — Зависим — Зависим —

Страница из каталога книг,
 посланных А.П.Чеховым в Таганрог

По мысли Чехова, именно справочный отдел должен был привлечь в библиотеку деловую публику, сделать ее необходимой принадлежностью коммерческой жизни города.

Поначалу он рекомендовал, если таковых не имелось, приобрести важнейшие справочные издания: "Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона" (выходил с 1890 г.), "Настольный энциклопедический словарь" Т-ва А.Гранат и К^о (1891—1895) и "Русский энциклопедический словарь" И.Н.Березина (1873—1879). Среди названных Чеховым изданий: "Вся Россия" А.С.Суворина, 36 выпусков "Larousse", а также широко известные библиографические труды С.А.Венгерова "Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых" и "Русские книги" (последнее издание было решено приобрести, а с первым повременить)³⁰.

Не меньшее значение писатель придавал созданию системы каталогов. К сожалению, в библиотеке долгое время не было мало-мальски грамотного в профессиональном отношении сотрудника. Один из таких горбиблиотекарей умудрился для удобства расстановки книг составить конволюты из сочинений различных писателей, да так их подобрать, что Чехову ничего не оставалось, как просить Иорданова передать ему, чтобы он «всех авторов, переплетенных по двое—по трое, отпустил на волю; Софокла отделил бы от Мясницкого, Шекспира от „Жильца с тромбоном”» (7, 230). Более того, писатель был вынужден учить библиотекаря, как описывать книги: "Записывая книги в каталог, не упускайте писать относительно каждой, чье издание, и какого года, и чей перевод". Неудивительно поэтому, что, ознакомившись с печатным каталогом библиотеки, Чехов более чем огорчился: "...каталог ужасен, — писал он Иорданову. — Я стал было исправлять, но скоро бросил: он неисправим. Какая каша! Вагнеров пять, Никольских четыре, Плещеевых два, но все они

свалены в одну кучу, отделы перепутаны” (7, 229–230).

Чехову ничего не оставалось, как просить Иорданова не выпускать нового каталога до его приезда в Таганрог. Писатель собирался специально остановиться в городе на пару дней, чтобы заняться его составлением, но обстоятельства заставили его отказаться от этого намерения, и в качестве образца он послал описание ялтинской библиотеки. “Каталог составлен очень хорошо, и я сожалею, что у меня его не было раньше, до напечатания нашего каталога. Он мог бы послужить нам образцом”, — благодаря Чехова, писал Иорданов³¹. Справедливости ради следует сказать, что при составлении каждого очередного каталога Иорданов советовался с Чеховым и во многом руководствовался его предложениями.

Но далеко не всегда писатель и его адресат сходились во мнениях, особенно когда речь шла о будущем городской библиотеки. Иорданов, одолеваемый грандиозными замыслами, мечтал построить для нее новое здание, в котором “могла бы поместиться и народная читальня и зала для народного чтения”³². Его намерения более четко определились в самом конце века, когда возник проект перестройки городской библиотеки с тем, чтобы объединить ее в одном здании с театром на манер столичных народных домов. Чехов, исходя из функциональных различий этих учреждений, выразил свое несогласие с проектом, продемонстрировав искреннюю озабоченность делом, казалось бы, для писателя не таким уж важным. Он писал журналисту А.Б.Тараховскому: “...народная читальня и народный театр должны иметь свое помещение, а городская библиотека — свое. Просветительные учреждения не следует концентрировать в одном месте, нужно их разбрасывать по городу — это раз. Во-вторых, следует бояться тесноты, толкотни, надо бояться шума, который нужен в театре и так мешает в библиотеке. <...> А глав-

ное... городская библиотека, как книгохранилище, должна занимать свое собственное просторное, привлекательное для публики помещение, и должна быть уверенность при этом, что по мере надобности помещение библиотеки можно будет расширять..." (8, 314).

Пренебрежение интересами читателя, стремление к помпезности ради ложно понятого патриотизма раздражали Чехова, но в силу сложившегося положения вещей с амбициями Иорданова приходилось считаться. Особенно явно они проявились в истории создания городского музея и подготовке к празднованию двухсотлетия со дня основания Таганрога. С помощью Чехова Иорданову удалось связаться с М.М.Антокольским, проживавшим в то время в Париже, и тот безвозмездно передал городу копию своей знаменитой скульптуры Петра I. Отлитая в бронзу, она украсила Таганрог.

Как известно, аппетит приходит во время еды. Иорданов посчитал, что теперь городу не хватает лишь собственного музея, и он методично стал забрасывать Чехова просьбами о содействии в этом направлении. Писатель подключил к хлопотам И.Е.Репина, и не без участия последнего Академия художеств и Археологическое общество согласились оказать помощь будущему музею, правда, обусловив передачу картин и других экспонатов выделением гарантированных и планомерных ассигнований на его содержание. Условия базировались на уставе этих учреждений, но Иорданов несбходимыми средствами не располагал, почему и решил пойти на некоторые хитрости, чтобы обойти неудобные для него положения. Своими планами он поделился с Чеховым: "Академию я обойду: я сократил (и Дума на это согласилась) ассигновку на содержание библиотеки на 500 р. и внес эту сумму на пополнение музея. Об этом я извещу Академию, т.е. исполню ее требование, чтобы на пополнение музея город давал хоть 500 рублей"³³

Письмо это, датированное 4 февраля 1902 г., надо полагать, вскоре дошло до Ялты, не на шутку встревожив писателя. Беспокоясь за судьбу библиотеки и понимая, что указывать Иорданову на опрометчивость его поступка бесполезно, Чехов избрал иную форму поддержки библиотеки. Сразу же по прочтении письма он на небольшом листе бумаги написал завещательное распоряжение в ее пользу, о чем в тот же день известил сестру. Вот текст, писанный рукой Чехова, но не вошедший в полное собрание его сочинений.

”Деньги из кассы взаимопомощи литераторов и ученых завещаны мною Таганрогской городской библиотеке, оне будут выданы городской управе по востребованию.

А.Чехов

7 февраля 1902 г.”³⁴

Выполняя волю покойного писателя, родные придали завещанию законный характер, заверив его 4 августа 1904 г. у нотариуса.

Не следует, вероятно, думать, что Чехов не почувствовал идее создания городского музея. Он лишь опасался за судьбу библиотеки, которая для него всегда выступала в роли аккумулятора человеческих знаний, посредника между ним и его читателями. Как и всякий писатель, он видел конечную цель своей деятельности в обнаружении своих произведений, поскольку в книге наиболее осязаемо проявлялась значимость его труда. Отсюда равная заинтересованность в ее издании, хранении и распространении. Но отсюда — и равная требовательность к издателям и хранителям книг, и к себе как их автору. Эта взыскательность сказалась в том, как всесторонне, до мелочей, обдумывал он тип издания книги, ее объем, структуру, формат, тщательно отбирал произведения для публикации, стремясь предстать перед читателями наиболее значительными произведениями. Требо-

вательность определяла не только характер авторедактирования, но и форму рекомендации книги читателю, что видно из того внимания, которое уделялось им полиграфическому оформлению книги, даже ее названию.

Если в названиях его ранних книг легко угадываются элементы экстравагантности и игры ("Шалость", "Сказки Мельпомены", "Невинные речи", "Пестрые рассказы"), а то и просто эпатажа ("Шалопай и благодушные"), то, уверившись в симпатиях широкого читателя, Чехов начисто отказался от подобного рода рекламы и вообще образных названий ("В сумерках", "Хмурые люди") в пользу заглавий, обозначающих жанр включенных в книгу произведений. Столь же решительно он отказался от рисованных обложек, хотя в свое время испытывал удовольствие от работ брата Николая и его друга Ф.О.Шехтеля. Скрывая за шуткой свои истинные чувства, он, например, писал об обложке "Пестрых рассказов": "Виньетка для книги готова и отдана в цинкографию. Вышла она так хороша, что я ахнул и умилился" (1, 200).

Чехов никогда не был равнодушен к книге. Она интересовала его как таковая, он чувствовал гармонию оформления собственных произведений. В отличие от многих собратьев по перу он считал своим долгом служить книге, понимая, что она послужит и ему и его народу.

КНИЖКИ АНТОШИ ЧЕХОНТЕ

Начало своей литературной деятельности Чехов относил к весне 1880 г. В последующие два-три года он работал столь интенсивно, что из его многочисленных рассказов и "мелочишек" при желании можно было бы составить несколько сборников. Приобрел он и некоторую известность, во всяком случае, его уже отличали от прочих сотрудников "малой прессы". В мае 1883 г. один из них, В.Д.Сушков, писал Чехову: "В недолгое время вы своими трудами очень выдalisя из числа тружеников и рабочих, стали, без сомнения, известны в редакциях как молодой даровитый и многообещающий в будущем писатель"¹. Но что представлялось безусловным в своем кругу, отнюдь не означало всеобщего признания. Ведь "критики, — как справедливо писал К.И.Чуковский, — долго глядели на эти рассказы с высокомерным презрением"². Да и издатели, и книгопродавцы заинтересовались им далеко не сразу. Только книжка, собрав лучшее или хотя бы наиболее характерное из написанного, могла достойно представить читателю скрытого за многими псевдонимами автора. Поэтому Чехов решил попытаться издать свой первый сборник "собственным иждивением".

Сборник назывался "На досуге" и включал по меньшей мере дюжину рассказов. В.В.Каллаш, опубликовавший вскоре после смерти Чехова статью, посвя-

ценную этому изданию, писал, что оно не осуществилось из-за недостатка средств, необходимых для оплаты типографских расходов. Основанием для столь категоричного вывода, очевидно, послужили свидетельства близких автора и сохранившаяся в его семье подборка из семи "отпечатанных листов" невышедшей книги. Остальные, как уверял исследователь, "бесследно исчезли"³. Весьма схоже эта часть истории освещалась и в воспоминаниях Михаила Павловича Чехова. По его словам, книга, "очень мило иллюстрированная братом Николаем", была "напечатана, сброшюрована и только недоставало ей обложки". По каким причинам она не вышла в свет, какова была ее дальнейшая судьба — мемуарист не помнил⁴.

С указанной Каллашом причиной неудачи соглашались многие исследователи⁵. Долгое время высказанная им версия не вызывала сомнений, но обнаруженные М.П.Громовым уже в наши дни в архиве Московского цензурного комитета материалы, непосредственно относящиеся к этому сборнику, позволили исследователю высказать свои предположения о причинах, сыгравших печальную роль в судьбе этого издания.

Речь идет о двух прошениях, поданных от имени типографа Николая Константиновича Коди. В первом из них (от 19 июня 1882 г.) испрашивалось разрешение на выпуск в свет семилистной книги Антоши Чехонте "Шалопай и благодущные" с рисунками его брата — Николая, во втором (от 30 июня 1882 г.) — на выпуск его же книги, иллюстрированной тем же художником, но уже под другим названием — "Шалость" (ее объем обозначался 5—7 листами)⁶.

Идентификация представляемых в цензуру изданий не составляла особого труда, так как М.Громов установил, что первое прошение не было принято из-за нарушения предписанной для такого рода документов формы. Его пришлось переписать, а заодно и отказаться от знатирующего публику названия.

А.П. и Н.П.Чеховы

Второе прошение было удовлетворено, и в тот же день, 30 июня, представителю типографии было разрешено получить билет на цензурование книги. По распределению обязанностей книгу Чехова должен был рассматривать действительный статский советник В.Я.Федоров, ставший вскоре главой Московского цензурного комитета. По мнению исследователя, Федоров отличался особым пристрастием к Чехову и не допустил выхода его книги в свет. (На чем базируется это мнение, исследователь не сообщает.)

Следует сразу же оговорить то обстоятельство,

Эскиз обложки к книге
А.П.Чехова "На досуге".
Художник Н.П.Чехов

что по существовавшим в 80-е гг. законам каждая книга объемом менее 10 печатных листов подлежала предварительной цензуре, и книга Чехова в этом отношении не составила исключения. К ней как к иллюстрированному изданию, действительно, могло быть привлечено повышенное внимание, но опять же не большее, чем к какой-либо другой. Однако в руки Федорова она могла попасть лишь при одном условии – если бы была сдана в Московский цензурный комитет в комплектном виде, включая рисованную обложку. Но, увы, доказательствами этого факта не располагают ни М.П.Громов, ни автор этих строк, внимательно просмотревшие все сох-

ранившиеся дела комитета, относящиеся к этому периоду.

Не исключено, понятно, предположение, что исследователи упустили факт регистрации издания, вызвавшего гнев цензора. Но тогда резонно возникает другой вопрос. По существовавшей практике Федоров, если у него возникли сомнения в идейной направленности книжки Чехова или он нашел в ней какие-то фразы предосудительного характера или нечто вольное в иллюстрациях, обязан был поделиться своими сомнениями с коллегами, которые в заседании Московского цензурного комитета должны были принять коллективное решение по этому вопросу. Но и такой случай не зафиксирован, хотя протоколы МЦК сохранились полностью.

Свои соображения о причинах запрещения издания М.П.Громов обосновывает косвенными доказательствами. Так, для того, чтобы доказать пристрастность Федорова, он ссылается на фразу Чехова из письма к Лейкину: "В Москве находятся издатели-типографы, но в Москве цензура книги не пустит, ибо все мои отборные рассказы, по московским понятиям, подрывают основы..." (1, 147). Эти слова относятся к более позднему времени (1 апреля 1885 г.), к тому же он явно хотел сыграть на чувствах человека, кичившегося своим "страшным либерализмом", уговаривая стать издателем своей книги.

Впрочем, вполне вероятно и прямое истолкование этих слов, если иметь в виду "мелочишки" Чехова, подвергавшиеся безжалостной вивисекции при публикации в юмористических журналах. Но то ведь юмористические журналы; к ним всегда, и, надо сказать, не без оснований, цензура относилась особенно придирчиво.

Справедливо и указание исследователя на известное ожесточение в части преследования печати, наметившееся после убийства Александра II. Неясно только, в какой мере рассказы из невъшедшего сборника могли

вызвать гнев власть предержащих, ведь изданные вслед за тем "Сказки Мельпомены" не встретили никаких цензурных препятствий.

Как известно, лишь один входивший в первый сборник рассказ (пародия на Жюль Верна "Летающие острова") не печатался. Да и тот никак не мог стать причиной запрета книги. Что же касается ранее публиковавшихся рассказов, то исследователь обнаружил, что в некоторых из них изъяты фразы, так или иначе касающиеся духовных лиц. Более того, с этой целью даже подменены персонажи. Не исключено, что автор сделал это в предвидении возможных цензурных придирок или даже вследствие их, но тогда резонно встает вопрос: зачем было запрещать сборник, если автор со всеми предложениями цензуры согласился?

Столь же неубедительны доводы исследователя, когда он пытается оспорить предположение своих предшественников о возникших в связи с печатанием сборника финансовых затруднениях, ставших в конечном счете первопричиной всех бед. Судя по затратам Чехова на "Сказки Мельпомены", М.П.Громов предположил, что книжка должна была стоить 150–200 руб. — расход большой, но, имея в виду реализацию тиража, для Чехова все же посильный⁷. (О "Сказках Мельпомены" Чехов писал Лейкину: "...издание стоит 200 руб. Пропадут мои деньги — плевать" (1, 111).) Однако невьшедший сборник по своим издательским параметрам нельзя сравнивать со "Сказками Мельпомены". Он был почти вдвое больше их по объему, а главное, проиллюстрирован большим числом рисунков и заставок. Значительно удорожала сборник рисованная в три цвета обложка.

Договор Чехова с Коди не сохранился. Известно точно лишь одно — что издание это было авторское⁸. Да и о самом типографе мы располагаем крайне скудными сведениями. Происходил он из купеческого сословия, а свою типолитографию открыл, судя по "Свидетельству", 8 мар-

Иллюстрация к книге А.П.Чехова
"На досуге". Художник Н.П.Чехов

та 1882 г. в доме Мусина-Пушкина на Страстном бульваре⁹. Не исключено, что, не имея еще постоянной клиентуры, Коди поначалу готов был ради заказа пойти на любые, удобные клиенту условия. В те годы типографы охотно работали в кредит: печатали издания, за которые авторы расплачивались уже после выхода их в свет или частями по мере исполнения заказа. Не исключено, что и в данном случае договор предполагал рассрочку платежей, поскольку писатель не мог рассчитывать на скорую реализацию тиража своей книги, не имея никаких связей в торговом мире. Так или иначе, но какая-то крупная сумма, чтобы выкупить издание, ему все же была нужна. О своих же финансовых возможностях Чехов весьма образно писал брату Александру 13 мая 1883 г.: "Писание, кроме дергания, ничего не дает мне. 100 руб., к<ото>рые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой серенький, неприличный сюртук на что-либо менее ветхое. Плачу во все концы, и мне остается nihil" (1, 70). Остается

Иллюстрация к книге А.П.Чехова
"На досуге". Художник Н.П.Чехов

предположить, что кто-то из знакомых все же его субсидировал. Вероятнее всего это был М.М.Дюковский. Недаром одно из адресованных ему писем Чехов (август 1883 г.) оканчивал такими словами: "Ваш всегда покорный слуга, надоевший Вам с книгами, А.Чехонте" (1, 83). Да и эскиз обложки сборника долгое время хранился в его семье.

Высказанное Каллашом предположение, что у Чехова не нашлось необходимой суммы, чтобы выкупить заказ, из-за чего издание оказалось незавершенным и не поступило в цензуру, все же представляется более аргументированным, чем версия М.П.Громова. К тому же известно, что Коди не разорился, заведение его успешно продолжало работать, и в "Адресе-календаре" на 1885 г. он уже значился как "почетный гражданин". Следовательно, и в техническом отношении начинание Чехова не встретило никаких препятствий.

По бытовавшей традиции первый сборник долгое время именовался "На досуге". Сохранился и

эскиз его обложки с тем же заглавием. Датировать эскиз трудно. Точно можно сказать лишь то, что он сделан не ранее февраля 1882 г., так как выполнен на обратной стороне одного из беловых вариантов известного рисунка Н.Чехова «Перед картиной г.Сухоровского „Нана”» (Будильник. 1882. № 6). Судить о том, сделан этот эскиз до или после подачи заявления в цензуру, не представляется возможным. Между тем М.П.Громов отверг это, по его мнению, первоначальное название сборника на том основании, что под тем же заглавием незадолго до описываемых событий, в 1878 г. (а также в 1881 г.), вышли другие юмористические сборники, а "дать своей первой книге ходовой и к тому же тривиальный заголовок Чехов, конечно, не мог". С версией Громова согласились многие советские исследователи. Правда, при обосновании причин якобы имевшего место цензурного запрета были высказаны различные мнения. Нисколько не сомневаясь в существовании такого запрета, Л.А.Малюгин полагал, что цензуре не понравилось слово "благодущные". В противовес ему А.М.Турков посчитал, что ее "недоброжелательно-настороженный взгляд привлек к себе скорее термин "Шалопай", в свое время широко использованный Щедриным для характеристики тех пустоголовых дворян, из которых рекрутируются отборные кадры беспринципных, готовых на все, ни перед чем не останавливающихся администраторов вроде знаменитых господ ташкентцев". В качестве доказательства исследователь приводил ряд реминисценций из произведений Салтыкова-Щедрина, встречающихся в рассказах и письмах Чехова (правда, более позднего времени), на основании чего и построил свою гипотезу эволюции названия сборника.

"Новый вариант заглавия этой книги — "Шалость" есть рудиментарный остаток прежнего названия: ведь в щедринской сатирической терминологии у "Шалопаяв" было несколько синонимических вариантов, в част-

ности "Шалуны". Можно предположить, что под напором цензуры поиски названия шли, так сказать, в убывающей прогрессии:

"Шалопай и благодушные".

"Шалуны и благодушные".

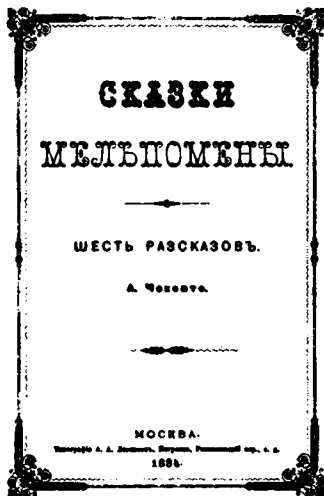
"Шалость".

В последнем случае название приняло совсем уж невинный, типичный для юмористики 80-х годов вид¹⁰.

Заглавия, подобные "На досуге" или "Шалость", библиографы обычно называют типовыми. Им нет числа. Авторы об этом столь же хорошо осведомлены, как и читатели, тянущиеся к ним именно из-за их обычности, "тривиальности", как справедливо отмечает М.П. Громов. Писателю же подобные названия помогают спрятаться за маской обычности. Но если бы Чехова вдруг испугала тривиальность первоначального названия, то и в этом случае он вряд ли стал бы, как говорится, менять одно на другое. Более основательным представляется другое предположение.

"Шалопай и благодушные" — следует считать первоначальным названием сборника, замененным то ли по совету цензуры, то ли по зрелому размышлению на "Шалость". Но и оно показалось автору если не эпатирующим публику, то по крайней мере чересчур игривым. Речь шла ведь о пестрой картине жизни, которую он пытался воссоздать в своих рассказах. Вот почему писатель и предложил брату установить нарисованную им картину на мольберт, а читателей пригласил "на досуге" с ней ознакомиться. Но, увы, издание не состоялось. Впоследствии Чехов решил все же материализовать идею рисунка и попросил своего доброго знакомого Ф.О. Шехтеля воплотить запавший в душу образ в обложке, предназначенной для другой книги, которую так и назвал — "Пестрые рассказы".

Судьба следующего издательского начинания

Обложка книги А.П.Чехова
"Сказки Мельпомены"

Чехова оказалась более счастливой. В июле 1884 г. на прилавках книжных магазинов появился сборничек из шести рассказов с несколько ироническим названием "Сказки Мельпомены" (Чехов имел в виду именно музу трагедии — Мельпомену, а не музу комедии — Талию, как ошибочно считали некоторые критики)¹¹. Имя автора скрывалось за псевдонимом А.Чехонте¹². "Книжку я напечатал в кредит с уплатою в продолжение 4-х месяцев со дня выхода", — писал Чехов одному из своих петербургских знакомых (1, 115). Казалось бы, после приведенного свидетельства факт автоиздания не должен был вызывать сомнений, однако такие авторитетные исследователи, как Н.И.Гитович и Е.Н.Коншина, отдали честь издания книги

типографу А.А.Левенсону¹³. Чем они руководствовались, сказать трудно, ведь, кроме указаний самого автора, им было хорошо известно и свидетельство его брата Михаила, писавшего, что книга лишь печаталась в типографии Левенсона; все расходы по ее изданию Чехов обязывался погасить частями по ходу реализации сборника. Но ему, как писал мемуарист, "не пришлось выручить даже и этих расходов, и вот по какой причине: владельцы книжных магазинов, которым "Сказки Мельпомены" были сданы на комиссию, вообразили, что это не театральные рассказы, а детские сказки, и положили ее у себя в детский отдел. <...> Что случилось потом со "Сказками Мельпомены", не знал даже и сам автор"¹⁴. Впрочем, последнее утверждение весьма сомнительно, поскольку, как известно, Чехов писал Лейкину, что к весне 1885 г. книжка полностью разошлась (1, 147).

В описываемое время А.А.Левенсон только-только разворачивал свою деятельность. Его предприятие было оснащено одной небольшой типографской машиной и ручным типографским станком. Взяться за издание книги никому не известного автора он вряд ли бы рискнул. Тем более что все имеющиеся у него средства он как редактор-издатель вынужден был вложить в "Театральную газету", которая начала выходить с августа 1884 г. Не только издать, но и напечатать "Сказки Мельпомены" на столь льготных условиях он вряд ли согласился бы, не будь у Чехова солидного гаранта и не будь Левенсон сам в нем особо заинтересован. Проливают свет на эту историю письма старшего брата писателя Александра Павловича. Из них следует, что Левенсон имел особые виды на Чехова как будущего сотрудника "Театральной газеты", а гарантом выступал издатель газеты "Новости дня" А.Я.Липскеров, для которого Антон Павлович в тот момент писал роман. Именно он, в счет долга писателю, должен был выплатить часть денег, следуемых

за типографские работы. Но, как это часто случается, в самый острый момент Липскеров оказался в весьма стесненных обстоятельствах ("Накануне кризиса, едва держится"; — писал о нем Александр Павлович) и не спешил оделить Чехова суммой, необходимой для выкупа тиража.

"После напрасных трехдневных хождений к Левенсону, от него к Липскерову и обратно я наконец добился некоторых результатов, — сообщал брату Александр Павлович. — <...> Левенсон в силу одному ему ведомых соображений дает только сто экземпляров для раздачи в книжные магазины по 10 штук и при этом ставит условием, чтобы расписки магазинов были вручены ему". В конечном счете, не без помощи Липскерова, Левенсон выдал Александру Павловичу значительную часть тиража, которую тот тут же постарался "рассовать" "по всем притонам книгоблудия", то бишь московским книжным магазинам и лавкам, при условии 30% книготорговой скидки.

Из приводимых в письмах названий фирм, которым были переданы для продажи "Сказки Мельпомены", можно заключить, что по 50 экз. книги получили магазины А.И.Мамонтова и И.И.Глазунова; по 25 экз. — Д.Н.Преснова, А.М.Земского, Улитиных, Н.П.Карбасникова (последний взял книгу со скидкой в 40%).

Александр Павлович совсем было собрался переслать 100 экз. книги в Петербург в магазины "Нового времени" (московский отказался взять книгу) и М.М.Стасюлевичу, но "за бедностью" не смог этого сделать. Собираясь он, кроме того, отнести какое-то количество книг и к М.Н.Каткову, имевшему склад при своих изданиях, в московское отделение фирмы М.О.Вольфа, книготорговцу А.Л.Васильеву, а какую-то часть раздать по лавкам Никольского рынка.

Сообщая, что Карбасников намерен разослать "Сказки Мельпомены" по всем своим филиалам (даже в Варшаву!), Александр Павлович не без иронии отмечал,

что хотя слава брата "растет", но в магазинах его книга "принимается неохотно". А в заключение одного из писем приводил текст телеграммы, якобы поступившей в контору Левенсона: «Имея четырех детей и не находя в литературе других сказок для чтения, кроме Андерсена и др., прошу выслать „Сказки Мельпомены”»¹⁵. Отсюда, вероятно, и возникла легенда о путанице, происшедшей из-за названия книги, о которой писал младший брат писателя Михаил Павлович.

В начале июля в петербургской еженедельной газете "Театральный мирок", издававшейся А.А.Плещевым, сыном известного поэта, появился первый отзыв о "Сказках Мельпомены". Небольшая библиографическая заметка походила скорее на рекламное объявление, чем на рецензию. В ней сообщалось, что все шесть рассказов, входящих в сборник, "написаны бойким, живым языком и читаются с интересом", а их "автор обладает несомненным юмором"¹⁶. Не намного больше информации можно было почерпнуть из крошечной рецензии, появившейся вскоре в более влиятельной газете — "Новом времени"¹⁷. Ее автор, знакомый Чехова, А.Д.Курепин, был редактором юмористического журнала "Будильник" и одновременно московским корреспондентом "Нового времени". Кто-то из близких писателя старательно переписал его рецензию и сохранил в семейном архиве, справедливо полагая, что с этих небольших заметок начнется многотомная чеховиана¹⁸.

Третья рецензия была опубликована в самом конце года в одесской газете, и вряд ли автор книги узнал бы о ее существовании, если бы сам рецензент не сообщил ему об этом. Принадлежала она перу гимназического товарища Чехова — П.А.Сергиенко. По его мнению, рассказы А.Чехонте были "живьем вырваны из артистического мирка. Все они небольшие, читаются легко, свободно и с невольной улыбкой. Написаны с диккенсовским юмо-

ром: и смешно, и за душу хватает"¹⁹. Более сдержанно отзывался о книге четвертый рецензент. Он также считал, что рассказы написаны "недурно, читаются легко, содержание их и выведенные в них типы близки к действительной жизни", но особых восторгов не выражал²⁰.

История подготовки прижизненных изданий Чехова достаточно подробно рассмотрена в упоминавшейся статье Е.Н.Коншиной. Следует только повторить, что уже в самых ранних сборниках писатель не механически воспроизводил включаемые в них рассказы, но, как правило, существенно их перерабатывал. Авторедактирование проявилось в основном в изъятии грубых выражений и провинциализмов, в сокращении текста, изменении названий и т.п. В более поздних книгах часты случаи переработки текста, искаленного редакторами журналов в надежде предупредить придирки цензоров, а то и по их прямому указанию²¹.

В ряду издателей чеховских книг первым был редактор журнала "Осколки" Николай Александрович Лейкин.

С Чеховым он познакомился в один из своих приездов в Москву. Произошло это знаменательное событие, очевидно, в конце октября (в начале ноября?) 1882 г. Лейкин, только-только входивший в новую для него роль издателя-редактора юмористического журнала, был чрезвычайно заинтересован в расширении круга сотрудников, поэтому охотно включил в их число и Чехова. А впоследствии даже уверял, что именно он ввел своего нового знакомого в литературный мир Петербурга: "И как писателя Чехова — я отыскал. У меня в "Осколках" и начал свою деятельность. Даже в первый раз в Петербург приехал из Москвы со мной"²².

"Осколки" основал петербургский типограф Р.Р.Голике. Правда, он предполагал издавать не юмористический, а художественный журнал, да и назывался тот

Н.А.Лейкин

первоначально "Собрание картин". Но дело не пошло, и Голике вынужден был пригласить в компаньоны Лейкина, который преобразовал журнал в иллюстрированный еженедельник. С 1882 г. редакторами-издателями "Осколков" значились Н.А.Лейкин и Р.Р.Голике. Но последнему отводилась лишь роль технического руководителя.

Лейкин был на редкость плодовитым писателем. Он оставил 70 книг и массу мелких произведений, разбросанных в различных изданиях. Будучи фактическим редактором "Осколков", он одновременно был и ведущим

Р.Р.Голике

сотрудником "Петербургской газеты", владелец которой С.Н.Худеков выплачивал ему в качестве гонорара ежегодно 9000 руб.²³ И тем не менее правы те исследователи, которые считают, что "имя Лейкина едва ли оставило бы хоть сколько-нибудь заметный след в истории русской литературы, если бы не та роль, какую ему посчастливилось сыграть в судьбе Чехова"²⁴. Однако оценить в полную меру талант молодого писателя он не смог, хотя повсюду и заявлял, что "Щедрин нового открыл"²⁵. Не отличаясь особой требовательностью к себе, он не разделял ни устремлений, ни поисков своего сотрудника. Объективности ради следует сказать, что и на свои произ-

ведения он смотрел как на "товар", который как можно скорее и удачнее следует реализовать. Поэтому Лейкин не считал зазорным использовать для этого любые средства. Он, например, настоятельно советовал Чехову "подмазать" А.С.Суворина поздравительной телеграммой по случаю десятилетнего юбилея "Нового времени" в расчете на благожелательную рецензию²⁶.

Не был он бескорыстен и когда рекомендовал Чехова в "Петербургскую газету". Не имея возможности полностью занять писателя в "Осколках", Лейкин весьма ревниво относился к его сотрудничеству в конкурирующих журналах. Он надеялся, что участие в газете как-то ограничит возможности Чехова, занимающегося к тому же еще и медицинской практикой. Впрочем, когда к Чехову стали проявлять повышенное внимание, Лейкин, желая сохранить свое положение в газете, попытался скомпрометировать его. «Он всячески подставляет мне ножку в „Петербургской газете“», – писал Чехов брату (1, 176). По этой же причине он активно поддерживал впоследствии сотрудничество писателя в "Новом времени", но за издание книги Чехова взялся, преследуя иные цели. Во-первых, не мог противостоять нажиму Чехова, резонно полагававшего, что он имеет на это оснований не меньше, чем другие сотрудники "Осколков", например Л.И.Пальмин и К.С.Баранцевич, книги которых вышли под маркой журнала, а во-вторых, надеялся заработать на его книжке, как и на других подобных изданиях.

Разговор о возможности издания сборника возник, вероятно, в конце 1884 г. или в начале следующего года, когда обычно Лейкин приезжал в Москву, чтобы подвести итоги своим операциям с московскими книгопродавцами. Однако он, видимо, не получил продолжения, и Чехов в апреле 1885 г. вынужден был напомнить издателю "Осколков" о своей просьбе: "Когда-то, сидя у Тестова, Вы обещали мне издать мою прозу... Если Вы

не раздумали, то Исайя ликуй, если же Вам некогда со мной возиться и планы Ваши изменились, то возьму свой литературный хлам и продам оптом на Никольскую... Чего ему валяться под тюфяком? На случай, ежели бы Вы когда-либо, хотя бы даже в отдаленном будущем, пожелали препроводить меня на эмпирей, то ведайте, что я соглашусь на любые условия, хотя бы даже на ежедневный прием унца касторового масла или на переход в магометанскую веру. Если отбросить все хламовидное и худшее, то лучших рассказов, годных для употребления, наберется листов на 10—15... Тут я разумею одни только юмористические вещи, за исключением мелочей... Каждый день порываюсь на Никольскую, и все какой-то глас с небес удерживает” (1, 147).

Переписка Чехова с Лейкиным сохранилась, и поэтому легко проследить, как развивались последующие события.

Несмотря на обещание, Лейкин не спешил издавать книгу “нового Щедрина”, видимо, не очень веря в ее успех. Так возникает мысль подключить к этому делу издателя “Петербуржской газеты” С.Н.Худекова, и решение вопроса практически откладывается до приезда писателя в Петербург. Однако ожидаемый разговор о деле не состоялся. Худеков пригласил Лейкина и Чехова к себе, чтобы “поговорить об издании, а потом прислал сказать, что не может принять. Даже прислал без записки. В запасе у него был следующий день, но он уже не повторил ни Вам, ни мне своего приглашения”, — вспоминая перипетии своих отношений с Худековым, писал Лейкин Чехову²⁷. Случай, действительно, из ряда вон выходящий. Сотрудник приезжает в Петербург в первый раз, хочет познакомиться с редактором, его приглашают, а потом отказываются принять. Однако принципиально вопрос об издании книги был решен. Приехав в Москву, Чехов отбирает первую партию рассказов и отправляет их в Петербург

для набора. Получив рукопись, Лейкин, вероятно, уверовал в успех будущей книги и решился издавать ее единолично. Мотивировал он свое решение прохладным отношением Худекова к своему сотруднику, да и тем, что тот никогда не будет хлопотать за детище писателя. "Это все должен сделать я же, — резонно полагал Лейкин, объясняя свои действия Чехову, — [потом эти расчеты с ним]. Надо Вам сказать, что он большой грошевик. Наконец, со времени Вашего отъезда он ни разу и не упомянул мне о Вашей книге"²⁸.

Условия, предложенные Лейкиным, были обычны для того времени. Поначалу издатель компенсировал затраты, а когда книга окупалась, доход делился пополам между ним и автором. "Труд вознаграждается так же, как капитал, и вместе с ним неразлучный риск на издание, так как ежели книга не пойдет — то убыток понесу я один, а не Вы", — аргументируя свои намерения, писал он автору.

Сборник предполагалось издать тиражом в 2000 экз., форматом, обычным для книг, выпускаемых "Осколками". В ответ на это предложение немедленно последовало согласие Чехова, считающего условия "вполне основательными"^{*}. "Беру на себя, — писал он Лейкину, — только выбор статей, вид обложки и те функции, какие Вы найдете нужным преподать мне по части хождения к Ступину^{**}. <...> Надежду Вашу на то, что книга скоро окупится, разделяю и я. Почему? Сам не знаю. Предчувствие какое-то... Почему вы не хотите печатать 2500 экз<емпляров>? Если книга окупится, то 500 лишних экз<ем-

^{*} А.В.Амфитеатров еще при жизни Чехова, вспоминая о времени их совместной работы в "Будильнике", приводил слова писателя: "Мой идеал заработка — получать 15 копеек за строчку и зарабатывать 300 руб. в месяц!" (О.Г. Литературный альбом // Россия. 1900. 14 (26) янв.).

^{**} Ступин А.Д. — московский издатель и книгопродавец, комиссионер Лейкина.

пляров> не помешают... Мы их "измором" продадим..." (1, 187).

Несмотря на намерение Лейкина выпустить книгу не позднее первой или второй недели великого поста, издание ее затянулось*. Скорее всего виной тому были обстоятельства, а не "козни" издателя, как пытался убедить Чехова его близкий знакомый Ф.О.Шехтель. "Вашему желанию издать книжку незаурядно, — писал он о компаньоне Лейкина Р.Р.Голике, — вполне сочувствует и выдержал несколько баталий с косматым чертом (его подлинное выражение)". И добавлял при этом: "Даже предположение, что Лейкин действует во вред Вам и, следовательно, в свою пользу, не лишено, как оказывается, основания, но благородный Роман Романович, торжественно подняв два пальца кверху, дал клятву не потакать его личным инстинктам и если не силою, то хитростью — одержать над ним верх"²⁹. Думается, что речь в данном случае идет лишь об оформлении книги, которое Лейкину казалось чрезмерно роскошным.

Он предлагал издать книгу Чехова объемом примерно в 25–26 листов, ценою в 2 руб. Все это было в пределах существующей практики; единственное, в чем Лейкин отказывал писателю, — это во второй корректуре, объясняя свои действия экономией времени. Он охотно согласился и с предложенным Чеховым названием сборника "Пестрые рассказы", но, подумав, отказался увеличить его тираж. Аргументы его с коммерческой точки зрения имели известное основание: "Главную ценность в книге составляет бумага, и отнюдь не набор типографский, так зачем же капиталу, затраченному на бумагу, лежать? — писал он Чехову, предлагая иной вариант. — Если книга сразу раскупится, то можно печатать сейчас же и второе издание"³⁰. А что касается композиции сбор-

*В 1886 г. пост начинался в последней декаде февраля по старому стилю.

А. Чеховте (авт. Б. Чехова):

ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ.

*Уважаемому Николаю Алексеевичу
Завицкому Лейкину от автора
на добрую память*

Книжки журнал - ОСКОЛКИ. 86 2
v

О ПЕТЕРБУРГЕ.
Томского Г. Г. - Санкт-Петербург, 1898

Титульный лист книги А.П.Чехова "Пестрые рассказы"

ника, внутренней взаимосвязи входящих в него рассказов, то все подобные проблемы он воспринимал как излишнюю щепетильность. Он подчинился требованию Чехова исключить из сборника рассказ "Кошмар", который во избежание перерыва в печатании без согласия автора приказал набирать. Внутренне он, правда, с этим не согласился, памятуя о зря произведенных затратах. (Рассказ "Кошмар" был опубликован лишь весной следующего года в "Новом времени". Почему автор не захотел включить его в сборник, с полной определенностью сказать нельзя: то ли хотел

предварительно опубликовать его в газете или журнале, то ли не находил ему места среди "Пестрых рассказов".)

"Пестрые рассказы" вышли не ранее 7 мая 1886 г. "Немного опоздали мы с книгой", — с сокрушением писал Лейкин автору³¹. Несмотря на активные меры, принятые для реализации издания, сборник расходился плохо. По словам Лейкина, книготорговцы "на деньги покупали книгу очень мало: по 5—10 экземпляров"³². Немного нашлось охотников, согласившихся взять ее на комиссию, хотя условия были для книгопродавцев весьма выгодные. Уступка при покупке книги за наличные доходила до половины номинала; при сдаче на комиссию — до 40%. Наибольшее число книг закупила фирма А.С.Суворина (300 экз.). Получив скидку в треть номинала, книжный магазин "Нового времени" тут же перепродал большую их часть мелким книгопродавцам с уступкой в 25%, правда, предоставив кредит.

Отлично понимая, что не столько реклама, сколько отзывы критики способны привлечь к книге внимание публики, Лейкин старался убедить Чехова послать книгу наряду с Сувориным и В.П.Буренину, ведавшему литературно-критическим отделом "Нового времени". Но если Суворина Чехов относил к числу своих знакомых, то Буренина таковым не считал и сборника ему не подарил. Лейкин попытался исправить его "оплошность" и отослал тому книгу от своего имени, но рецензии в "Новом времени" так и не дождался.

Нужно отдать Лейкину должное. На рекламу он не скупился. Несколько экземпляров "Пестрых рассказов" он послал и в редакции других журналов и газет, в расчете, как говорил, "авось напишут рецензии". Предположения его отчасти оправдались, но книга расходилась отнюдь не с той быстротой, на которую рассчитывали автор и издатель. В конце февраля 1887 г. Лейкин писал Чехову, что "книга идет неважно. <...> Провинциальный

читатель ведь немного тратит на книги. Купит он себе Пушкина за полтора рубля и сидит над ним, да и просидит..."³³ Окупила она лишь к сентябрю 1888 г., после чего дела пошли значительно лучше, и к началу следующего года Лейкин рассчитывал получить с нее 500 руб. барыша³⁴. Однако переводы были мизерны. Лишь раз Р.Р.Голике единовременно переслал Чехову 300 руб.³⁵ Только в конце октября 1891 г. был произведен окончательный расчет³⁶.

Последовавшие вскоре одиннадцать переизданий "Пестрых рассказов" (правда, выпущенных другой фирмой) свидетельствуют, что Чехов имел все основания рассчитывать на успех своей книги. Сборник содержал почти 80 рассказов, поэтому его вполне правомерно рассматривать как первое издание избранных произведений писателя. В книгу вошли многие, действительно лучшие из написанных к этому времени рассказов: "Дочь Альбиона", "Смерть чиновника", "Егерь", "Орден", "Кухарка женится", "Злоумышленник", "Налим", "Канитель", "Экзамен на чин", "Хирургия", "Хамелеон", "Детвора", "Устрицы", "Тапер", "Шведская спичка", "Толстый и тонкий", "О вреде табака" и многие другие. Да и оригинальная обложка Ф.О.Шехтеля придавала книге нарядный вид.

Появившиеся вскоре рецензии были противоречивы. Многие определялось тем, что часть критиков воспринимала Чехова как одного из авторов бесчисленных юмористических журнальчиков. Преднамеренность позиции определила субъективность оценок, что хорошо видно из такого примера: называя несколько лучших рассказов сборника, ни один из критиков не повторил другого при их перечислении. Однако все рецензенты соглашались с тем, что имеют дело не с ординарным литератором. Даже А.М.Скабичевский, слова которого больно задели Чехова (1, 148), видел его необычность, хотя и не

смог выделить из числа тех "газетных писателей", коим в конце концов "приходится в полном забвении умирать под забором". Маститый критик писал, что "книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства"³⁷.

Нечто подобное утверждал и рецензент "Наблюдателя", считающий, что "дарование автора не сделало блестящих успехов и разменялось, напротив, на мелочь, имеющую очень незначительную ценность"³⁸. Да и как могло быть иначе, если самая большая из "статеек" (так уничижительно рецензент называл чеховские рассказы) не превышала десяти страниц, а большинство занимало два-три листка³⁹. Впрочем, указание на несостоятельность такого рода доводов можно встретить уже у современников Чехова, даже разделяющих мнение Скабичевского. Недаром же один из них, Ф.И.Булгаков, в конце своей рецензии вдруг вспомнил поговорку "о малом, да дорогом золотнике".

Однако большинство критиков если и не оценили в полной мере книгу Чехова, то все же отозвались на ее выход добрым словом. А журнал "Русское богатство" поместил статью Л.Е.Оболенского, в которой Чехову отдавалось явное предпочтение перед В.Г.Короленко, несмотря на то что интерес к творчеству последнего в тот момент был исключительно велик⁴⁰.

Высоко оценили "Пестрые рассказы" "Русская мысль", "Русские ведомости", "Петербургские ведомости", не говоря уже о "Петербургской газете" или "Осколках", напечатавших панегирики доброго знакомого писателя — В.В.Билибина⁴¹. Казалось, Чехов должен был быть доволен и книгой, и общественной реакцией на ее выход. Но в действительности этого не случилось. Самая суровая оценка книги прозвучала из уст автора, отдавшего долж-

Обложка книги А.П.Чехова
"Пестрые рассказы"

ное только оформлению."Виньетка (речь идет об обложке. — Е.Д.) вышла удачна. Не знаю, почему она Вам так не понравилась! — писал Чехов Лейкину по получении "Пестрых рассказов". — Вообще книга внешностью превзошла мои ожидания, за что приношу большущее спасибо виновникам сего, но внутри она не тово... Следовало бы кое-какие рассказы выбросить, а кое-какие починить. Цена несколько велика" (1, 246). А впоследствии даже повторил ему слово в слово то, о чем ранее, казалось бы в сердцах, говорил Григоровичу: "Книжка моя мне очень не нравится. Это

винегрет, беспорядочный сброд студенческих работишек, ощипанных цензурой и редакторами юмористических изданий" (1, 219).

Несправедливая суровость этих строк вызывала недоумение у многих исследователей. Основания для сомнений в их искренности дает несколько ироническая дарственная надпись автора самому себе на одном из экземпляров "Пестрых рассказов": "Уважаемому Антону Павловичу Чехову от автора. 86.V.24"⁴². Как тут не вспомнить радостное восклицание другого писателя по поводу завершения своего труда: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"

Объяснить сказанное можно только тем, что со временем автор несколько иначе оценивал свою роль в литературе, чем тогда, когда книга готовилась к печати. Особенно его огорчило то обстоятельство, что ничего не было сделано для исправления огрехов, вызванных поспешностью работы и произволом издателей.

Тому, что Чехов отошел и от Лейкина и от его журнала, в какой-то степени способствовали рассказы В.В.Билибина, весьма подробно освещавшего жизнь редакции. Именно он еще в августе 1886 г. писал Чехову, что Лейкин "становится все более и более невыносим. От него нравственно и душевно скверно пахнет"⁴³. Из писем вырисовывалась фигура отнюдь не бесталанного литератора, превратившегося в удачливого предпринимателя и домовладельца, не считавшего зазорным уверять окружающих, что его "любит Александр III". Вождеденной мечтой этого писателя стал пост петербургского городского головы.

В неискренности Лейкина Чехов никогда не обманывался. В начале 1886 г. он писал брату Александру, что, несмотря на теплый прием, Лейкин "чуть не задавил" его "своею ложью" (1, 176). Но причины назревавшего разрыва были более глубоки, чем личные антипатии. "С этим Квазимодо (т.е. Лейкиным. — Е.Д.) у меня разла-

дица, — писал в начале 1887 г. тому же адресату Чехов. — Я отказался от добавочных и аккуратного писания, а он шлет мне слезно-генеральские письма, обвиняя меня в плохой подписке, в измене, двуличии и проч. <...> Рад бы вовсе не работать в "Осколках", так как мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее или вовсе не работать" (2, 16).

О том, что приведенные строки не были написаны под наплывом каких-то случайных соображений, свидетельствует А.С.Лазарев-Грузинский, сообщавший тогда же другому московскому знакомому писателя, Н.М.Ежову: "Чехов страшно бранит Лейкина, но говорит, что его надо и пожалеть"⁴⁴. Эти слова в какой-то степени объясняют последующие шаги писателя. Будучи деликатным человеком, Чехов счел необходимым подсластить пилюлю. Сообщая о своем решении прекратить сотрудничество в журнале, он в весьма приукрашенном виде рисовал роль адресата в своей судьбе: "Не подумайте, что я отлыниваю от "Осколков". Ни-ни! "Осколки" — моя купель, а вы — мой крестный батька" (2, 164).

Напечатав в одном из последних номеров "Осколков" за 1887 г. рассказ "Лев и солнце", он отошел от журнала. Тем не менее еще несколько лет поддерживал переписку с Лейкиным.

Что же касается отношений с Р.Р.Голике, то они до конца оставались исключительно теплыми и дружескими. Чехов познакомился с ним во второй приезд в Петербург — 26 апреля 1886 г. В одну из встреч Голике передал писателю только что вышедшие в свет экземпляры "Пестрых рассказов". На одном из них автор тут же сделал свою первую и ни к чему не обязывающую дарственную надпись: "Милому Роману Романовичу. 7 мая 86 г. А.Чехов"⁴⁵.

В расположении Голике к себе Чехов был уведомлен в свое время Ф.О.Шехтелем, аттестовавшим известного типографа следующим образом: "Эта милейшая

мужчина, страшно жаждущий Вашего знакомства, ревнует Вас к Лейкину, которому он, к слову сказать, не симпатизирует, и уверен, что в Ваш прошлый приезд в Петербург Лейкин преднамеренно уклонял Вас от знакомства с ним"⁴⁶. Так эпитет "милейший" становится неременной принадлежностью в характеристике нового знакомого, вскоре превратившегося в приятеля: "Милейшему человеку и хорошему приятелю Роману Романовичу Голике от его почитателя", — презентуя сборник "В сумерках", напишет позднее Чехов (10 декабря 1887 г.), а затем практически повторит — на сборнике "Рассказы" (1889): "Роману Романовичу Голике, милейшему человеку и приятелю, от автора".

Сохранившаяся переписка Чехова с Голике носит деловой характер и не дает оснований судить о глубине их симпатий друг к другу в той степени, как это представляется из двух последних надписей, запечатленных на книге и фотографии Чехова 1 января 1902 г. Последняя их встреча состоялась в Крыму. Для Чехова был очевиден исход болезни, поэтому книга и портрет дарились, как говорится, "на добрую память". Надпись на книжке звучит несколько иронично и в то же время доверительно: "Ромаше Голике от знаменитого писателя на память о его великих делах" ("В сумерках", 1889). Зато на фотографии она носит явно элегический характер: "Милому другу Роману Романовичу Голике от сотрудника "Осколков" А.Чехова на добрую память о нашей старой постоянной дружбе".

В 1886 г. впервые появилась публикация Чехова под его подлинной фамилией. Писатель еще подписывался некоторое время "А.Чехонте", но фактически с прекращением регулярного сотрудничества в юмористических журналах отмер и его псевдоним. Неожиданно напомнила о нем небольшая книжка "Невинные речи", выпущенная в 1887 г. братьями М.А. и Е.А.Вернерами, издателями

журнала "Сверчок", в котором недолго сотрудничали братья Антон и Николай Чеховы.

Вернеры происходили из дворянской семьи. Детство их прошло в Одессе, что, возможно, сказалось на судьбе старшего брата (Михаила Антоновича), ставшего морским офицером. Со службы он уволился в 1882 г. И хотя, как значилось в его аттестате, в "походах и делах против неприятеля" участия не принимал, зато неоднократно бывал в различных "морских кампаниях"⁴⁷. Увиденное послужило материалом для нескольких книг, пользовавшихся успехом у читателя.

Чехов познакомился с Вернерами в начале 80-х гг., когда младший из издателей — Евгений работал секретарем юмористического журнала "Зритель". Сотрудничали они одновременно и в других журналах, часто встречались у общих знакомых. Рекомендуя Лейкину Евгения Вернера как талантливого юмориста, Чехов называл его своим "московским конкурентом", хотя и отмечал свойственную тому всеядность и отсутствие четких общественных идеалов (1, 79—81).

Первоначально успех сопутствовал издательским начинаниям М.А.Вернера. Основанный им в 1885 г. журнал "Вокруг света" вызвал интерес публики. Но когда он вместе с братом решил расширить дело, сказались и отсутствие опыта, и конкуренция, и узость рынка. Затеянные им журналы "Сверчок" и "Друг детей" разорили незадачливых предпринимателей. Продав в начале 90-х гг. И.Д.Сытину права на издание журнала "Вокруг света", они уехали за границу и больше не возвращались в Россию. Но в 1885 г., когда только планировалось издание "Сверчка", Е.А.Вернер был полон радужных надежд. Приглашая Чехова сотрудничать в журнале, он писал: "Я нарочно ездил в Париж, чтобы привезти несколько новых способов исполнения рисунков. <..> Я хочу взять за образец небольшие парижские журналы (конечно, мень-

ше клубнички и побольше юмора). Из художников я пригласил в качестве постоянных вашего брата, Шехтеля и Левитана, а также Люка в Париже"⁴⁸. По его словам, издатели стремились придать "журналу совершенно оригинальную физиономию, начиная от формата, способа печати, расположения текста и рисунков, содержания, направления и кончая даже объявлениями"⁴⁹.

Несмотря на критическое отношение Чехова к претензиям издателей, вначале они действительно попытались поставить дело на европейский лад. Тому, кто «хоть раз побывал в типографии братьев Вернеров, могло показаться, что он попал нечаянно за границу, — вспоминал Михаил Чехов. — Дело кипело, машины гремели, газовый двигатель вспыхивал и пыхтел, а сами Вернеры не сидели барами, сложа руки, и дожидались прибыли, а оба, по-рабочему одетые в синие блузы, работали тут же не покладая рук. <...> Но, когда они освобождались от своих дел, то, как истинные европейцы, появлялись в обществе в самых изысканных модных костюмах, и Антон Павлович подтрунивал над ними в „Осколках московской жизни“, которые он помещал в лейкиных „Осколках“⁵⁰».

Приобретя в 1886 г. типографию с цинкографией, братья одновременно с изданием журналов стали выпускать и беллетристические произведения. Все их книги "отличались оригинальностью и изяществом и при более счастливых обстоятельствах Вернеры могли бы сделать многое"⁵¹. Но, к сожалению, ни энергия издателей, ни технические совершенства типографии не сказались на содержании их изданий, да и в художественном оформлении книг проявлялось скорее стремление потрафить вкусам буржуазного читателя. На эту сторону дела обращал внимание и Чехов. "Дайте книжку тоньше, но изящнее, — писал он Лейкину в начале ноября 1887 г. — Нынешняя публика входит во вкус и начинает понимать... Пото-

му-то братья Вернеры, изящно и французисто издающие свои книжонки, распродают свои издания меньше чем в 2 месяца. Это я не утрирую...” (2, 143). К сказанному остается добавить, что издавали они свои ”книжонки” удивительно быстро, даже для тех лет, о чем можно судить по сборнику ”Невинные речи”.

С предложением издать сборник рассказов Евгений Вернер обратился к Чехову в начале сентября, а вышел он из печати 21 октября 1887 г.⁵² Чехов без особой радости принял это предложение. ”На днях, — писал он 13 сентября 1887 г. одной своей знакомой, — я продал кусочек своей души бесу, именуемому коммерцией. На падаль слетаются вороны, на гениев издатели. Явился ко мне Вернер, собачий воротник, издающий книжки на французско-кафешантанный манер, и попросил отсчитать ему десяточек каких-нибудь рассказов посмешнее. Я порылся в своем ридикюле, выбрал дюжину юношеских грехов и вручил ему. Он вывалил мне 150 целкашей и ушел. <...> Не будь я безденежен, собачий воротник получил бы кукиш с маслом...” (2, 119).

Эти горькие слова написаны в обычной для Чехова шуточной манере, но их иронический тон не скрывал досады и недовольства собственным поступком. Основания тому действительно были. Чехов делал как бы шаг назад в сравнении с уже достигнутым. Если вышедший перед этим сборник ”В сумерках” (речь о нем впереди) высветил новые грани его таланта, то ”Невинные речи” возвращали читателя к уже пройденному этапу. Рецидив Чехонте ничего, кроме раздражения, вызвать у автора не мог. Отсюда и более чем самокритичная оценка сборника: ”Издание изящное, но рассказы так плохи и пошлы, — писал он брату Александру, — что ты имеешь право ударить меня по затылку...” (2, 140).

Эпитет ”изящное” не следует понимать в буквальном смысле слова; речь идет о том дешевом шике,

Обложка книги А.П.Чехова
"Невинные речи"

которым отличались вернеровские издания. Что и было иронически высвечено братом Чехова Николаем, рисовавшим обложку книги. На лицевой ее стороне была изображена романтическая барышня, задумчиво читающая лежащую на коленях книгу. Вся ее фигура, обрамленная гирляндой экзотических цветов, как бы олицетворяла суть "Невинных речей", с которыми автор обращался к аудитории. Но стоило перевернуть книгу, и на задней крышке обложки та же самая девица весьма игриво показывала "нос" читателю, доверившемуся этому камуфляжу. К тому же обозначенная в рамке цена напоминала, что

**Задняя крышка книги А.П.Чехова
"Невинные речи"**

эта безобидная шутка обошлась ему в полтора рубля.

После раскраски золотом (в другом варианте — серебром) обложка потеряла ложноромантический флер, она стала просто аляповатой. Исчезла и ирония. К счастью, титул остался таким, каким его задумал художник. Сидящие на гусиных перьях и пожимающие друг другу руки купидоны одновременно олицетворяли и фамильный герб незадачливых издателей, и их фирменную марку. Без особого труда читатель воспринимал эту виньетку как пародию на запечатленный в широко известной книге "Сим-

волы и эмблемата” символ “междусобойной любви”, изображаемой в виде двух купидонов. Один лишь Лейкин, приняв чеховские слова за чистую монету и будучи поражен качеством бумаги и печати, очень высоко оценил издание. “Книжка действительно издана изящно, — писал он. — Бумага в книге настолько роскошна, насколько уже и не надо. <...> Имею, впрочем, основания полагать, что такая дорогая бумага, какая находится на моем экземпляре, поставлена только на 25—30 экземплярах, предназначенных на подарки, все же остальные печатались на более худшей бумаге”⁵³. Предположения Лейкина ни на чем не базировались. Весь тираж был отпечатан на одной и той же бумаге. Но, несмотря на такого рода достоинства, пресса не обратила на книгу никакого внимания, да и сам автор ее никогда не поминал.

Остался, и не без причины, горький осадок у Чехова. Его недовольство вызывалось не столько самой книгой, сколько тем, что она связывала его имя с людьми, явно ему антипатичными. И не потому, что те стали выступать по отношению к нему в роли “руки дающей”. Виной всему была метаморфоза, которая произошла с Вернерами, подчинившими все свои устремления одной цели — барышу. Литературная сторона дела стала отступать на второй план, издатели в равной степени стали пренебрегать интересами как читателей, так и авторов своих изданий⁵⁴.

Писатель А.В.Круглов, сотрудничавший с Вернерами, писал, правда, после того, как рассорился с ними, что журналы “Вокруг света” и “Сверчок” шли бойко, хотя и не пользовались репутацией в журналистике. Особенно нападали в печати на первый журнал. Но Вернеры не обращали внимания на печать. Оба издания давали хороший дивиденд, а “идеи” и “принципы”, о которых когда-то любили говорить братья, теперь для них не имели никакого значения. Они отлично устроились, обзавелись палацками, дорогой обстановкой, ездили на собственных лоша-

дах и жили во "все удовольствие", как говорится. Недавние бедняки, ютившиеся в комнатке и занимавшие по полтине на обед, они вдруг сделались собственниками изданий, типографии и цинкографического заведения"⁵⁵.

Чисто коммерческий характер носило и затеянное ими в 1887 г. книгоиздательское дело. Началось оно с выпуска ряда переводных книг (А.Лори, Майн Рид, Р.Стивенсон, Л.Буссенар, Г.Мало), составивших серию "Путешествия и приключения на суше и на море", иллюстрированных французскими художниками Ж.Ру, Н.Фера, Эм.Бояром. Непонятно, каким образом в их числе оказалась книга Л.Н.Толстого "Детство и отрочество", иллюстрированная "рисунками, гравированными на дереве в Париже", о чем особо сообщалось в каталоге фирмы. Вероятно, единственной причиной тому было то, что эти книги были безгонорарными изданиями.

Аппетит, как говорится, приходит во время еды, и Вернеры решили расширить дело выпуском юмористических сборников, рассчитанных на более широкий круг читателей. Если книги серии "Путешествия и приключения на суше и на море" стоили от двух до трех рублей, то книги, издаваемые под маркой журнала "Сверчок", — от рубля до полутора. Среди последних значился и сборник А.Чехонте "Невинные речи" — "прелестный томик талантливых очерков, иллюстрированный рисунками и виньетками", как говорилось о нем в каталоге фирмы⁵⁶. Однако "прелестный томик" не оправдал возлагаемых на него надежд, хотя и был издан тиражом в 2000 экз., тогда как журнал "Сверчок" и прочие юмористические сборники печатались тиражом в 1200 экз. (объем книги составлял 15 печатных листов)⁵⁷. К середине 1888 г. он еще не был распродан. Чехов узнал об этом из случайно увиденного им извещения какого-то неизвестного ему книгопродавца, сообщавшего о дешевой распродаже его книги, невзвест каким образом у него оказавшейся. Разгневанный автор

немедля отправил письмо издателям (оно, к сожалению, не сохранилось, но о тоне, каким оно было написано, можно догадаться по первой же фразе ответа М.Вернера: "Поражен Вашим письмом..."). Из оправданий адресата выяснились обстоятельства дела. Перекупив у К.Цветкова журнал "Друг детей", Вернеры "ликвидировали книжное дело"⁵⁸. Один из покупателей приобрел у них весь остаток "Невинных речей" и уже от своего имени дал так расстроившее Чехова объявление⁵⁹. Объяснение пришлось принять к сведению, но на душе остался горький осадок. Впрочем, и до этого случались неприятные казусы.

Как-то, желая избежать объяснений с Лейкиным, ревниво следившим за публикациями чеховских рассказов в конкурирующих журналах, писатель передал Евгению Вернеру свой рассказ "Ночь на кладбище" с тем, чтобы тот был опубликован под псевдонимом. Номер делал Михаил Вернер, который не знал об условии (а может быть, и знал, но хотел подчеркнуть в целях рекламы участие в журнале Чехова) и "пустил" рассказ со всем известной подписью "А.Чехонте". Хотя адресат чеховского письма и находил его "немного резким и вовсе не справедливым", он все же попытался уговорить писателя забыть "эту историю" и по-прежнему сотрудничать в журнале⁶⁰. Однако ровно через три года, в январе 1889 г., возобновившееся сотрудничество окончилось полным разрывом отношений. И виной тому послужил не слепой случай, а все та же метаморфоза, происшедшая с Вернерами, о которой говорилось выше.

Приглашая Чехова принять деятельное участие в "Сверчке", Евгений Вернер понимал, что имя писателя должно украсить журнал. "Если не ввиду будущей работы постоянной в "Сверчке", то главным образом ввиду нашего знакомства Вы не откажетесь особенно постараться для первого номера, чтобы первый блин не вышел комом..." — несколько заискивающе писал он Чехову⁶¹. Пи-

сатель от предложения не отказался, но, с точки зрения редактора, особого старания не проявил. "Я совершенно разобиделся на Вас, — ревниво замечал он в одном из писем к Чехову, — в "Осколки" Вы посылаете совсем другой материал, а нам отбросы. Я надеюсь, что Вы хотя бы ввиду нашей прежней дружбы и старого знакомства постараетесь..."⁶²

И хотя особого "старания" Чехов не проявлял, бывшие связи все же поддерживались, несмотря даже на неаккуратность Вернеров в денежных расчетах. Оправдываясь в прижимистости, Е.Вернер пытался все свести к шутке и даже иронизировал над собой, отвечая Чехову: "С некоторого времени я усвоил, как вы говорите, издательские привычки, а издатели обыкновенно стараются... дать поменьше. Так и я"⁶³. Чехов был готов простить эти "слабости", понимая их истинную причину: "Вернеры лошадей свели с жилеток в конюшни и теперь гарцуют по улицам. <...> Бывают оба у меня. Очень приличны и комильфотны. Рассуждают дельно", — писал он брату Александру в день выхода своей книги (2, 135—136). Но, прощая слабости, свойственные многим людям, он посчитал необходимым прекратить знакомство с Вернерами, как только убедился в том, что рубль стал для них началом всех начал.

Все предстало в истинном свете, когда в первом номере "Сверчка" за 1889 г. (Чехов уже не сотрудничал в это время в журнале) был помещен без всякой оговорки ранее публиковавшийся его рассказ "Дорогая собака" под несколько иным названием ("Собака"). Напечатан он был без ведома автора, и вполне естественно, что писатель потребовал объяснений, заодно пригрозив беззастенчивым издателям требованием компенсации в размере сторублевого штрафа. Было ли это сказано в шутку или всерьез, судить сейчас трудно. Скорее всего в этих словах скрывалось желание писателя наказать Вернеров за ту самую

издательскую прижимистость, по поводу которой в свое время иронизировал один из них, не забывая при этом интересов своего кошелька.

Найди Вернеры человечные слова в свое оправдание, может быть, разгневанный автор и простил бы их. Но из неуклюжих объяснений старшего из братьев выходило, что он посчитал себя вправе печатать рассказ, не уведомив об этом автора, поскольку приобрел его наравне с другими рассказами Чехова для сборника "Невинные речи". По какому-то наитию ему показалось, что тот не вошел в сборник (во всем якобы был виноват метранпаж, высказавший ему мысль о возможности публикации рассказа), и тогда он решил реализовать свое право на одну публикацию "Дорогой собаки". Правда, в свое время речь шла не о журнале, а о книге. Да и из объяснений Вернера выходило, что метранпаж передал ему не рукопись, а вырезку из "Осколков". Так что сноску на первую публикацию все равно давать следовало. Закона же он не нарушил, так как существующие правила разрешали периодическим изданиям перепечатку текста в объеме не более 16 страниц, при обязательном указании источника заимствования.

По ходу дела ошибка была обнаружена и исправлена. Без указания источника публикации вышли лишь первые триста экземпляров, один из которых и попался на глаза Чехову. Что же касается "штрафа", то Вернер соглашался его выплатить только по решению третейского суда⁶⁴. Нет необходимости говорить, что до этого дело не дошло.

Так несколько трагикомически закончилось сотрудничество писателя в "малой" прессе и с "малыми" издателями. Наиболее внимательные критики и коллеги уже давно указывали ему на несообразность этого альянса. "Я думаю, что Вам было бы очень своевременно обратиться в большую литературу, в которой Вы, несомнен-

но, можете занять видное место. Мелочишка, которую Вы теперь пишете, — прекрасная мелочишка; но ведь она треплет живой талант и растреплет его рано или поздно”, — писал Чехову член редакции “Русской мысли” Митрофан Николаевич Ремезов еще в августе 1886 г., приглашая его к сотрудничеству в журнале⁶⁵.

Но на пути в “Русскую мысль” пришлось сделать несколько затянувшуюся остановку.

Более счастливая судьба оказалась у другой книги Чехова, вышедшей чуть ранее "Невинных речей", в том же 1887 г. О ней заговорили задолго до ее выхода в свет. "Мне сказывали, что книжка Ваша будет блистательной, — писал Чехову А.Н.Плещеев, — что не успевают готовить экземпляров"¹. Дружески относящийся к писателю Плещеев высказывал в данном случае не столько свое мнение, сколько мнение лиц, близко стоящих к издателю книги. Да и названием своим — "В сумерках" — она заметно отличалась от предшествующих сборников писателя. (Узнав впоследствии, что под таким же названием в конце 60-х гг. в Петербурге вышел сборник стихотворений Дм.Минаева, Чехов был весьма огорчен.)² Сам автор в письме к брату так раскрывал суть этого образа: „В сумерках" — тут аллегория: жизнь — сумрак, и читатель, купивший книгу, должен читать ее в сумерках, отдыхая от душевных забот" (2, 90). Критика иначе попыталась истолковать название сборника: "В сумерках задуманы автором его рассказы, но написаны они при ярком солнечном свете, ибо полны красок, образности, картинности, жизни и теплоты"³.

Издателем книжки был владелец и редактор газеты "Новое время" Алексей Сергеевич Суворин. Тот самый Суворин, которому Чехов впоследствии предлагал написать рассказ о некоем молодом человеке, выдавливающем "из себя по каплям раба" и почувствовавшем "в од-

но прекрасное утро”, что ”в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая” (3, 133). Именно Суворину выпала честь издать книгу, принесшую Чехову всероссийскую известность.

Судьба переданной писателем рукописи весьма подробно изложена Александром Павловичем Чеховым: ”Книга твоя, — писал он брату, — имеет длинную историю, и вот эта история: материал поступил в типографию, и набор первых листов пошел энергично до 6-го листа. Потом был промежуток. Суворин забыл о ней (не твоя одна у него). Тут самоубийство сына* и его отъезд, а с отъездом все пошло спустя рукава, и летнее затишье. Я по возможности напоминал, но тут посадили в заточение Федорова** и в самой редакции настала неурядица. Коломнину было только впору руководить редакцией***. Сгинь твоя книжечка — он бы ухом не пошевелил. В середине лета приехал из-за границы брат его П.П.Коломнин (собственно управляющий типографией) и долго кормил меня завтраками. Наконец мне сказали, что без Суворина книжечка едва ли выпустится, так как никто не знает, на каких условиях она печатается. Словом, было какое-то междоусобие в самом внутреннем механизме. Наконец Суворину послали в его тульскую резиденцию обертку (т.е. обложку. — Е.Д.) твоей книги для назначения цены, и дело затянулось. Никто ничего не знал. Объявление о выходе в свет появилось в ”Новом времени”, как *deus ex machine*****, но книги твоей в магазине не было три дня после этого объявления”⁴.

Сборник вызвал ряд рецензий, неоднозначных,

* Речь идет о сыне Суворина — Владимире.

** Федоров М.П. — номинальный редактор ”Нового времени”.

*** Коломнин А.П. — управляющий конторой ”Нового времени”, зять Суворина.

**** Неожиданно (*лат.*). (Объявление — см.: Новое время. 1887. 3 авг.)

**Сидят: П.М.Свободин и А.С.Суворин,
стоят: В.Н.Давыдов и А.П.Чехов**

но в целом весьма благожелательных. Оценку критики наиболее точно обобщил известный правовед и публицист К.К.Арсеньев. Имея в виду автора "В сумерках", он писал: "Его талант не подлежит в наших глазах никакому сомнению"⁵. Различие заключалось лишь в том, что одни критики, подобно Л.Е.Оболенскому, пристрастно отнесясь к "Пестрым рассказам", на сей раз взяли на себя смелость утверждать, что "Чехов является не только психологом и точным наблюдателем, но и настоящим художником"⁶. Другие, подобно анонимному рецензенту "Русской мысли", не видя в новом сборнике движения вперед, все же соглашались с тем, что он "не пошел и назад — не начал еще исписываться и повторяться", и даже в слабых, по их мнению, произведениях сборника увидели "теплое чувство, любовь к человеку", и это свойство чеховских произведений привлекло к автору всеобщие симпатии⁷.

Счел своим долгом высказаться о книге Чехова (правда, анонимно) Н.К.Михайловский. Отмечая, что талант Чехова "своеобразен и симпатичен", он вместе с тем утверждал, что "до сих пор достаточно выяснилась только одна сторона этого своеобразного и симпатичного таланта, сторона, для которой сам автор подсказывает характеристику заглавием своего нового сборника, — сумеречное творчество. Именно сумеречное, и, значит, пожалуй, полутворчество, г. Чехов только завязывает узлы и никогда их не развязывает", поэтому и требовал от автора определенности в общественной позиции⁸.

Требование "развязывания" узлов вызвало ответную статью ведущего публициста "Нового времени" В.Буренина. Уверяя читателя, что Чехова заметили и начали о нем говорить только с тех пор, как его рассказы появились на страницах этой газеты, он утверждал, что демократическая критика не в состоянии в полной мере воспринять творчество писателя: "Произведения Чехова вообще чужды всяких приходско-журнальных тенденций и в боль-

шинстве обнаруживают вполне свободное отношение автора к делу искусства; в большинстве руководствуются только одним направлением: тем, какого требует художественная правда и художественное созерцание и наблюдение действительности”⁹.

Отдавая должное наблюдательности Буренина, нельзя не отметить, что его ”защита” сборника Чехова оказалась не более чем предлогом для занявшей большую часть статьи полемики с демократической и либеральной прессой. Любопытно и другое: защищая Чехова как ”своего” автора, он готов был признать, что некоторые его рассказы «без всякого преувеличения могут стать наряду с лучшими рассказами „Записок охотника”». ”Чехова смело можно окрестить русским Брет Гартом”, — писал он в заключение, видимо, полагая, что последним сравнением поднял писателя на недостижимую высоту. Но не пройдет и десяти лет, изменятся обстоятельства, и тот же Буренин будет утверждать совершенно противоположное: что Чехова рискованно включить даже в свиту Тургенева. Впрочем, подробнее об этом будет сказано несколько ниже. В данном случае следует лишь поинтересоваться, насколько правомерно его утверждение о том, что сотрудничество в ”Новом времени” ознаменовало в творчестве Чехова определенный этап.

По мнению советских исследователей, подобное суждение далеко от истины. ”Может показаться, — отмечал А.П.Чудаков, — (а критикам долго так и казалось), что в ”нововременских” рассказах произошла внезапная перемена тематики, тона, стиля. Было иначе. Чехов никогда не был юмористом по преимуществу”¹⁰.

Рассеянные ранее по различным ”тонким” журнальчикам, к тому же публикуемые под многочисленными псевдонимами, произведения Чехова не воспринимались современной ему публикой с той остротой, как это вдруг случилось, когда они появились на страницах

столичных газет ("Петербургская газета", "Новое время"). К тому же внимание к имени Чехова привлекли и "Пестрые рассказы", получившие достаточно широкий отклик в прессе. Именно с выходом в столице его книги ранее ничем не связанные между собой произведения стали ассоциироваться у читателя с определенным автором. Раскрывалась какая-то ранее неясная связь между ними. При этом новая трибуна (издательство А.С.Суворина) не связывала Чехова ни с определенной тематикой (как это было, например, в случае с журналом "Осколки"), ни объемом произведений (как это случилось в "Петербургской газете"). Писатель получил возможность не торопиться и публиковать те произведения, которые ему хотелось, и в том виде, в каком он считал нужным. Ему, наконец, представилась возможность раскрыть все грани своего таланта. "В Петербурге я теперь самый модный писатель. Это видно из газет и журналов, которые в конце 1886 года занимались мной, трепали на все лады мое имя и превозносили меня паче заслуг", — писал Чехов брату Михаилу Павловичу (2, 16).

"Открытие" Чехова оказалось столь значительным событием в литературной жизни страны, что Императорская Академия наук в 1888 г. присудила писателю за сборник "В сумерках" половинную Пушкинскую премию. Представляя Чехова к награде, академик А.Ф.Бычков счел необходимым отметить и прежние заслуги писателя: "Несколько лет тому назад начали появляться в разных ежедневных газетах небольшие рассказы г. Чехова, предметом для которых служили явления обыденной жизни. Эти рассказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были забываемы, тем не менее обнаруживали в авторе и наблюдательность, и умение живо и естественно передавать подмеченное, почти исключительно, впрочем, с целью вызвать улыбку в читателе. В 1886 г. вышли в свет его "Пестрые рассказы". <...> С этого времени

критики начали усматривать в г. Чехове большой талант”.

Проявление этого таланта Бычков увидел и в новом сборнике. Его мнение было поддержано специальной комиссией, которая нашла, что ”рассказы г.Чехова хотя и не вполне удовлетворяют требованиям художественной критики, представляют однако же выдающееся явление в нашей современной беллетристической литературе, позволяющее надеяться, что автор в дальнейшем развитии своего таланта сумеет избежать отмеченных в его труде слабых сторон”¹¹.

Инициатива награждения писателя Пушкинской премией исходила от Д.В.Григоровича и издателя сборника А.С.Суворина. Среди писательской братии решение Академии наук не встретило, однако, всеобщей поддержки. Сообщая Чехову о своей встрече с Сувориным, Плещеев приводил его слова о том, что эта награда в литературной среде ”возбуждает большую ревность”¹².

Всегда и во всем отстаивавший идею внутренней свободы, Чехов остался верен себе и в своих отношениях с Алексеем Сергеевичем Сувориным, длившихся почти два десятка лет.

В феврале 1886 г., когда Чехов впервые напечатался на страницах ”Нового времени”, владельцу газеты перевалило за пятьдесят, а писателю исполнилось двадцать шесть. Впоследствии один из современников заметил по этому поводу, что ”Чехов и Суворин были разделены целой четвертью века и были людьми разных поколений”¹³.

Чехов ясно представлял, что такое ”Новое время” и кто такой Суворин. Еще в мае 1881 г. в письме к своему гимназическому товарищу Соломону Крамареву он упоминал в одном ряду елисаветградские погромы, юдофоба Ипполита Лютостанского и сотрудников ”Нового времени” (1, 39). А напечатав свой рассказ на страницах этой газеты, не без иронии, но вместе с тем и с известной

**Дом А.С.Суворина в Эртелевом переулке
(ныне улица А.П.Чехова)**

тревогой вопрошал Билибина: "Надо полагать, после дебюта в "Нов<ом> времени" меня едва ли пустят теперь во что-нибудь толстое... Как Вы думаете? Или я ошибаюсь?" (1, 204). Однако, делаясь с братом Александром впечатлениями о поездке в Петербург в декабре 1885 г., не без гордости писал, что "был поражен приемом", который ему оказали Суворин, Буренин, Григорович, — "все это приглашало, воспевало..." (1, 177).

Сомнительно, что в свой первый приезд в Петербург Чехов побывал у Суворина. Ведь когда тот решил пригласить Чехова сотрудничать в "Новом времени", выяснилось, что никто из его окружения не знает адреса писателя, а в "Петербургской газете" отказались его сообщить. Поэтому Суворину пришлось обратиться за содействием к своему московскому корреспонденту — А.Д.Курепину¹⁴. Скорее всего прием по случаю приезда Чехова устроил не кто иной, как редактор "Осколков" Н.А.Лейкин, в чьем доме он и остановился. Вероятно, Лейкин, которого не очень-то жаловал литературный Петербург, решил воспользоваться случаем, чтобы собрать у себя таких нужных и влиятельных людей, как Суворин, Григорович, Буренин, Худеков и пр.

Первым обратил внимание Суворина на помещенный в "Петербургской газете" рассказ Антоши Чехонте "Егерь" Д.В.Григорович. Существуют и другие версии, но эта предпочтительнее¹⁵. Не исключено, что Суворин, заинтересовавшись молодым писателем, ознакомился и с другими его рассказами. Поэтому он охотно откликнулся на приглашение Лейкина. Но это все предположения. Несомненно лишь, что Суворин гораздо лучше других сумел оценить писателя, не фигурально, а в прямом смысле этого слова, установив ему гонорар 12 коп. за строку, в то время как Худеков платил 7 коп., а Лейкин — 8 коп. Впрочем, "признанным" авторам, таким, как, например, Атава (С.Н.Терпигорев), Суворин платил и 20 коп. за стро-

ку. Чехов имел все основания писать брату в октябре 1887 г.: "...пока я не выдохся, было бы не грешно получать по-людски..." (2, 128). Но не меркантильные расчеты сблизили его с Сувориным. С этим согласны все исследователи, касавшиеся перипетий их знакомства. "Когда в капризе истории соприкасаются два такие большие таланта, два таких сложных человека, как Чехов и Суворин, тут можно и нужно воздержаться от элементарных решений по четырем правилам арифметики", — писал известный критик и журналист А.А.Измайлов¹⁶.

Во взаимоотношениях Чехова и Суворина Измайлов отмечал "подлинные элементы дружбы". При этом он, правда, соглашался с мнением А.В.Амфитеатрова, что Суворин "видел Чехова лишь настолько, насколько тот позволял проникать в себя"¹⁷. Одновременно он высказывал мысль о закономерности и даже неминуемости последовавшего вскоре охлаждения. Дело Дрейфуса было лишь поводом. Их расхождения носили идейный характер, а инициатива разрыва исходила от Чехова. Иной точки зрения придерживался другой современник — Д.С.Мережковский, считавший, что "Суворин и Чехов — соединение противоестественное", что талант Чехова был загублен "Новым временем"¹⁸.

В надгробном слове В.М.Дорошевич утверждал, что "Суворин очень любил Чехова, и Чехов очень любил Суворина. Он не любил "Нового времени", но "старика" Суворина любил глубоко и сильно. <...> Много грехов на журнальной совести у А.С.Суворина. Но многое простится ему за одно: он дал возможность стать на ноги А.П.Чехову. Чеховым Россия обязана Суворину. Не пригласи его "Новое время", Чехов в силу нужды сгиб бы в юмористических изданиях и мелких газетах"¹⁹. Этот панегирик остроумно высмеял Амфитеатров, не без основания заметив: "Для того чтобы вырос орел, нужен орленок, а раз есть орленок, то он и в индюшатнике вырастет

в орла. Нет никакого сомнения, что и без Суворина Чехов вырос бы в громадную литературную величину²⁰. Тем не менее это основательное высказывание не повлияло на "нововременцев", уверявших мир, что именно Суворин и его газета выпестовали Чехова, "создали и дали ему возможность развернуть в полном блеске его крупный талант"²¹. Стремясь присвоить себе незаслуженную честь, историографы "Нового времени" забывали, что еще при жизни писателя сами как бы исключили Чехова из своих рядов. В феврале 1900 г., когда праздновалось двадцатипятилетие "Нового времени", в юбилейном номере газеты (№ 8982) были помещены фотографии всех лиц, активно печатавшихся на ее страницах, но среди них не оказалось двух портретов: Чехова и Амфитеатрова, перешедшего в конкурирующую с "Новым временем" "Россию".

Более сложен вопрос о личной близости Суворина и Чехова. О "совершенной исключительности", "нежной любви" Суворина к Чехову писал В.В.Розанов²². О том, что "Суворин не выносил, чтобы о Чехове говорили дурно", — свидетельствовал и Амфитеатров²³. Но тогда почему он разрешал нечто подобное некоторым членам своего семейства, явно не разделявшим мнение его главы? Когда в начале 90-х гг. сын Суворина Алексей Алексеевич писал отцу весьма язвительно и грубо о Чехове, то ни громов, ни молний не последовало²⁴. Столь же терпимо относился Суворин и к буренинским выпадам против Чехова в собственной газете. Трудно полагать, что, находясь в эмиграции, Амфитеатров не читал "Нового времени". Скорее другое — он пренебрег известными ему фактами.

Амфитеатров в равной степени не соглашался с теми, кто говорил, что "Суворин создал Чехова", так и с утверждением, что он его погубил. Он призывал оставить "Чехову чеховское, а Суворину — суворинское" и не быть "несправедливым ни к тому, ни к другому. Ни

Суворин не был бесом-соблазнителем, ни Чехов — наивно соблазненным ангелом”²⁵.

В советское время ряд исследователей пытались дать свое толкование этой проблеме. Наиболее подробно и аргументированно она была рассмотрена в монографии Ю.В.Соболева. Его точку зрения интерпретировали с различными нюансами многие авторы²⁶. По мнению Соболева, Чехов, декларируя в 80-е гг. свою ”беспартийность”, на самом деле внутренне был близок позиции ”Нового времени”. Суворин импонировал ему не только как редактор влиятельной газеты, но и как крупный литератор, державший его в ”плену своей личной обаятельности”. В первые годы знакомства Чехов видел в Суворине лишь человека, посылно служащего родной литературе. Восхищаясь его талантами и деловой ловкостью, он стремился увлечь родных и близких. Когда Суворин, пренебрегая всеми правилами деловой порядочности, чуть не сорвал издание Собрания сочинений Пушкина, предпринятое Литературным фондом (кстати, в интересах всей пишущей братии), — ради собственного, то Чехов, восхищенный его ловкостью (”Весь Пушкин за два рубля”), писал дяде Митрофану Егоровичу, что ”такие дела может обделывать только такой великий человек и умница, как Суворин, который для литературы ничего не жалеет. У него пять книжных магазинов, одна газета, один журнал, громадная издательская фирма, миллионное состояние — и все это нажито самым честным, симпатичным трудом” (2, 17). Примерно в тех же словах он пытался защитить и обелить Суворина в письмах к брату Александру (2, 32). Он был искренне убежден в справедливости своей позиции и поэтому возражал Н.К.Михайловскому, считавшему, что в ”общем котле” ”Нового времени” его рассказы ”не индифферентны”, а ”прямо служат злу”²⁷. Неудивительно, что мнение Михайловского разделял и Короленко, записавший в своем дневнике, что ”общество сувори-

ных и нововременцев принесло Чехову много вреда"²⁸. По мнению же самого Чехова, его сотрудничество в этой газете не только нейтрализовало зло, но создавало возможность для изменения ее направления. "Будь в редакции два-три свежих человека, умеющих громко называть чепуху чепухой, г. Эльпе не дерзнул бы уничтожать Дарвина, а Буренин долбить Надсона" (2, 116). Он всячески пытался обелить Суворина в глазах общественного мнения и искренне полагал, что того следует спасти от "нововременцев".

Современные исследователи (в частности, Г.П.Бердников) считают, что Михайловский был прав, обращая внимание Чехова на отрицательные последствия его сотрудничества в суворинской газете²⁹. Видимо, и сам писатель внутренне соглашался с такого рода упреками. Во всяком случае, у Суворина были какие-то основания утверждать, что "губить Чехова стал именно Михайловский"³⁰.

Ю.В.Соболев первый попытался объяснить связь Чехова с Сувориным двойственностью и сложностью натуры последнего (так ярко отразившихся на страницах его "Дневника"). Только время, по его мнению, могло снять пелену с глаз писателя. По прошествии пяти лет Чехов писал брату Александру: "...сотрудничество в "Нов<ом> вр<емени>"... не принесло мне как литератору ничего, кроме зла" (4, 288). Но даже и тогда, когда Чехов полностью осознал сложность своего положения, он не разорвал отношения с Сувориным не только из-за своей привязанности к нему, но и потому, что все еще считал "Новое время" "немалой прессой". По мнению Соболева, затянувшееся сотрудничество принесло Чехову много вреда. "Оно на несколько лет затормозило его борьбу с внутренним рабом, наложило отпечаток на его политические взгляды, отразилось на его этике, нашло свой отклик в его суждениях об общественных явлениях"³¹.

Как ни суровы эти слова, в них немалая доля истины. Соболев полагал, что дело Дрейфуса сыграло в жизни Чехова "решающую роль": благодаря ему он окончательно и навсегда порвал с "Новым временем", тогда же порвались и последние нити, связывающие его с Сувориным.

В документальной повести, посвященной жизни Чехова, Л.Малюгин попытался привлечь к решению этого вопроса более широкий круг источников, несколько иначе их истолковать³². По его мнению, долголетняя связь Чехова с Сувориным объяснялась в первую очередь исключительно добрым отношением к нему старого издателя, остававшимся неизменным до конца жизни. Однако это утверждение не совсем точно. Не говоря уже о "нововременцах", ревниво относившихся к занятому писателем положению в газете, и сам ее хозяин жаловался Лейкину в конце ноября 1886 г., что Чехов начал длинно писать для "Нового времени"³³. Не случайно же "Степь", "Огни", "Скучную историю", "Палату № 6" он опубликовал в "Северном вестнике" и "Русской мысли".

Весьма вольно толкуя факты биографии Суворина, Малюгин видит в редакторе "Нового времени" чуть ли не скрытого фрондера. Он полагает, что "в разговорах с Чеховым (в них, правда, политики было меньше всего) Суворин делился с ним не симпатиями, а антипатиями к царизму". (Основанием для такого заключения могли послужить слова И.Н.Альтшуллера, что Суворин в переписке с Чеховым бывал часто не Сувориным "Нового времени"³⁴, а возможно, — известная фраза из дневника В.Г.Короленко: "Чехов рассказывал мне, что Суворин иногда рвал на себе волосы, читая собственную газету"³⁵.) Эту точку зрения в какой-то мере разделяют и другие советские исследователи. Во всяком случае, она нашла отражение в таком авторитетном издании, как последнее полное собрание сочинений писателя. Имея в виду упомянутые выше высказывания современников и другие, подобные

им примеры, редакция посчитала возможным отметить, что пропавшие письма Суворина к писателю, «помимо их общественного интереса, вероятно, пролили бы свет на некоторые факты творческой биографии Чехова, на непонятные многим отношения его с Сувориным. Эти письма и беседы с ним, очевидно, и были причиной того, что Чехов так долго отделял Суворина от его газеты „Новое время”» (1, 307).

„Дневник” Суворина содержит немало уничижающих высказываний по адресу власть предержащих. Но он же свидетельствует и об органической боязни Суворина всяких, тем более революционных, преобразований. Вряд ли в своих беседах с Чеховым и письмах к нему он шел дальше того, о чем посчитал нужным сообщить потомкам. А если предположить, что шел, то тогда еще резче обозначилось бы двуличие Суворина, поскольку в его публицистических высказываниях этого периода особенно остро проявлялись охранительные тенденции. Суворинская критика системы проводилась с позиции ее защиты. Он, как никто другой, знал всю подноготную власти, имея широчайшую информацию о положении в стране, и потому в частных беседах мог объективно оценить имевшиеся в его распоряжении сведения.

Затушевывая всякого рода идейные или литературные разногласия с Чеховым, Суворин после смерти писателя рисовал чуть ли не идиллическую картину их многолетнего знакомства. По его словам, писатель никогда не осуждал политическую программу „Нового времени”. Не сходились они лишь в одном вопросе: Чехов «сердито спорил со мною об евреях и о Дрейфусе и еще об одном человеке, очень близком к „Новому времени”» (судя по контексту, речь, вероятно, идет об И.Я.Павловском, парижском корреспонденте газеты).

Хотя эти строки взяты из письма, адресованного автору статьи, панегирически рисующей взаимоотноше-

ния Чехова и Суворина, они отнюдь не носят частного характера. Адресат письма — В.М.Дорошевич, руководитель крупнейшей русской газеты — олицетворял для Суворина либеральные круги. Отсюда и попытка представить себя человеком прогрессивных взглядов, который "больше написал либерального, чем консервативного, да и когда писал консервативно, так для того, чтобы очистить место для либерального". Благодаря Дорошевича за добрые слова, Суворин все же посчитал, что тот несколько преувеличил его заслуги: "Вы говорите, что Чехов мне обязан с деловой стороны. Это вздор. Я ему обязан, и он мне обязан, мы обязаны друг другу, потому что мы были родные по душе. Я давал ему свои знания литературные, особенно по иностранной литературе, свой опыт, иногда советы, а он "молодил" мою душу, как я выражался. Этого никогда и ничем я не мог бы купить" (2, 402).

Насколько искренен был Суворин в письме к Дорошевичу, судить трудно. Говоря о своих разногласиях с Чеховым по поводу дела Дрейфуса, он, по сути дела, не сообщил ничего нового. О позиции Чехова в этих спорах стало известно еще за пять лет до отправки этого письма. Обращаясь к Суворину со страниц широко распространенного журнала, М.Горький писал: "Сошлюсь на чуткого художника А.П.Чехова. <...> Спросите его, что он думает о виновности Дрейфуса и о гнусных проделках защитников Эстергази. Спросите его, что он думает о вашем отношении к делу и еврейскому вопросу вообще. Не поздоровится ни вам, ни "Новому времени" от его мнения"³⁶. Чехов, как известно, никакого недовольства по поводу обнародования Горьким своих мыслей не высказал. Впрочем, Суворину они были хорошо известны и без посторонних напоминаний. За год до описываемых событий в ответ на его рассуждения о причинах бедственного положения страны Чехов, несколько перифразируя одну из тирад персонажа гоголевского "Ревн-

зора”, ответил ему более чем резко: “Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: ”Это француз гадит, это жида, это Вильгельм...” Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!” (7, 167).

Отрицать явное Суворин не решался. А больше того, что всем было известно, он Дорошевичу не сказал.

Не исключено, понятно, что в беседах с Чеховым, как и в письме Дорошевичу, Суворин пытался представить себя “страшным либералом” и переходил в критике известные границы, но ведь в истинной позиции Суворина и его газеты Чехов никогда не обманывался. Он принимал его таким, каким тот был. На второй год сотрудничества в “Новом времени” Чехов говорил о себе: “Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьезный...” — и каялся в том, что “свою чистую музу... любил, но не уважал, изменял ей и не раз водил ее туда, где ей не подобает быть” (2, 130). Да и об отношении самого Чехова к такого рода “откровенности” лучше всего может свидетельствовать его письмо к брату Александру: «В одну неделю было пережито: и ландо, и философия, и романсы Павловской, и путешествия ночью в типографию, и „Колокол”, и шампанское, и даже сватовство... Суворин пресерьезнейшим образом предложил мне жениться на его дочери, которая теперь ходит пешком под столом. <...> Я шуточно попросил в приданое „Исторический вестник” с Шубинским, а он пресерьезно посулил половину дохода с „Нового времени”» (2, 216–217).

Чехов во всем и всегда оставался Чеховым. Смешав в одну кучу “Колокол” с ландо и шампанским, он не смог скрыть своего иронического отношения к “Историческому вестнику” и желанию Суворина привязать

его к "Новому времени". Кстати, от своего намерения породниться с Чеховым Суворин не отказался и через десять лет. В разговоре с братом Чехова Михаилом он, имея в виду Антона Павловича, с полной определенностью заявил: "Я с радостью выдал бы за него свою Настю"³⁷.

Идеализируя взаимоотношения Чехова с Сувориным, Малюгин тем не менее подчеркивал глубокие различия, определившие в конечном счете их жизненные позиции. По его мнению, Суворин сумел добиться расположения Чехова тем, что никогда не пытался посягать на его волю и принципы, не связывал его какими-либо контрактами или условиями, позволял ему оставаться самим собой и принимал его таким, какой есть. "Чехов очень независимый писатель и очень независимый человек, совсем не из того числа людей, которые подают кому-нибудь галоши", — писал Суворин еще в самом начале их знакомства одному из своих сотрудников (2, 401).

В этой связи внимания заслуживают два обстоятельства, бесспорно, толкавших Чехова к Суворину и во многом объяснявших, на наш взгляд, столь непонятный для потомков союз.

Сотрудник юмористических журналов, к тому же еще и не москвич, Чехов находился вне профессионально-литературной среды. Среди окружения молодого Чехова едва наберется десяток имен литераторов, пишущих под своей фамилией: В.А.Гиляровский, Л.И.Пальмин, А.М.Пазухин, В.В.Давыдов, П.Д. и О.А.Голохвастовы, Б.А.Маркевич, Н.А.Холопов и два-три имени, упомянутых выше, — вот и все московские литераторы, с которыми он был знаком. И только с двумя первыми мог отвести душу в беседе о делах литературных. Лишь раз за все предшествующие встрече с Сувориным годы судьба подарила Чехову возможность пятидневного общения с "любимым писаккой" Н.С.Лесковым³⁸. "Ты пишешь, что ты одинок, говорить тебе не с кем, писать некому", — сочувственно

Антонъ Чеховъ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

Анатолий Сегетовъ

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

ИЗДАНИЕ ПЕЧАТНИКА
"РУССКАЯ ШКОЛА".

Чеховъ
1887

МОСКВА.

Томъ-пер. Высочайше утвер. Т-ва Е. Е. Вульфсонъ и К.
Всесоюзное учеб. общество. 1896.

1896.

Титульный лист книги А.П.Чехова "Остров Сахалин"

отвечал Чехову брат Александр в сентябре 1887 г.³⁹ Встреча, а затем и многолетнее общение с Сувориным как бы расширили мир писателя. Отсюда и радостное: "У нас с Сувориным разговоры бесконечные" (2, 296). Чехов искренне благодарил судьбу, пославшую ему такого всепонимающего собеседника, но отнюдь не идеализировал его. "Он (т.е. Суворин. — Е.Д.) плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка — отсюда его чисто собачья неспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наде-

лила его природа, поневоле он развил свой инстинкт до размеров большого ума” (2, 297).

И даже тогда, когда круг знакомых-литераторов намного расширился, ни с кем из них у Чехова не установились отношения, подобные тем, которые связывали его с Сувориным. ”Я в Москве у себя так редко вижу настоящих литераторов, что разговор с Боборыкиным показался мне манной небесной”, – уже с явной горечью писал он Суворину в конце ноября 1891 г. (4, 307). А через два года, сообщая Суворину, что ни с кем, кроме него, не переписывается и долго не разговаривает, посчитал необходимым заметить: ”Это не значит, что Вы лучше всех моих знакомых, а значит, что я к Вам привык и что только с Вами я чувствую себя свободно” (5, 223).

И другой момент, даже в первые годы их общения, когда на горизонте не было и облачка и Чехов почти восторженно делился со знакомыми впечатлениями о встречах с Сувориным, он очень ясно оценивал ситуацию: «...около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее... <...>, – писал он Короленко. – В Питере я прожил 2 1/2 недели и видел многих. В общем вынес впечатление, которое можно свести к тексту: ”Не надейтесь на князи, сыны человеческие”» (2, 170).

Между Чеховым и Сувориным всегда оставался барьер, сознательно скрываемый от остального мира. Когда Суворин переступал его границы, установленные молчаливым соглашением, и высказывал претензии на нечто большее, чем разумелось, то Чехов раздраженно отвечал: ”Будьте здравы и никогда не пишите мне, что Вы откровеннее, чем я” (5, 139).

Суворин, безусловно, испытывал гордость от сознания, что ввел в большую литературу новый яркий талант (он уговорил Чехова отказаться от псевдонима Ан-

тоша Чехонте и печататься в "Новом времени" под своей фамилией), но еще больше дорожил близостью с писателем. Теща самолюбие Суворина, А.Н.Плещеев писал ему из Парижа в мае 1889 г.: «Здесь о Вас тоже состригли: „Приезжали Суворин отец, Суворин сын и с ними святой дух — Чехов”»⁴⁰.

Возможность излить душу для человека, на семьдесят третьем году жизни записавшего в своем "Дневнике": "Надо начать писать о том, что я думаю", значила очень многое⁴¹. И только потеряв право на Чехова, Суворин не смог избежать искуса и отдал его имя на поругание Бурениным и Ежовым.

Нельзя забывать и такого обстоятельства: сотрудничество в "Новом времени" гарантировало Чехову некоторый прожиточный минимум на случай отказа от медицинской практики и полного перехода на литературный заработок. Но здесь, пожалуй, переоценивать издателя "Нового времени" не следует.

"Около двенадцати лет Суворин был почти монопольным издателем чеховских книг, — писал К.И.Чуковский. — Едва ли он стремился в данном случае к какой-нибудь чрезмерной наживе, но самый аппарат его издательской фирмы был поставлен так хищнически, что за все те годы, когда она печатала "Каштанку", "Хмурых людей", "Мужиков", "Детвору" и т.д., Чехов по самым умеренным выкладкам получил вдвое меньше того, что мог бы получить у другого издателя, — особенно если принять во внимание, что Суворин, по своей всегдашней расхлябанности, издавал книги спустя рукава и с такими большими антрактами, которые были сущим разорением для автора"⁴².

Уже после смерти писателя Суворин, как бы подводя итоги деловых отношений с ним, писал, что за десять с небольшим лет он выплатил Чехову за выпущенные им книги 36 тыс. руб.⁴³ Речь шла о вышедших: в 1887 г. — сборнике "В сумерках" (выдержал 12 изданий), в 1888 г. —

**А.П.Чехов в кругу семьи А.С.Суворина.
Феодосия. 1896 г.**

сборнике "Рассказы" (выдержал 12 изданий), в марте 1890 г. — сборнике "Хмурые люди" (выдержал 8 изданий), в июле 1891 г. — переиздании "Пестрых рассказов" (выдержал 11 изданий), в декабре 1891 г. — повести "Дуэль" (выдержала 8 изданий), в 1892 г. — рассказе "Каштанка" (выдержал 6 изданий), в феврале 1893 г. — сборнике "Палата № 6" (выдержал 6 изданий), в апреле 1897 г. — сборнике "Пьесы" и в июле того же года — сборнике "Мужики. Моя жизнь" (выдержал 6 изданий). Кроме того, в серии "Дешевая библиотека" двумя изданиями в 1889 и 1890 гг. вышел сборник "Детвора". Но за него Чехов получил полистную плату (50 руб. с листа, за каждые 5 тыс. экз.)⁴⁴.

Тиражи этих изданий известны (1000 экз.), только сборники "Пьесы" и "Рассказы" (2-е изд.) вышли

вдвое большим тиражом. Поэтому легко можно установить валовой номинал выпуска книг Чехова (цена книги была постоянной — 1 руб. Исключение составляют только номиналы сборника "Пьесы" — 2 руб. и рассказа "Каштанка" — 50 коп.). Общая стоимость изданий достигает 62 тыс. руб., не считая 5500 руб., полученных Сувориным от А.Ф.Маркса в качестве компенсации за чистые листы незавершенных изданий. Таким образом, легко убедиться в том, что Суворин выплатил писателю более половины суммы, вырученной им от продажи чеховских изданий. По тем временам это было вполне "по-божески".

К тому же Суворин ссуживал Чехова займами, не раз выручавшими писателя. Впрочем, с годами он делал это все с меньшей охотой. Так, в апреле 1896 г. брат Александр с явным недоумением сообщал Чехову, что когда он передал Суворину его просьбу одолжить под издание пьесы "Чайка" 1000 руб., то получил отказ: "...он (т.е. ты) все врет. Ничего я ему не обещал. Он какой-то странный человек: говорит так, что не разберешь: правду он говорит или шутит"⁴⁵.

Вопреки утверждениям самого Чехова о размахе издательского предприятия Суворина, велось оно, действительно, столь безалаберно и "хищнически", что рано или поздно писатель должен был осознать бесперспективность деловых с ним отношений. Прав Чуковский и в другом: стремление привязать Чехова к "Новому времени" объяснялось более важными для Суворина причинами, чем барыши с чеховских книг. Более того, Суворин проявил себя просто недальновидным предпринимателем, когда не принял предложения Чехова "взять себе право издавать и продавать" за 7000 руб. все его книги, выпущенные издательством "Новое время" в течение десяти лет (5, 226).

Суворин мотивировал свой отказ интересами самого писателя, тем, что тот много потеряет на этом со-

глашении. Но Чехов был разочарован таким ответом: "Вы пишете, что я на книгах заработаю 20—30 тысяч. Прекрасно. Говорят также, что я буду в раю. Но когда это будет? А между тем хочется жить настоящим, хочется солнца, о котором Вы пишете" (5, 229). Случилось это в августе 1893 г. В тот самый год, когда Чехов окончательно перестал печататься в "Новом времени".

Суворин издавал Чехова на следующих условиях: писатель оплачивал полностью затраты на издание и книготорговую скидку (обычно в 30%, в отдельных случаях — до 40%), получая после продажи тиража издания всю оставшуюся после вычетов сумму. (Впоследствии Суворин выдавал Чехову ежемесячный аванс в двести рублей.) Все книги печатались из расчета нескольких изданий. По мере их продажи чистые листы брошюровались и поступали в магазины как очередное издание. Цену книги устанавливал Суворин так, что они стоили почти в два раза дешевле, чем другие издания фирмы того же объема.

Автор был заинтересован в быстрой реализации каждого выпуска своей книги, так как лишь с переизданий получал доход. Однако повторные издания шли хуже первых, поскольку к моменту их реализации появлялся новый сборник писателя. Такая практика была более выгодна издательству, чем автору. К тому же магазины "Нового времени" не проявляли особого рвения в распространении книг Чехова.

Сохранилось письмо сына Суворина — Алексея Алексеевича писателю, ярко рисуящее нравы, царившие в этом заведении (мало чем отличающиеся от замоскворецких). Пересылая мартовский счет за 1889 г., он не без ехидства замечал, что публика "едва ли не сговорилась" держать писателя "на сугубо голодном посту". В создавшейся ситуации магазин, по его словам, принимает "некоторые меры, но на крайние пока не решается". Чтобы у Чехова не оставалось иллюзий, о каких

А. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ СУМЕРКАХЪ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Издана А. С. СУВОРИНА
1887

Обложка книги А.П.Чехова
"В сумерках"

"мерах" идет речь, он приводил, на его взгляд, забавный эпизод: "Вчера наш рассыльный сделал вид, что его толкнул господин в енотовой шубе, и рассыпал в грязь 17 "Сумерок" и, бог ему простит, 25 "Рассказов" (название сборника Чехова. — *Е.Д.*). Господин в еноте оказался большим банкиром Коном и, чтобы избежать протокола, заплатил за всю пачку. <...> Грязь на улице, однако, не целый год, и Зандрок (заведующий в то время петербургским магазином "Нового времени". — *Е.Д.*) стал задумываться. Убийцы!!!"⁴⁶

Суворинский дофин не столько иронизировал, сколько юродствовал, стремясь уязвить писателя. Но, может быть, он был действительно прав, сообщая, что снизился интерес к книгам Чехова и они оказались вне внимания критики? Факты начисто опровергают эти предположения. Популярность писателя ширилась с каждым годом. Его имя оставалось в центре внимания чуть ли не всех обзоров современной литературы, почти на каждый его сборник появлялись рецензии. Более того, тот самый сборник "Рассказы", о печальной судьбе которого писал А.А.Суворин, вызвал более чем высокую оценку "Нового времени". Анонимный рецензент этой газеты писал, что произведения, помещенные в сборнике, "свидетельствуют, с какой любовью наш молодой талантливый беллетрист занимается изучением народных нравов. Его наблюдения в бытовой сфере отличаются замечательной тонкостью, не допускающей ни малейшей утрировки в передаче явлений народной жизни"⁴⁷.

Не все рецензенты были единодушны в оценке этой книги. Например, К.К.Арсеньев считал, что рассказы, "вошедшие в состав сборника, весьма неодинаковы по достоинству", но в целом был достаточно высокого о них мнения⁴⁸. В то же время рецензент газеты "День" К.Говоров спешил "наклеить на них ярлычок рассказов второй категории", хотя — по его мнению — порою Чехов не отходил прочь и от "самостоятельного творчества". Полемизируя с современной ему критикой, Говоров писал, что он не верит в то, что Чехов способен создать "что-либо крупное, что-либо законченное, что-либо значительное". И в доказательство "мелочности концепции" писателя приводил такой пример: "Эскизик "Ванька" совсем пустячок. <..> Если г.Чехов хотел изобразить, как худо живет мастерскому — мальчишке, то это, во-первых, уже изображалось сотни, если не тысячи раз, а во-вторых, его изображение недостаточно рельефно. Если автор просто хотел

дать картинку, то картинка вышла неинтересная и скучная»⁴⁹. Как говорят в таких случаях — спорить, действительно, не о чем.

Ничего общего с подобной критикой не имели статьи Н.К.Михайловского, внимательно следившего за творчеством писателя. Анализируя этот и последующий сборник "Хмурые люди", он приходил к выводу, что "Чехов пока единственный, действительно талантливый беллетрист из того литературного поколения, которое может сказать о себе, что для него "существует только действительность, в которой ему суждено жить". И я не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант". Можно не соглашаться с утверждениями Михайловского, с его догматическим подходом при оценке многих произведений Чехова, которого он в тот момент ставил в один ряд с теми, кто отвергал "идеалы отцов и дедов", но нельзя не видеть его искренней заинтересованности в развитии таланта писателя в направлении, представлявшемся ему единственно верным. Отсюда, кстати, и восторженная оценка "Скучной истории". «„Скучная история“ — есть лучшее и значительнейшее из всего, что до сих пор написал г. Чехов. Ничего общего с распущенностью и случайностью впечатлений в „Степи“, ничего общего с идеализацией серой жизни в „Иванове“. И даже совсем напротив»⁵⁰.

Вряд ли стоит останавливаться на всех откликах печати, связанных с той или иной книгой Чехова. Как бы ни были разноречивы появлявшиеся рецензии, они способствовали популярности писателя, о чем можно судить по числу изданий его произведений. Он не был безразличен к мнению прессы: "Каждый газетный отзыв обо мне волнует... меня", — признавался он М.П.Чехову (2, 16). В то же время Чехов был достаточно умудрен жизнью, чтобы придавать этим отзывам какое-то самодовлеющее значение. Еще по поводу сборника "В сумерках" он писал одной из своих знакомых: "Рецензий было много, и между

прочим в "Северном вестнике" (речь идет о рецензии Н.К.Михайловского. — *Е.Д.*). Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? "Талант! талант! но тем не менее упокой господи его душу" — таков смысл рецензий" (2, 119). Столь же иронично он относился и к другим подобным пророчествам. Он сам лучше, чем кто-либо другой, знал себе цену и был поэтому строг к себе более, чем все критики, вместе взятые. Однако сказанное отнюдь не отменяло необходимости издаваться и необходимости реализовывать эти издания. И как раз в этом он встречался с проявлением полнейшего безразличия со стороны издающей его книги фирмы.

"В моск~~овском~~ книжном магазине давно уже нет моих книжек, — писал Суворину в декабре 1893 г. Чехов. — Похоже на то, как будто я ликвидировал свои дела. Перед Рождеством самая-то настоящая торговля, а книжки мои или не изданы, или же лежат в складе, изображая из себя камень, под который вода не течет" (5, 253).

Проходит еще пять лет, и снова аналогичная жалоба Суворину: "Когда в последний раз я ехал по Николаевской дороге, то не видал в шкафах моих книг" (7, 257). Случались и неприятности иного рода. Михаил Павлович Чехов вспоминал, как Потапенко, проверив расчеты конторы "Нового времени" на одну из книг его брата, по которым следовало, что писатель "состоит ее должником за типографские работы", выяснил, что, наоборот, с самой фирмы "следовало получить чистыми, кажется, свыше двух тысяч рублей"⁵¹. Если же учесть, что никто не стремился сократить расходы по изданию, вовремя переиздавать чеховские книги (доходы с каждым переизданием возрастали, так как сокращались производственные издержки), то приходится признать справедливость слов Чуковского.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ

ХМУРЫЕ ЛЮДИ

РАЗСКАЗЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1890

Обложка книги А.П.Чехова
"Хмурые люди"

Со временем от былых восторгов по поводу издательской деятельности Суворина не осталось и следа. Как-то в беседе с близким Суворину человеком, Константином Семеновичем Тычинкиным, Чехов в весьма нелестных словах высказался о фирме. Тычинкин смолчал, но спустя некоторое время в конфиденциальном письме честно признался: "Все, о чем Вы, помнится, тогда в Феодосии мне говорили, — суцая правда. <..> И распущен-

ность, и неумение, и хищения отчаянные, вероятно, только тот и не ворует, кто вовсе не хочет”⁵².

В начале 90-х гг. Чехов обращается к Суворину с просьбой поэтапно оплачивать стоимость типографских расходов (за каждое издание, т.е. 1000 экз.), отдельно, а не сразу за весь валовой тираж книги (включая и чистые листы, приготовленные для последующих изданий). Не отвечая Чехову прямо, но и боясь переместить возможные расходы на фирму, Суворин увлекает писателя весьма завидным контрпредложением. Он изъявляет готовность выпустить на прежних условиях собрание сочинений Чехова. Так возникает та самая нить, которая еще пять лет будет связывать Чехова с Сувориным.

Поскольку Чехову стали известны сомнения заведующего книжной торговлей фирмы Федора Ивановича Колесова, с мнением которого считался Суворин, писатель соглашается повременить: “...нет надобности осуществлять эту идею непременно теперь, — пишет он Суворину, — можно подождать еще 1—2 года, нужно только сказать, чтобы печатание “Сумерков” и “Хмурых людей” было прекращено” (5, 340).

К просьбе Чехова вроде бы прислушались. Ровно через два года — 12 октября 1896 г. — сын Суворина Михаил Алексеевич писал Чехову, что из его книг на складе «остались только “В сумерках”, небольшое количество экземпляров, да запасец в листах набранных той же книжки есть, еще 2000 экз. <...> Как прикажете поступить: печатать ли все книжки новыми изданиями или прежде... выпустить “собрание сочинений”. <...> Да вы и говорили об этом с отцом, что желали бы выпустить свои произведения “собранием сочинений”». М.А.Суворин просил Чехова сообщить о своем решении и о числе томов предполагаемого издания⁵³.

Не приходится сомневаться в том, что заинтересованный автор своевременно ему ответил. Однако

старший Суворин как бы забыл о своем предложении. А Чехов все время думал о нем. Об этом свидетельствует такой факт. Еще в конце 1895 г. сосед писателя по имени В.Н.Семенкович, племянник и наследник А.А.Фета, обратился к нему с просьбой порекомендовать издателя для сочинений покойного поэта. Чехову казалось, что Суворин должен заинтересоваться этим предложением, но переговоры окончились безрезультатно. И тогда Семенкович уступил права литературной собственности на сочинения Фета издателю "Нивы" А.Ф.Марксу. Весть об этом настолько заинтересовала Чехова, что он не удержался и обратился к редактору "Нивы" А.А.Тихонову (Луговому), с которым был давно знаком, с весьма деликатным вопросом: "Правда ли, что Маркс купил на вечные времена сочинения Фета? Если правда (и если не секрет), то за сколько?" (6, 135). Ответ Лугового не замедлил ждать, и тут Чехов смог убедиться в ограниченности издательских возможностей Суворина.

Огорчали его и дела с собственными книгами. Тычинкин неоднократно уверял писателя, что будет "сильно наседать на типографию. Горе с ними, да и только, но ввести что-нибудь новое и упорядочить дело трудно: чересчур мало поддержки в Алексее Сергеевиче, а без него эту орду не прошибешь". Особые сложности возникли с изданием сборника пьес и повести "Мужики". Дело даже дошло до того, что Чехов просил брата Александра зайти в типографию и забрать рукопись сборника, пока "Упокоевы и Не-упокиева* не потеряли оригинала" (6, 304). Он имел все основания беспокоиться. Царящая безалаберность вызывала возмущение даже у Тычинкина, сообщавшего Чехову, что "вследствие бестолочи, их выход затянулся страшно, уверен, что они были бы давно, давно напечатаны"⁵⁴.

*Неупокоев Аркадий Ильич – сотрудник типографии "Нового времени", ответственный за набор чеховских книг.

Несмотря на явное желание Суворина избежать разговора об издании собрания сочинений, Чехов в августе 1898 г. все же напомнил ему об его давнем предложении. Ссылаясь на совет Л.Н.Толстого, он писал Суворину о своем намерении зимой заняться "редакцией своих будущих томов": "...пусть лучше проредактирую и издам я сам, а не мои наследники". Он уверял Суворина, что выпуск собрания сочинений никак не скажется на распродаже изданий прошлых лет (7, 257). Разговор, наконец, приобрел деловой характер. Но Суворин явно сомневался в интересе публики к этому изданию и рекомендовал в не дошедшем до нас письме печатать сочинения небольшим тиражом и по дорогой цене. Чехов с этим мнением не согласился: "Вы пишете, что не надо баловать публику; пусть, но не надо также, чтобы я продавался дороже, чем Потапенко и Короленко" (7, 289).

Предварительные расчеты складывались не в пользу автора. И хотя единственный искренне сочувствующий ему человек, Тычинкин, предупреждал его о возможных материальных потерях, Чехов верил в успех издания. К тому же перед его глазами стоял пример Лескова, который почти на тех же условиях, в той же типографии напечатал свое собрание сочинений и получил от него небольшой, но ощутимый доход. А главное, сам выпустил его в свет.

Чехов верил в желание Тычинкина помочь ему. Он с удовольствием просматривал присланные образцы бумаги, шрифтов, книг. Наконец он получил от него и долгожданную телеграмму: "Напрасно ворчали. Прочтите и пришлите покаянную"⁵⁵. "Покаянную" Чехов не послал, но свою точку зрения изложил весьма подробно в послании Суворину: "К.С.Тычинкин в своем письме ужасается: как бы полное собрание не хлопнуло меня по карману. Конечно, трудно судить о будущем, возможны всякие напасти. Я не буду особенно гнаться за объемом книги,

мне важен только "тип" издания, внешний вид томика, такой вид, чтобы можно было и не надоело бы держаться его до конца дней моих, хотя бы я прожил еще 64 года... Только надо торопиться". И, видимо, чтобы подкрепить свои доводы, сообщал: "В Ялте мои книги идут ужасающе. Не успевают выписывать" (7, 314).

Когда Тычинкин делился своими сомнениями с Чеховым, он еще не имел полной сметы на издание, а исходил из стоимости одного комплекта (8 руб.). По его расчетам выходило, что Чехов получит с каждого тома сумму, вдвое меньшую, чем за книгу рассказов. Он сделал все возможное, чтобы сократить производственные расходы, в частности, нашел новых поставщиков бумаги, согласившихся снизить на нее цену. А когда познакомился с калькуляцией, то понял, что она явно завышена. Главное, в это время на место Н.П.Коломнина управляющим типографии был приглашен В.Р.Васмундт, по аттестации Тычинкина — "человек несомненно честный". Исходя из его слов, следовало ждать новой эры в летописи типографии "Нового времени". Поэтому Тычинкин и поспешил послать Чехову в начале ноября телеграмму: "Образцы готовы, посланы сегодня. При них письмо. Я переменяю взгляд на полное собрание. Дело хорошее"⁵⁶.

Макет тома будущего издания несказанно обрадовал Чехова. Он соглашается с тем, что его не следует именовать "полным собранием сочинений", пусть каждый том называется по включенному в него сборнику рассказов (например, том пятый — "Хмурые люди"). Договорились и о его номинале: книга объемом в 10 листов должна стоить 1 руб.

В самом начале января 1899 г. Чехов наконец получил гранки первого тома, вместе с уверением Тычинкина, что более "никаких задержек, ни недоразумений не случится", а автор не останется в накладе, печатая каждую книжку своего собрания сочинений тиражом в 10 тыс.

экз.⁵⁷ И вот тогда, когда, казалось, дело струнулось с мертвой точки, Чехов вдруг осознал всю тяжесть затеянного им предприятия; неизбежность прямых отношений с цензурой и типографией, в которой, как писал Тычинкин, воровали все, "кто в бога верует и кто как мог", с "магазином", руководство которого явно не сочувствовало его начинанию и вообще с осторожностью относилось к его книгам. Резко ухудшившееся здоровье заставляло его с особой остротой подумать о своих литературных и материальных делах, наследии и наследниках.

Решиться в такой ситуации на издание, не сулящее, по крайней мере в первое время, каких-то зримых доходов, было трудно, но еще страшнее было осознавать, что, несмотря на явное расположение к нему, ни Тычинкин, ни иной суворинский служащий не могли гарантировать успешное завершение издания. Вот почему, когда издатель "Нивы" А.Ф.Маркс обратился к нему с предложением продать права литературной собственности на вышедшие произведения и назвал сумму, показавшуюся Чехову вполне приемлемой, он тут же его принял.

Как же объяснял разрыв с Сувориным сам Чехов? В письме к И.Павловскому он писал: "Я веду переговоры с Марксом ("Нива"), продаю ему право собственности. Ухожу от Суворина, или, вернее, не от Суворина, а от его типографии" (8, 38). Почти в тех же словах обрисовал он ситуацию и в письме к брату: "Я ухожу от типографии, от Неупокоева, от рассеянного Тычинкина, не только ухожу, но даже уже ушел. Суворину я не предлагал купить мои сочинения; и к совершившемуся факту он относится благодушно, по крайней мере, пишет мне игривые письма" (8, 55).

Продажа Чеховым прав литературной собственности А.Ф.Марксу была неожиданна для Суворина, но суть вытекающих из нее последствий он оценил сразу. "Получив Вашу первую телеграмму, письмо и следующие сооб-

шения, — писал Тычинкин, — Алексей Сергеевич был первое время очень мрачен: ему было, видимо, тяжело продолжать отношения с Вами на поприще книжного дела. У него была даже мысль взять на себя реализацию этого дела, и на более выгодных для Вас условиях, но его пустились отговаривать, а главное — ему как-то жутко заключать договора на отдаленные времена; приходит, конечно, мысль, что думаешь о будущем, которое, чего доброго, тебя уже не застанет”. Сам же Тычинкин поздравлял Чехова “с получкою”, но считал, что тот “мало взял”. Мало постольку, поскольку А.Ф.Маркс, по словам Тычинкина, одновременно вел переговоры с Вас. И.Немировичем-Данченко и предлагал ему за “написанные вещи” 125 тыс. руб., а тот не соглашался и просил 150 тыс. руб. “Остается желать, чтобы за новые вещи Вы получили вдесятеро более”, — писал Тычинкин⁵⁸. (Договор с Марксом предусматривал прогрессивное увеличение ставок гонорара. Имея это в виду, Чехов писал брату Александру, разумея своего нового издателя: “...если я проживу еще 45 лет, то он, душенька, в трубу вылетит” (8, 55).

В тех же примерно тонах рисовал первоначальную реакцию Сувориных и брат Александр: “Стороною, как нянькин сын, слышал, что старик очень хотел купить у тебя то, что купил немец; но наследники не разрешили ему затрату столь крупного капитала. Говорят, сцена была бурная. Во всяком случае, он недоволен тем, что по усам его текло, но в рот не попало. Поговаривают также, будто на финансовой почве. Ваши отношения несколько скислились”⁵⁹.

Другой брат писателя, Михаил, передавая свой разговор с Сувориным и его женой, писал о весьма бурной сцене, разыгравшейся при упоминании о случившемся: “Их глубоко огорчило то, что ты продал свои сочинения Марксу, а не Суворину. Анна Ивановна во всем обвиняет только одного Суворина”. После длинной тирады Суворин

просил Михаила Павловича убедить брата выкупить "обратно от Маркса свои сочинения"⁶⁰.

Суворина не столько огорчил факт перехода Чехова к другому издателю, хотя этим обрывались последние нити, все еще связывающие его с писателем, сколько его пугала неизбежность негативной реакции общества, притом в самый неудачный для этого момент. "Весь Питер теперь на них (т.е. Сувориных. — Е.Д.) указывает пальцем. А если сопоставить продажу Марксу со студенческими беспорядками*, что было почти одновременно, то ты легко поймешь, какую окраску придает Питер продаже Марксу", — писал Чехову брат Михаил⁶¹.

Но если в письмах Суворину Чехов довольно мягко отводил его укоры, указывая на явные ошибки памяти, то брату Михаилу, попытавшемуся примирить его с Сувориным, отвечал более категорично. В письме была такая фраза: «Анна Ивановна милая женщина, но она очень хитра. В ее расположение я верю, но когда разговариваю с ней, то не забываю ни на одну минуту, что она хитра и что А.С. очень добрый человек и издает „Нов<ое> время"» (9, 36).

Не следует думать, что противодействие сыновей Суворина, Алексея и Михаила, вызывалось только неприязнью к Чехову, тому имелись и более веские причины. В 1899 г. из-за повсеместного бойкота валовой тираж "Нового времени" сократился до 35 тыс. экз.; не исключались и более жесткие его последствия. Происходили эти события в момент, когда Суворин изъясил из кассы газеты значительные средства, чтобы приобрести имение. Не был он уверен и в том, что его издательство, имевшее мало опыта в выпуске многотомных сочинений, успешно справится с довольно сложной задачей. Впрочем,

*См. об этом: Суворин А.С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 187–204.

все решали деньги. Суворин мог их найти, но этот шаг требовал слишком больших усилий. (Исходя из законов коммерческой этики, он должен был заплатить Чехову хотя бы на 5 тыс. руб. больше, чем А.Ф.Маркс.)

Наступил момент, когда Суворин и Чехов могли признаться, что им "писать друг другу более уже не о чем" (9, 36). Давно прошли те времена, когда писатель интересовался всеми делами Суворина, просил его присылать ему на редакцию рассказы молодых авторов, осыпал его различного рода предложениями («Издайте „Почтение Владимира Мономаха“. Томик „Дешевой библиотеки“ с двумя текстами – славянским и русским, а в конце примечания. Издайте и „Слово о полку Игореве“ – это как учебное пособие. Издайте „Домострой“») (3, 190). Предлагал он свои услуги и для подготовки, как бы мы сейчас сказали, массовых изданий: сокращенных вариантов "Вечного жиды" Эжена Сю, "Трех мушкетеров" и "Графа Монте-Кристо" А.Дюма⁶².

К концу века Чехов полностью отстранился от всего, что было связано с Сувориным и его делами.

В этом плане весьма знаменателен эпизод, связанный с "Чайкой". Современный исследователь, писавший, что Суворин принял в ее судьбе немалое участие, приводил его утверждение, что "Чайка" по литературным достоинствам "гораздо выше множества пьес, имевших успех". Помянул он и другую статью, в которой Суворин писал: "За свои 30 лет посещения театров в качестве рецензента я столько видел успехов ничтожностей, что неуспех пьесы даровитой меня нисколько не поразил". Не без оснований он указывал на пользу от взаимных посещений репетиций "Чайки" и "Татьяны Репиной", на моральную поддержку, оказанную Сувориным в тяжелый для Чехова час премьеры "Чайки"⁶³. Все справедливо в этих утверждениях. Однако история этого эпизода рассказана не до конца.

В суворинском семействе к "Чайке", как к никакой другой пьесе Чехова, было весьма ревнивое отношение. Дело в том, что многие считали (и, возможно, не без основания), что известный ход ее сюжета дала семейная трагедия Сувориных — самоубийство сына Владимира, как выяснилось впоследствии, человека, не лишенного литературного дарования. Весьма скупой на сантименты, Суворин писал по этому поводу Плещееву: "Знаете ли Вы, что мой сын Владимир, который застрелился, оставил после себя комедию, которая при всех недостатках молодости исполнена такой оригинальности, остроумия и драматического движения, что обещала в нем огромного драматурга. Я не могу теперь и притронуться к этой вещи, чтобы не вызывать тех болей, которые и без того у меня постоянны и которые решительно гнетут меня. <...> Его потеря — это самая страшная моя потеря. Одинокий, застенчивый, самолюбивый, любимый всеми, но любимый, как дитя доброе, он прожил внутреннюю жизнь, никому ничего не показывая, и никто на него внимания не обращал"⁶⁴.

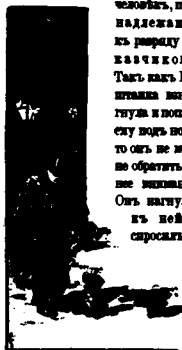
В порыве великодушия Чехов пообещал посвятить "Чайку" жене Суворина, Анне Ивановне. Но пьеса, как известно, была опубликована на страницах "Русской мысли" без всяких посвящений. Суворин и Тычинкин напомнили писателю об его обещании⁶⁵. Чехов отвечал весьма неубедительно, объясняя случившееся неприятными воспоминаниями о премьере пьесы, тем, что она "отвратительна" ему, а посему посвящение ее представляется бестактным (6, 263). Увы, фамилии Сувориных не нашлось места не только на страницах "Русской мысли", посвящения не оказались и в последующем издании пьесы.

Приезжая в Петербург, Чехов многие годы останавливался у Суворина. Ему даже была отведена специальная комната, которая так и называлась чехов-

ской. Он был как бы своим человеком в его доме. Но в семье, где один клан ненавидел другой, где все интриговали друг против друга и за спиной спешили сообщить тому же Чехову что-нибудь едкое друг о друге, он никогда не чувствовал себя уютно. "Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть", — писал он сестре еще в начале 1891 г. (4, 161). И тем не менее все, близко знавшие Чехова, свидетельствуют, что до последних дней в разговорах о Суворине он всячески пытался подчеркнуть его положительные качества. Актер П. Орленев писал, что Чехов неоднократно в разговорах с ним "бережно и любовно вспоминал о старике (т.е. Суворине. — Е.Д.), к которому был очень привязан"⁶⁶. В разговоре с сыном Н.С.Лескова Чехов, справляясь об отношении его отца к Суворину, остро реагировал на реплику Лескова о "деньголюбии" и дрянном окружении Суворина, сделавшем его "способным на поступки много ниже его природных свойств". "Вот, так и я считаю, — заметил Чехов. — Сам он не злой человек, это Николай Семенович верно говорил. Деньги его, конечно, испортили: но главное — это ужасная нововременская камарилья! <...> Он невольно поддается их влиянию. Они развращают его, и всю редакцию, и газету, и читающую публику"⁶⁷. "Лично с Сувориным он сохранил, хотя и несколько охладевшие, отношения до конца", — писал близко знавший Чехова в последние годы жизни врач Н.И.Альтшуллер⁶⁸. Другой ялтинский врач, пользовавшийся Чехова, С.Я.Елпатьевский, приводил аналогичное высказывание⁶⁹.

Нечто подобное можно прочесть и в других воспоминаниях и письмах. Правда, далеко не всегда Чехову при этом удавалось воздержаться от саркастических замечаний. Аттестуя "Новое время" в письме к М.О.Меньшикову, он как бы между прочим писал: "Только один

дремому, вдруг подбавила дверь пригнула, зашпала и ударила ее по боку. Она вскопала. Из открытой двери вылезла какой-то

человѣкъ, принадлежавшій къ рязану казачковъ. Такъ какъ Каштанка не могла и носила ему подъ ноги, то она не могла обратитъ на нее вниманія. Она нагнулась къ ней и спросила:

— Писна, ты откуда? Я тебя ушибла? О, бѣдная, бѣдная... Ну,

А.П.Чехов. Каштанка.
Спб., 1892. Страница

Суворин литературен и иногда даже порядочен” (10, 20). А когда не надо было скрывать своих чувств, писал и более определенно: ”Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т.е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот” (9, 208). Так, например, Суворин первым выступил в защиту драматургии Чехова, когда тот еще нуждался в такого рода поддержке⁷⁰. Но последующие пьесы не только манерой

письма, но и всей своей сутью стали чужды ему, более того — даже враждебны.

В первые годы знакомства Суворин охотно и, надо думать, от чистого сердца покровительствовал Чехову. Рассказов он уже давно не писал, а Чехов был почти безразличен к публицистике. Ни о каком соперничестве не могло идти и речи. Но со временем резко обозначился интерес Суворина к драматургии. Он стал фактически владельцем крупного петербургского театра, был автором ряда пьес, одна из которых — "Татьяна Репина" — имела бесспорный сценический успех. Неизбежно вызревало чувство тайного соперничества. Придерживаясь иных, чем Чехов, взглядов на природу драматургического творчества, он не мог принять последовавших за "Ивановым" пьес. Хотя в печати Суворин и выступил в защиту "Чайки", но считал, что она как "пьеса очень слаба", "Три сестры", по его мнению, — чрезвычайно скучны. "Уходишь из театра с удовольствием, освободившись от кошмара, от глупых и пошлых людей, от мелочей, от пьянства, от мелкой суеты и измен. Какая разница между этими сухими сценами с претензиями и сценами Гоголя и Островского, которые тоже рисовали мелких людей и мелкие страсти", — записывал он в "Дневнике"⁷¹. Да и не в одном "Дневнике", но и на страницах газеты он говорил по сути дела то же самое. Иронически отзываясь о публике, заболевшей "от слез" на "Трех сестрах", он ненароком касался природы творчества автора пьесы. "Вот, кстати, Чехов, — писал Суворин, — это превосходный юморист. <...> Он мог бы сделаться наследником Гоголя, как юморист. Тоже из солнечного, приморского юга, он любит даже клоунов, как комиков. Его водевили и некоторые рассказы брызжут смехом. А он вот не смеется и стал изображать трагедию скуки вместо того, чтобы изображать ее комедию"⁷².

О своих впечатлениях, вероятно в более мяг-

ких тонах, Суворин не раз говорил Чехову. Тот, по его словам, "выслушивал их нетерпеливо". Суворин считал, что Чехов "очень самолюбив", и ни на йоту не усомнился в справедливости своих высказываний⁷³. Почти в тех же словах Суворин аттестовал Чехова в разговоре с писателем И.Л.Щегловым, как об этом можно судить по сохранившейся дневниковой записи последнего от 22 августа 1896 г.: "Чехов — кремень-человек и жестокий талант по своей суровой объективности. Избалован, самолюбие огромное"⁷⁴.

Когда главный режиссер суворинского театра, драматург и писатель П.П.Гнедич попытался поместить благожелательную рецензию на постановку "Чайки" в Москве, Суворин с неохотой предоставил ей место в своей газете. "Тут были, может быть, и редакционные давления, — не все члены редакции любили Антона Павловича. Тут была и традиционная ревность двух соперников: московского и петербургского частных театров"⁷⁵.

Только ли ревность? Трудно предположить, что Сувориным двигала зависть, когда он заносил в "Дневник" свои оценки чеховских пьес. Ведь не так уж далеко ушло время, когда Чехов, прежде чем опубликовать "Палату № 6", намеревался послать повесть Суворину "для цензуры". Однако дружеского сочувствия не встретил. Наоборот, именно "Палата № 6", как считает современный исследователь, проложила первую межу в их взаимоотношениях⁷⁶. О реакции Суворина свидетельствует близкий ему человек, С.И.Смирнова-Сазонова: "Суворину не понравилась "Палата № 6", он ему (Чехову. — Е.Д.) и грянул резкое письмо". Письмо Суворина нам неизвестно, но автор приведенных слов имела возможность с ним ознакомиться, получив тем самым основание для столь определенной характеристики⁷⁷. Чехов по своему интерпретировал оценку Суворина: "лимонд

хорош", но "нет спирта" (5, 445)*. Слова эти можно трактовать по-разному. Возможно, они касались не только одной художественной стороны (одновременно Суворин писал Смирновой-Сазоновой, что "Чехов бледен по сравнению с Тургеневым"⁷⁸). Известна и другая его оценка аналогичного характера, из которой следует, что Некрасов и Чехов "наиболее популярные писатели в среднем кругу"⁷⁹. А затем последовало и более определенное высказывание: "Я любил его (Чехова. — *Е.Д.*) как человека больше, чем как писателя" (2, 402). Но здесь, пожалуй, следует оговориться. Поначалу Суворин придерживался иной точки зрения и наравне с Григоровичем восторгался первыми рассказами Чехова. Долгое время он с той же экспансивностью принимал все им написанное⁸⁰. Но чем более Чехов сходиллся с редакцией "Русской мысли", тем меньше точек соприкосновения он находил с Суворинным. Переписка пошла на убыль именно тогда, когда Чехов и Суворин как бы поменялись местами. Со временем Суворин стал испытывать потребность во взаимном общении более остро, чем когда-то Чехов. Мир одного беспредельно расширился (в числе близких знакомых: Толстой, Короленко, Горький, Бунин), а мир другого все более и более суживался кругом Розанова и Меньшикова.

Поэтому так важно было для него сохранить все утончавшуюся и ослабевавшую нить отношений с Чеховым. Их редкие встречи, как важнейшие события, находят отражение на страницах "Дневника". Суворин пытается убедить себя, что все остается как прежде, но записи выдают автора, свидетельствуя о значении, которое он придавал этим встречам. "Он (Чехов. — *Е.Д.*) мне телеграфи-

*По всей вероятности, А.С.Суворин использует образ, заимствованный из письма Чехова к нему от 25 ноября 1892 г.: "В наших произведениях нет именно алкоголя, который бы пьянил и порабощал..." (5, 132).

ровал в Петербург, что приехал в Москву. Целый день с ним. Встретились хорошо и хорошо, задушевно провели день. Я ему много рассказывал, он смеялся". Почти дословно повторяет эту ситуацию запись о последнем свидании с Чеховым 4 сентября 1902 г. Суворин два дня в Москве "почти все время с Чеховым, у него, в его доме". И опять бесконечные разговоры о "разных вещах, преимущественно о литературе"⁸¹.

Кратковременными визитами почти и ограничивается связь Чехова с Сувориным в последние годы. В 1900 г. Чехов написал ему всего 6 писем (в 1901 г. — ни одного), в 1902 г. — три, в 1903 г. — пять. Они ничем не напоминают их былую переписку. Вежливые и даже холодные ответы. В них как бы ощущается какое-то противостояние. Не без оснований жена Суворина еще в январе 1895 г. упрекала писателя в явном его охлаждении к главе семейства: "Он (Суворин. — *Е.Д.*) мне пишет, что Вы ему ничего, кроме деловых каких-то писем, не пишете. <...> Напишите ему что-нибудь хорошее и интересное..." И через три года (в марте 1899 г.) снова повторяет свою просьбу, хотя и считает ее почти безнадежной: "Вы бы его пожалели и поддержали! Сколько злобы, зависти, а главное, заведомой клеветы! Да, если бы Вы были его другом или просто любили его, Вы бы не молчали в эти тяжелые для него дни, но Вы не его друг, это я вижу ясно, и вы его не любите! А он очень устал от всего..." Ответ Чехова явно не удовлетворил адресата: "Вы спрашиваете, что мог бы сделать искренне любящий человек, — писала Суворина. — Ах, как много всегда может сделать такой человек..."⁸²

Но если быть справедливым, то следует признать, что охлаждение было взаимным, и о Чехове вспомнили в самый тяжелый момент, когда широкие общественные круги выступили единым фронтом против Суворина за его статьи о студенческих "беспорядках". Правда, Тычинкин объяснял происшедшие метаморфозы весьма про-

заически тем, что Суворины не могут простить Чехову его женитьбы. По его словам, в доме Сувориных все твердили одно и то же: "Теперь Антон уже не тот"⁸³.

И все же при жизни писателя Суворин не решился открыто выразить накопившееся раздражение. Но ближайшее окружение, естественно, бывшее в курсе их отношений, было осведомлено, что они уже не столь лучезарны, как прежде. Поэтому и рискнул их общий знакомец Н.М.Ежов опубликовать свои печально известные воспоминания о Чехове в "Историческом вестнике". А его редактор С.Н.Шубинский (тот самый, которого Чехов "требовал" пристегнуть к обещанному Сувориным приданому) — их напечатал⁸⁴.

В "Новое время" Ежова ввел Чехов, передав Суворину несколько его рассказов. Неудивительно, что молодой писатель распинаялся в своей благодарности Чехову. "Говоря о последнем, я не могу не выразить удовольствия и гордости, что состою в хороших отношениях с этим талантливейшим писателем и вместе с тем прекраснейшим человеком", — писал он Суворину в октябре 1888 г.⁸⁵ В дальнейшем Чехов уговорил Суворина выпустить сборник рассказов Ежова, но не смог уговорить И.Д.Сытина взять его в сотрудники "Русского слова".

Почувствовав перемену в отношениях патрона к Чехову, Ежов решил услужить Суворину. Он хорошо знал, что тот "чеховских пьес последнего периода его творчества не любил", а Чехов, в свою очередь, в кругу близких лиц выражал "полную неприязнь к Алексею Сергеевичу". Упреки последнего "при встрече и в письмах", по словам Ежова, "раздражали" писателя. Дело дошло до того, что в приезд Ежова в Петербург зимой 1901 г. Суворин даже не осведомился о здоровье Чехова⁸⁶.

После того как в "Историческом вестнике" появились воспоминания Ежова, оскорбляющие память писателя, сестра Чехова Мария Павловна написала Суво-

рину резкое письмо. Тот вызвал Ежова для объяснения в Петербург. О характере состоявшегося разговора можно судить по письму Ежова Шубинскому. Прочитав воспоминания, Суворин сказал Ежову: «„Я совсем не того ждал. Мне другое натолковали”. Впрочем, он находит, что я чересчур напал на Чехова, что этого делать не следовало. Со мною Суворин был очень любезен, и я думаю, что он нисколько на меня не сердится за Чехова. В этом случае г-жа Чехова мне сильно помогла своим доносом»⁸⁷. Ежов нисколько не сомневался в обоснованности высказанных им предположений. Он понимал, что его журят только для порядка. Ведь тот же самый Суворин чуть ли не через три недели после смерти Чехова, беседуя с другим москвичом — Щегловым, безапелляционно заявил, что когда-то перевозносимый им "Антон" лишь "певец третьего сословия! Никогда большим писателем не был и не будет". О чем Щеглов и поспешил оставить заметку в своем дневнике, а может быть, ненароком и рассказал своему старому знакомому Ежову⁸⁸. Во всяком случае, именно этими словами тот характеризовал Чехова в своем письме Шубинскому от 23 августа 1909 г.: "В наше невежественное время все спуталось, и беспристрастная оценка среднего писателя Чехова считается посягновением как бы на Пушкина и Гоголя. <...> По-моему, возвеличивать Чехова до Толстого и говорить, что это был ангел во плоти, "не возвышающий", а прямо низкий обман публики"⁸⁹.

* * *

В калейдоскопе приводимых высказываний и оценок, часто противоречивых и даже исключаящих друг друга, все же просматривается диалектика взаимоотношений двух столь не похожих друг на друга людей, как Чехов и Суворин, их взаимное тяготение и неизбежное отталкивание.

Чехов по-человечески был благодарен Суворину за многое хорошее, что тот ему сделал. При его инертности в делах издательского порядка содружество с Сувориным избавляло от неизбежных при этом хлопот. Суворинские авансы и займы не раз выводили его из острейших денежных затруднений. Оказывал Суворин услуги и иного рода, "пристроив" братьев писателя, Александра и Михаила, к своему делу. (Последнему он протезировал и до и после службы в его фирме.)⁹⁰

Как ни печальна слава его газеты, но именно "Новое время" расширило читательскую аудиторию Чехова. В то же время тесное общение с многоопытным литератором способствовало росту писателя. Да и советы его были на первых порах более чем полезны. Вот почему, сообщая Суворину о расторжении с ним деловых отношений и заключении договора с А.Ф.Марксом, Чехов в элегических тонах рисовал их прошлое сотрудничество.

Чехов всегда помнил и о том чувстве упоения, которое он когда-то испытывал от бесконечных разговоров со знаменитым издателем.

На этом, пожалуй, и следует закончить рассказ о почти двадцатилетнем знакомстве Чехова с Сувориным, воспринимавшемся каждым из них как долгая, затянувшаяся беседа. Было время, когда собеседникам казалось, что темы их разговоров бесконечны и что они одинаково их волнуют. Но с годами исчезло взаимопонимание и, как неизбежное следствие этого, появилось плохо скрытое взаимораздражение. Дороги же их разошлись задолго до того, как собеседникам стало ясно, что больше им не о чем говорить.

Среди издательств, выпускавших литературу "для народа", "Посредник" занимал особое положение. Это было в полном смысле слова просветительское издательство. Его организаторы, Владимир Григорьевич Чертков и Павел Иванович Бирюков, руководствуясь словами Толстого о необходимости "издания книг для образования русских людей", стремились к тому, чтобы "не было деления народа и не народа", когда речь шла о духовном развитии человека¹. Другое дело, что пути реализации этой идеи были различны. Демократическому, народному читателю предназначались те произведения, которые считались для него доступными. В этих целях они подчас даже адаптировались. В то же время для интеллигентных читателей "было решено печатать все то, что было более трудно по изложению"².

Стремясь сделать издания "Посредника" общедоступными, руководители издательства не только предельно их удешевили, но и смогли привлечь к своему начинанию целый ряд замечательных русских писателей и художников: В.М.Гаршина, А.И.Эртеля, Н.С.Лескова, В.Г.Короленко, К.М.Станюковича, А.П.Чехова, И.Е.Репина, Н.А.Ярошенко, К.А.Савицкого, Г.Г.Мясоедова, Н.А.Касаткина и др. Выходившие под маркой "Посредника" издания касались широкого круга проблем, посвящались вопросам, интересовавшим различные слои общества.

На первых порах важную поддержку "Посреднику" оказал Иван Дмитриевич Сытин, который вел всю техническую сторону дела в течение первых 10 лет существования издательства (с 1884 по 1894 г.). Но более, чем что-либо другое, успеху способствовало участие в судьбе издательства Льва Николаевича Толстого, его вдохновителя и основного автора. Чертков и Бирюков были ему духовно близки и много сделали для пропаганды его произведений и идей.

Летом 1891 г. редакция "Посредника" закрыла контору в Петербурге и перебазировалась в Москву. Деятельность издательства заметно расширилась, но один из его основателей Чертков несколько отстранился от дел, оставив за собой лишь небольшой участок работы — подготовку изданий для интеллигентных читателей. В 1893 г. он вообще отошел от "Посредника". Высланный в 1897 г. за границу за протест против гонения на духоборов, он создал в Англии издательство для выпуска запрещенных в России произведений Толстого.

На некоторое время руководство "Посредником" перешло к Бирюкову, но вскоре и он отказался от всяческой работы по издательству и передал все дела И.И.Горбунову-Посадову.

В начале своего литературного пути Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864—1940) печатался в петербургских газетах и журналах, был знаком с Надсоном, Гаршиным, Альбовым, дружен с поэтом Плещеевым. В 1885 г. начал сотрудничать с "Посредником" в качестве книгоноши на рабочих окраинах, занимался адаптацией и подготовкой литературных произведений для народных изданий, редактировал их, стал руководителем этого отдела, а затем и всего издательства. Он работал в "Посреднике" до ликвидации издательства в 1934 г. С его именем связаны многие славные страницы истории "Посредника", в частности сотрудничество в нем А.П.Чехова. Именно

И.И.Горбунов-Посадов и В.Г.Чертков

Горбунов-Посадов обратился к писателю в марте 1891 г. с просьбой безвозмездно передать для публикации в одном из подготавливаемых им сборников для детей рассказ "Ванька"³. Письмо не застало адресата, но, когда Чехов вернулся в Москву, он не замедлил с ответом: "...я весь к услугам "Посредника", потому что всей душой и сердцем сочувствую его целям и глубоко уважаю руководящих этим добрым предприятием, о которых я слышал много хорошего" (4, 222—223).

Положительный ответ Чехова, видимо, воодушевил издателей, и в середине июля Горбунов-Посадов вновь обратился к нему с просьбой. На сей раз он просил его разрешить выпустить отдельным изданием рассказ "Бабы" и порекомендовать произведения современных писателей, которые подошли бы "Посреднику"⁴. И опять

последовал благоприятный ответ; писатель только просил аккуратно посылать ему корректуру, что Горбунов-Посадов неукоснительно обещал исполнять⁵. Особенно его обрадовала высокая оценка Чеховым продукции "Посредника". "Громадное большинство книжек читается с интересом, — писал он Горбунову-Посадову. — Особенно хороши толстовские и лесковские вещи. Хорошо изложен Эпиктет*. Хороши виньетки, особенно на "Данииле Совестьливом" и на пушкинской сказке (речь идет о "Сказке о рыбаке и рыбке". — *Е.Д.*). Вообще и по внешности, и по внутреннему содержанию, и по духу посылка произвела на меня самое отрадное впечатление" (4, 269).

Начало сотрудничества Чехова с "Посредником" совпало с переломным моментом в его истории, когда издательство искало пути экономического обеспечения своей деятельности, намереваясь резко расширить читательскую аудиторию. Одним из первых шагов в этом направлении должен был стать сборник "Собиратель", в котором издатели намеревались собрать под одной крышей произведения таких писателей, как Толстой, Короленко, Чехов, Потапенко, Эртель и др. На сей раз гонорар предполагалось распределить в соответствии с полученным доходом. Чехова попросили передать для сборника один из его ранее напечатанных рассказов⁶. По невыясненным причинам издание это не состоялось, однако намерение издателей осуществилось в другом, более значительном начинании. Речь идет о серии небольших и, следовательно, недорогих книг, рассчитанных, как писал об этом Чехову Чертков, на "мелкую интеллигенцию"⁷.

Здесь, пожалуй, следует несколько подробнее рассказать о значении предпринятого шага, ведь он в

* Римский мудрец Эпиктет. Его жизнь и учение / Изложил В.Г.Чертков. М., 1889.

конечном счете привел к серьезным преобразованиям экономической основы издательства. Первоначально "Посредник" выпускал небольшие брошюры, не превышающие своим объемом обычные лубочные издания. Поскольку они были рассчитаны на неимущие слои населения (как деревенского, так и городского), то стоили не дороже изданий Никольского рынка, но отличались от них не только оформлением, но и качеством заключенных в них произведений. Выдерживать конкуренцию с лубочными изданиями "Посредник" смог лишь потому, что его авторы, как правило, отказывались от всякого вознаграждения, в крайнем случае гонорар сводился к минимуму. Однако со временем, особенно после того, как отдел народных изданий возглавил Горбунов-Посадов, репертуар "Посредника" стал расширяться, и под его маркой начали выходить издания, приносящие небольшой, но постоянный доход. Коммерческие начала отнюдь не означали отхода от намеченной ранее линии, просто издатели стали ставить перед собой более сложные задачи, постепенно расширяя круг потребителей своей продукции. По словам Горбунова-Посадова, Толстой одобрительно отнесся к этой инициативе: "Он очень расспрашивал об обеих сериях изданий и говорил, что радуется им, что они в его глазах имеют большое значение"⁸.

Естественно, что издания, входящие в новую серию, должны были отличаться от обычной продукции "Посредника". Возник ряд проблем экономического и идейного порядка, связанных, в частности, с его программой, выбором авторов, наиболее полно отвечающих вкусам и чаяниям демократических слоев интеллигенции. Выбор Черткова пал в первую очередь на Чехова не столько потому, что он был уверен в положительном ответе, сколько потому, что тот пользовался исключительной симпатией у этого круга читателей. Чертков не ошибся в своих расчетах. Сочувственно отнесся к самой идее

серии, Чехов рекомендовал ему обратиться за советами организационного порядка к своему постоянному издателю А.С.Суворину, который на протяжении многих лет выпускал "Дешевую библиотеку", очень близкую по своему характеру новой серии "Посредника".

Независимо от того, шла ли речь об оригинальном произведении или переводном, Суворин платил всем авторам и переводчикам одинаковую ставку — 50 руб. с листа за одно издание в 5 тыс. экз. Его примеру решил последовать и Чертков. Шаг этот казался на первый взгляд несколько рискованным, но ничего иного не оставалось делать. Только добившись полной рентабельности продукции, можно было поставить дело на твердую основу. В этом Черткова убедил ствет старого издателя: "Вам надо искать добровольцев, а не работников, — писал тот Черткову. — Вы или ровно ничего не платите, или маните царством небесным; когда разойдется (книжка. — Е.Д.), тогда заплатите. Это очень удобно для тех, которые имеют, например, имение и всегда обеспечены мало или много, как Вы, например, который может по произволу лишать себя или награждать. Но это очень неудобно для тех, которые живут литературным трудом. Мне жаловались несколько писателей на Вас, что Вы постоянно просите у них рассказов для "Посредника", издаете их и ничего не платите. А задумав теперь издание "для интеллигентных читателей", обещаете гонорар в будущем. Мне кажется, основывать издательство на таком благотворительном начале можно только тогда, когда писатели исполняют постоянную работу, независимо от того, ударили они палец о палец или нет. <..> Один писатель, отдавший Вам несколько своих рассказов, которые Вы напечатали, стал замечать, что его сборник рассказов стал хуже расходоваться. <..> Конечно, Вы можете сказать, что у Вас возвышенные цели пропаганды и что даете бедным самое нужное, что не попало бы в их руки, но и тут вся заслуга

остается на *стороне фирмы*, и писателю остается помнить, что не хлебом единым жив будет человек”⁹.

Ни единым словом Суворин не упомянул Чехова, но Черткову, безусловно, была неприятна сама мысль, что он мог вызвать недовольство писателя, в порыве добросердия разрешившего “Посреднику” печатать свои произведения, а впоследствии расклевывавшегося в опрометчивом поступке. Будучи человеком весьма щепетильным, Чертков, возможно, и был уязвлен словами Суворина, но они ни в коей мере не повлияли на его отношения с Чеховым, остававшиеся всегда добрыми, даже тогда, когда они явно осложнились. Нет сомнений, что в словах и поступках писателя он всегда чувствовал желание поддержать общественно важное дело. “Доверие к нам таких писателей, как Вы, — писал он Чехову, — нам, понятно, особенно дорого; и поддержка не только фактическая, но, если можно так выразиться, и сердечная, душевная, которую Вы вносите с другими талантливейшими русскими писателями... очень освежительно и ободрительно отражается в нас в то же самое время, когда с других сторон нам приходится встречать разные затруднения и часто непреодолимые препятствия, вытекающие из современных диких и безобразных внешних условий печатного дела в России”¹⁰.

Саркастичный тон письма Суворина не исключал разумности его замечаний, касавшихся коммерческой стороны дела, поэтому Чертков всецело положился на его опыт. На сформулированных им условиях строились и все дальнейшие отношения с Чеховым. Писатель даже считал, что установленный гонорар чересчур высок, соглашаясь на обычный для “Посредника” гонорар: 12 руб. 50 коп. за лист (что, естественно, редакция не могла принять).

Для новой серии наиболее подходящими Черткову показались чеховские рассказы “Жена” и “Именины”.

Он даже предполагал напечатать их сборником как освещающие одну "из важнейших сторон жизни — супружескую". Выражая сомнения в целесообразности выпуска первого рассказа отдельным изданием, Чехов категорически возражал против соединения его в одной книжке со вторым. "Два этих рассказа в одной книжке не улыбаются мне, а почему — я не могу сказать Вам определенно", — отвечал он Черткову (5, 102). Нужно отдать должное деликатности адресата, он ни на чем более не настаивал, наоборот, находил мнение писателя вполне закономерным. "Хотя Вы и не говорите, почему Вам не улыбается поместить оба рассказа в одной книжке, но мне кажется, что я Вас понимаю, и с Вашей точки зрения автора, как мне кажется, совершенно правы в этом случае. И так мы напечатаем каждый рассказ отдельно", — отвечал он Чехову¹¹.

Ни писатель, ни его издатель не высказались определенно, почему они посчитали невозможным объединить в одном сборнике два, казалось бы, однотемных рассказа. Остается лишь высказать некоторые соображения на этот счет.

Приступая к выпуску новой серии, Чертков совсем не случайно остановился на рассказе "Жена". Помимо прочего, писатель касался в нем и такого волновавшего "Посредник" вопроса, как отношение интеллигенции к народу (речь шла о помощи голодающим). Причем толковался этот вопрос устами одного из героев рассказа — доктора Соболя в том духе, как его понимали руководители издательства. Но за внешней тематической близостью двух рассказов — "Жена" и "Именины", первоначально прочитанных Чертковым как вариации достаточно избитой семейной темы, просматривалось нечто иное: раздумья о разъединенности людей, о лжи, которая мешает им понять друг друга, об их бездуховности и одиночестве. Объединенные в одном сборнике, рассказы

могли бы быть восприняты как поучительные истории, не лишенные некоей назидательности, что уже само по себе было неприемлемо для Чехова. В сущности, в том и другом случае семейные истории были лишь фоном, на котором разворачивались события духовных трагедий¹².

Возможно, все сказанное — лишь досужие домыслы, а автор и его издатель имели в виду какие-то иные соображения. Суть не в этом: важно показать, что требовательность Чехова была обоснована. При всей доброжелательности к "Посреднику" писатель не мог отступить от тех принципов и оценок, с которыми он подходил к своим произведениям, когда они появлялись на свет божий, особенно в виде отдельных изданий. Отсюда, кстати, и кажущиеся подчас несколько навязчивыми условия, которые он ставил издателям. К чему, например, было столь настоятельно требовать присылки корректур, если речь шла о переиздании уже дважды вышедшей книжки? Но Чехов находил весьма веские основания для своей просьбы: "Когда понадобится печатать III издание "Именин", "Палаты" и "Жены", то пришлите корректуру, — писал он Горбунову-Посадову. — У Сытина превосходный корректор, но ошибки и пропуски все-таки встречаются" (5, 330). Он вообще считал, когда авторы "живы, то нельзя издавать их сочинений без корректуры", ибо за ними всегда должно оставаться самое главное их право — право совершенствовать свое произведение. Заканчивая свою мысль, он писал Черткову, что если бы сам был "издателем, то, приобретая сочинения, ставил бы непременно условием авторскую корректуру" (5, 155).

Чехов не терпел проволочек; издательство, по его мнению, должно было работать с точностью часового механизма. Увы, в этом отношении "Посредник" не мог служить образцом. "Встретился с Чеховым, и он очень долго высказывал мне свое неудовольствие на

сказать тебе самый раз, утешиться, что хотя уж утеша-
ется и что скоро выйдешь из тюрьмы. Это бывало обыкновенно для черной, при том четыре недели сидела охотка, и потому теперь утешайся тем, что черной и не гоняли еще в час, выжила же ты черной.

— Во бужде так дедка, — промолвила, — утешитесь же, сколько у вас поступило до отъезда на арестант и сколько на уже отработано. Завтра о выезде своем поступайте известия для откупной, а выходя из тюрьмы не забудьте выслать выданные вам. Во бужде, выходя из тюрьмы, выслать выданные вам, а не забыть о том, во бужде выданные вам выслать откупной.

— Он выслал. Я выслал и откупной до арестант.
— Давать же выслать, — сказала, — а выслать не откупной.
— Во бужде откупной — откупной откупной, — сказала, — выслать же откупной, что она выслать откупной. — Выслать же откупной, что она выслать откупной.

— Я выслать же откупной, что она выслать откупной.

— Выслать же откупной, что она выслать откупной.

— У нас откупной. Выслать же откупной. Сказать. Но выслать же откупной, что она выслать откупной, выслать же откупной, что она выслать откупной, выслать же откупной, что она выслать откупной. Выслать же откупной, что она выслать откупной.

— Выслать же откупной, что она выслать откупной.

— Это выслать же откупной, что она выслать откупной.

— Да-с, во бужде и откупной же откупной — сказала, а выслать же откупной, что она выслать откупной, выслать же откупной, что она выслать откупной, выслать же откупной, что она выслать откупной.

Корректурa рассказа "Жена". Правка А.П.Чехова

"Посредник" за медлительность в печатании", — писал Черткову сотрудник издательства Александр Модестович Хирьяков¹³. Но когда в январе 1893 г. книжка вышла в свет, Чехов огорчился еще больше. Он даже собрался было совсем прекратить свое сотрудничество с "Посредником". Правда, вскоре все образовалось. "Особенно досадовал он, — сообщал Хирьяков, — что не прислали с му корректур "Жены", так как этот рассказ он хотел очень сильно переделать. Наконец, он заявил, что хочет купить издание "Жены", чтобы его уничтожить". Предупреждая желание Чехова, Хирьяков от имени "Посредника" выразил готовность пойти ему навстречу и изъять из продажи тираж книжки. "Это было бы чересчур жестоко, — сказал он. Потом опять пофыркал на чересчур большой формат

издания и сказал, что это все равно что выпустить писателя без брюк, не присылая корректуры. Закончилась беседа опять-таки заявлением, что пусть издание выходит, но что уж больше он ничего не даст". Однако, получив заверение Черткова о намерении издательства уничтожить весь тираж книжки, Чехов заметил, что делать этого не следует, а исправления можно будет внести во второе ее издание. "Бореи улеглись, и легкие зефиры повеяли", — иронизировал Хирьяков, вспоминая минувшие переговоры¹⁴.

Все объяснялось недоразумением. Как уже известно читателю, присылать корректуру Чехов просил Горбунова-Посадова¹⁵. Чертков же обычно воздерживался от корректурного обмена не только по экономическим соображениям, но и потому, что таким образом предупреждал недовольство авторов редакторским вторжением в текст. Чехова, правда, это обстоятельство касалось значительно меньше других, и многое, вероятно, в подобных ситуациях решалось быстрее и успешнее, если бы у них была возможность личного общения, как это случилось впоследствии, когда судьба более тесно свела писателя с Горбуновым-Посадовым. В силу сложившихся обстоятельств подобные встречи представлялись чрезвычайно затруднительными, так как Чертков большую часть года проживал в имении своей матери на станции Россошь Воронежской губернии. Временами приезжая в Москву, он со своей стороны всячески стремился ускорить выход чеховских книжек в свет, но по техническим условиям это не всегда оказывалось возможным. Мощности сытинской типографии, где печатались эти книги, были ограничены, а параллельно шли собственные издания Ивана Дмитриевича. О смене типографии и речи быть не могло, так как условия Сытина были наиболее выгодны для "Посредника". Отсюда возникали сбои и проволочки, столь неприятные как автору, так

и его издателям. Возникшая напряженность была снята Горбуновым-Посадовым, с которым у Чехова установились до конца дней добрые, даже, можно сказать, дружеские отношения.

В конце января 1893 г., еще не оправившись от болезни, он впервые посетил Чехова. Писатель, как об этом сообщал Черткову Горбунов-Посадов, встретил его исключительно тепло: "Он говорил уже совсем мягко и при разговоре об уничтожении издания (книги "Жена". — *Е.Д.*) сказал, что не нужно этого делать и что поправить можно будет во втором издании. И эти слова его не были вынужденным согласием, а совершенно по собственной инициативе"¹⁶.

Не исключено, что эта встреча предопределила характер письма самого писателя Черткову, в котором он, излагая суть своей беседы с Хирьяковым, называл состоявшийся разговор "деловым". Он писал Черткову, что ни о какой личной обиде нет и речи. "Я выражал ему скорее удивление, чем неудовольствие. Я удивлялся, что "Посредник", давно уже популярный, крепко ставший на ноги в смысле доверия и симпатий общества, не хочет пользоваться своею популярностью и медлит, медлит... Старые издания уже пригляделись, а новых нет, обещаете Вы скупо, и нет надежды, что развитие дела по своим размерам будет соответствовать задачам. Похоже на то, как будто Вы утомились или разочаровались" (5, 155). Но и при этом писатель помнил, что в отличие от многих других издателей Чертков никогда не преследовал целей наживы и работал в очень трудных условиях. Ему импонировал как сам руководитель "Посредника", так и дело, которому он служил. И совсем не случайно он как-то заметил в письме к Суворину, что его дед по отцу был крепостным деда Черткова, богатейшего помещика, на стипендию которого, кстати сказать, обучался в Воронежском кадетском корпусе адресат его письма. Но не

минувшее, а настоящее объединило обоюдные устремления писателя и издателя.

Воспользовавшись восстановлением добрых отношений с Чеховым, Чертков обратился к писателю с новой просьбой: разрешить издать отдельной брошюрой "Палату № 6". "Нам со всех сторон указывают на эту вещь, — писал он Чехову. — Еще недавно мы получили самый сочувственный о ней отзыв Л.Н.Толстого. Видно, она по содержанию своему как бы напрашивается именно в наши издания, и было бы нам слишком больно, если бы отказали нам в счастье издания того, что нам так дорого по своему духу и так близко к сердцу"¹⁷.

Просьба Черткова не была неожиданностью для Чехова. Несколько ранее с аналогичным предложением от имени редакции к нему обращался Хирьяков. Но при свидании с ним писатель фактически ушел от решения, сказав, что "ответа не даст до появления "Жены" и "Именин", а там еще поговорим..."¹⁸. Неопределенность ответа объяснялась не столько некоторым раздражением, все-таки остававшимся от разрешившегося конфликта, сколько тем, что в издательстве А.С.Суворина готовился новый сборник Чехова, в который наряду с другими произведениями должна была войти и "Палата № 6", давшая ему название. Одновременно выпускать повесть в двух издательствах писателю казалось неудобным, тем более что на сей раз книги предназначались одной и той же категории читателей. И все же он пошел навстречу "Посреднику".

О своих личных впечатлениях от чтения рассказа Чертков не преминул сообщить Чехову: "Не знаю, как выразить вам то радостное и благое впечатление, какое чтение этого потрясающего по своей глубине и правде рассказа вызвало во мне и моих товарищах. Благодарю вас от души за все хорошее, которое мы вынесли и несомненно вынесут читатели от этой вещи. <...> Глав-

ное, мне хотелось бы поскорее широким распространением этого произведения дать возможность воспользоваться просветительским и душевно пробуждающим его влиянием — тому обширному кругу культурных и некультурных читателей, среди которых будут вращаться книги нашей новой серии”¹⁹.

• На сей раз книжка была выпущена удивительно быстро: 2 февраля Чертков получил согласие Чехова на ее издание, на следующий день отослал рукопись в цензуру, в конце месяца получил разрешение ее печатать. 2 марта рукопись была послана в типографию, а через три дня — 5 марта — автору выслали гонорар за первые пять тысяч экземпляров книги, 9 апреля 1893 г. было окончено ее печатание²⁰. Однако, обрадовав одним, огорчили другим — ее оформлением. Жена Хирьякова вспоминала, что Антон Павлович остался им очень недоволен. “Убили вещь, убили!” — говорил он. “А я до сих пор не могу понять, — добавляла она, — как это можно убить Чеховскую вещь”²¹.

Недовольство Чехова имело веские основания. Своим внешним видом книжки “Посредника”, предназначенные “интеллигентному читателю”, напоминали официальные издания. Причем сделано это было преднамеренно, так как руководители издательства первоначально предполагали, что читатели будут комплектовать отдельные выпуски серии в конволюты, “долженствующие иметь, — по мысли Черткова, — отчасти характер периодического издания”²². Но поскольку подобная интерпретация замысла серии могла привлечь усиленное внимание цензуры, то от этой идеи в конечном счете пришлось отказаться. Что же касается большого формата, то его выбор объяснялся чисто техническими причинами: он оказался наиболее удобным для того, чтобы выпуски серии можно было переплести в тома, составляющие как бы части одной целенаправленной библиотеки, в ко-

тору наряду с ними подбирались бы номера планировавшегося к выпуску периодического издания, а также воспроизведения с картин современных живописцев. "Последнее же условие требует именно такого, а не маленького формата", — уверял Чехова Чертков²³.

Особенно не понравилась писателю эмблема серии (круг с надписью "для интеллигентного читателя", помещенный в центре обложки), напоминавшая оттиск гербовой печати. Чертков согласился с Чеховым, что можно было найти лучшее решение, но посчитал нужным пояснить, почему возникла необходимость столь усиленно подчеркивать принадлежность той или иной книги именно к этой серии: "Особенность эта *естественно* вытекала из особенностей нашего издательского дела, начавшегося исключительно народными изданиями". Стремясь "не вводить в недоразумение" своих прежних покупателей, Чертков пытался таким образом одновременно устранить и те "возможные придирки цензуры, направленные преимущественно против "народных" изданий", которые несомненно могли вызвать книжки новой серии, в том числе и самого Чехова²⁴. Что, впрочем, и случилось с "Палатой № 6". Не помогла и указывающая на категорию читателя эмблема серии²⁵.

Расширяя рамки читательской аудитории, Чертков, бесспорно, укреплял экономическое положение издательства и его авторитет в глазах общества. "Интеллигентные издания идут с очень хорошим успехом, несмотря на то, что наступает мертвый сезон книжной торговли. Очевидно, дело это имеет большое будущее", — писал уже в мае 1893 г. Горбунов-Посадов²⁶. Первоначальный успех стал причиной, подтолкнувшей Черткова принять малообоснованное решение отказаться от издания брошюр и перейти к выпуску сборников и т.п. изданий, более приличествующих, по его мнению, новой категории читателей. Отсюда, кстати, и возник замысел

увеличить объемы книжек серии и объединить в сборник два чеховских рассказа. Но тут автора поддержал Горбунов-Посадов, считавший, что для покупателя изданий "Посредника" "во сто раз легче приобретать выпуск за выпуском", чем дорогие сборники²⁷. Развивая свою мысль, он писал впоследствии, что опыт издания таких сборников, как "Доброе утро", убедил его в том, что цена в 90 коп. "заставляет морщиться" покупателя. "В материальном отношении большая невыгода. Книги будут расходиться очень тихо, оборот будет самый плохой, и авторам платить за такие толстые сборники придется столько же, как и за хорошо идущие..."²⁸

Пожелания автора и доводы товарища заставили Черткова отказаться от своего первоначального намерения, но одновременно у него возник новый замысел, связанный с несомненным успехом чеховских книг.

Все три книжки Чехова, предназначавшиеся "интеллигентному читателю", были дважды переизданы — в 1894 и 1899 гг. Первоначальный тираж первых двух составил 7200 экз., "Палаты № 6" — 12 000 экз. Тиражи последующих изданий составляли от 5000 до 6000 экз. Стоили они сравнительно дешево: "Жена" и "Палата № 6" — по 25 коп., а "Именины" и того меньше — 20 коп. (Сборник "Палата № 6", изданный А.С.Сувориным, в который входило еще два рассказа — "Страх" и "Гусев", — стоил 1 руб.) Успех этих книжек побудил Черткова в середине 1893 г. обратиться к Чехову с просьбой разрешить выпустить пятитысячным тиражом сравнительно большой (в 8 печатных листов) сборник его рассказов, под весьма претенциозным названием "Действительность". В сборник предполагалось включить рассказы "Именины", "Жена", "Страх", "В суде", "Володя", "Спать хочется", "Припадок", "Дома"²⁹. На сей раз, однако, Чехов не принял предложения издательства,

объяснив свой отказ тем, что все перечисленные рассказы были включены в различные его сборники. "Выйдет так, что читатель за каждый мой рассказ будет платить два-три и даже четыре раза, а это уже совсем неловко" (5, 210). Кстати, и Горбунов-Посадов считал, что "с большим сборником будут недоразумения"³⁰. Правда, по прошествии некоторого времени четыре из названных рассказов ("В суде", "Володя", "Тоска", "Припадок") были включены в сборник "Проблески" (1895).

Руководители издательства неоднократно обращались к Чехову с просьбами разрешить повторные публикации его рассказов, об этом свидетельствует тетрадь "Движения готовящихся изданий для интеллигентных читателей", из которой можно узнать, что Чехов разрешил включить в очередные сборники "Посредника" два его рассказа: "Страх" и "Дома"³¹. О других запрошенных издательством рассказах ("Спать хочется", "Хамелеон", "Раз в год", "Горе", "Злоумышленник", "Отставной раб", "Устрицы", "Хористка") определенно ничего нельзя сказать. Возможно, как это случилось с рассказом "Страх", Чехов считал, что они не подходят для "Посредника". Не исключена, впрочем, и иная версия — издательство просто не успело их выпустить в свет до продажи авторских прав Чехова А.Ф.Марксу. Не следует забывать и того, что Чертков не очень-то хотел выпускать их в виде отдельных изданий, а автор не спешил множить число сборников своих рассказов. Возможно, сыграли свою роль и какие-то более принципиальные соображения. Ведь писал же в свое время Чертков Горбунову-Посадову, что "Жена" и "Именины" "недостаточно по идее содержательны для нас, чтобы оправдать свое отдельное издание"³².

Само название серии "Для интеллигентного читателя" Чехову не нравилось, о чем он писал Черткову еще в 1893 г., но идея распространения лучших произве-

Обложка сборника "Горе"

дений современной литературы в виде дешевых изданий ему, безусловно, импонировала. К сожалению, в связи с высылкой Черткова из России работа "Посредника" в этом направлении не получила должного развития. Да и обстоятельства тому не очень-то способствовали: "Хочется возобновить интеллигентную серию, но главное для меня, конечно, всегда серия народная — в ней моя кровь и плоть", — откровенно писал И.И.Горбунов-Посадов³³. Он, правда, попытался еще раз привлечь Чехова к этому начинанию, но его письмо, содержащее предложение выпустить в серии "Для интеллигентного читателя" отдельными изданиями три рассказа Чехова: "Душечка", "Случай из практики" и "По делам службы", — разошлось с письмом Чехова, в котором тот

сообщал о том, что в связи с продажей авторских прав А.Ф.Марксу он вынужден прекратить свои деловые отношения с "Посредником".

Все упоминавшиеся публикации произведений Чехова, вышедшие под маркой "Посредника", безусловно, внесли свою лепту в популяризацию его творчества, но особое значение все же имеют те из них, что предназначались народному читателю. Недаром Горбунов-Посадов писал Чехову, что вопрос доступности и интереса беднейших и жизнью обойденных "читателей к книге, к книжечке, хотя бы наших лучших писателей, по-моему, вопрос огромнейшей важности для нашей литературы". Он имел в виду в первую очередь того читателя, "для которого вся покупка книг ограничивается больше всего 3 книжечками в год по 1 1/2 коп. А ведь это первая для него ступень "в царство мысли, где сияет вековечный день". И как отраднo и как нужно, чтобы на этой первой ступеньке перед ним открывались страницы лучших наших писателей"³⁴.

К числу такого рода изданий можно отнести и три "книжечки" Чехова, выпущенные "Посредником": "Бабы", "Горе" и "Нахлебники".

Как помнит читатель, о разрешении издать первую из них — "Бабы" — Горбунов-Посадов запрашивал Чехова еще в мае 1891 г., но вышла она лишь в октябре 1893 г. Задержка с публикацией рассказа была вызвана главным образом тем, что первоначально Чертков предполагал его поместить в очередной сборник, выпуск которого пришлось отложить. Тогда Чехов фактически подарил рассказ "Посреднику", настояв на том, чтобы он вышел в виде так называемого "народного издания", стоившего всего 1,5 коп.³⁵ Окончательно переговоры разрешились только в январе 1893 г., следовательно, обвинять издательство в пренебрежении к авторской воле на сей раз не приходится.

БАБЫ.

Рассказ А. П. Чехова.

Обложка сборника "Бабы"

Рассказ "Бабы", в котором, по словам Горбунова-Посадова так "прекрасно изобличается тип народного Тартюфа, развратника, лицемера и безбожника", как нельзя более соответствовал просветительскому направлению издательства, видевшего свою задачу в пропаганде строгих нравственных начал. Его внимание к этому рассказу привлек Хирьяков. «Читал ли в "Новом времени" рассказ Чехова из народной жизни (половые драмы)? Не подходит ли с таким же предисловием, как "Перед камельком"?» — спрашивал он своего адресата в письме от 1 июля 1891 г. Горбунов-Посадов быстро откликнулся на это предложение просьбой прислать экземпляр газеты с рассказом Чехова. Но, как это нередко бывает, Хирья-

ков поспешил охладить его пыл: "Посылаю Вам "Баб" Чехова. Перечел их еще раз, и мне кажется, что даже с обстоятельным предисловием мерзость мерзости будет недостаточно убедительна"³⁶. Однако на сей раз Горбунов-Посадов пренебрег мнением своего друга. Точку зрения Горбунова-Посадова разделял и Чертков, рекомендовавший ему испросить у Чехова разрешение на публикацию этого рассказа. Правда, Чертков считал, что к публикации "необходимо будет приложить маленькое предисловие или послесловие"³⁷. Но у Горбунова-Посадова, видимо, хватило такта не обращаться к писателю с такого рода просьбой.

Однако далеко не все, от кого зависела дальнейшая судьба этой небольшой книжки, разделяли взгляды руководителей издательства. Мнение издателей явно разошлось с официальной оценкой издания Ученым комитетом министерства народного просвещения. В 1897 г. член этого комитета известный драматург и, как считалось, знаток народного быта Д.В.Аверкиев представил свой отзыв о рассказе "Бабы", на основании которого книга была запрещена для школьных библиотек и народных читален. По мнению Аверкиева, рассказ "написан недурно, но нравственные его основы шатки, а потому вряд ли желательно допущение его в народные читальни"³⁸. Судьба издания была предрешена. Рассказ, имевший безусловный успех у народного читателя (об этом можно судить по тому, что он дважды — в 1893 и 1895 гг. — печатался "Посредником" по 12 тыс. экз., а в 1897 г. вышел тиражом в 20 тыс. экз.), более уже не переиздавался.

Подобно ему трижды переиздавался "Посредником" и рассказ "Горе": в 1894 и 1895 гг. он вышел тиражом по 12 тыс. экз., а в 1897 г. — в 30 тыс. экз. Еще большим валовым тиражом вышел (печатался вместе с рассказом Д.Н.Мамина-Сибиряка "Три друга") рассказ

"Нахлебники", изданный в 1894 г. тиражом в 12 тыс. экз., в 1895 г. — в 30 тыс. экз., а в 1897 г. — в 20 тыс. экз.

Издательство намеревалось выпустить в этой серии еще три рассказа Чехова: "Тоска", "Букет садовника" (видимо, имелся в виду "Рассказ старшего садовника") и "В ссылке"³⁹. Известен восторженный отзыв Горбунова-Посадова о "Рассказе старшего садовника". В декабре 1894 г. он писал Чехову, что "это самое настоящее: если бы у нас побольше писали, а главное, думали и чувствовали так же, теплее стало бы дышать на свете. Надеюсь, что вы разрешите нам издать это непременно в народном издании"⁴⁰. По его мнению, следовало лишь заменить некоторые непонятные широкому читателю слова. Чехов, по сути дела, не возражал против этого предложения. Отдавая рассказ "в полное распоряжение" редакции, писатель только заметил, что он "не подходит для народного издания и замена одних слов другими не сделает его понятным" (5, 350).

Трудно с полной уверенностью сказать, почему планы редакции не осуществились. Возможно, помешал задуманный Сытиным сборник Чехова, в который вошел рассказ "В ссылке". Рассказ "Тоска", ранее включавшийся в выпущенный "Посредником" сборник "Проблески" (1895), по зрелом размышлении редакция не сочла возможным включить в народную серию. Не исключено, что для реализации замысла не оказалось необходимого времени, поскольку все эти планы были перечеркнуты в 1899 г. продажей Чеховым своих авторских прав издателю А.Ф.Марксу. А может быть, все объяснялось гораздо проще — перипетиями в жизни Горбунова-Посадова, олицетворявшего в эти годы в своем лице руководство издательством: "Вы знаете мои события, — писал он Чехову 14 сентября 1898 г. — Разъезд друзей (имелись в виду ссылка Черткова за границу и отъезд Бирюкова. — Е.Д.), дело на одних моих руках и связанные с этим всякие

материальные заботы, потом "взятие" и "сидение" моей невесты, потом женитьба, потом зима с напряженной работой. <...> Наконец, высылка моей жены..."⁴¹

И хотя планы "Посредника" полностью не были реализованы, изданные дешевыми брошюрами рассказы Чехова стали первыми его произведениями, дошедшими до самых низов народа, ведь средний тираж каждой из них достигал более 53 тыс. экз. По тем временам это была весьма значительная цифра. Однако факт этот, сам по себе примечательный, не вызвал сколько-нибудь заметного отклика общественности. Даже в вышедшей после смерти писателя первой "Библиографии сочинений А.П.Чехова", составленной И.Ф.Масановым, народные издания его произведений не были зарегистрированы. Библиограф посчитал необходимым отметить два литографированных издания сценки-монолога "О вреде табака", выпущенных общим тиражом в 220 экз. (что, впрочем, вполне закономерно), но обошел вниманием, как бы мы теперь сказали, массовые издания сочинений Чехова. А между тем сам писатель придавал им важное значение.

При продаже авторских прав А.Ф.Марксу писатель не оговорил никаких условий относительно "народных изданий". Виной тому была, возможно, поспешность, с которой свершилась сделка, а может быть, и юридическая некомпетентность писателя. Как бы то ни было, но "Посредник" лишился права переиздания даже ранее выпущенных им книжек. Получив сообщение об этом, Горбунов-Посадов писал Чехову: "Для меня так радостно бывает всегда, когда я в состоянии быть тем передаточным рукавом, по которому в народ вливается новое, хорошее чувство, мысль, настроение со стороны любимого писателя, и так горько приходится вместо этого ограничиваться подобием и суррогатом этого". Высказывая свое отношение к случившемуся, Горбунов-Посадов был достаточно объективен в оценке договора с А.Ф.Марксом, усмотрев

Обложка сборника "Детское сердце"

в нем "огромный нравственный реванш" Чехова, получившего благодаря ему возможность еще "при жизни увидеть свое слово разнесенным по всем углам России"⁴².

Допущенную при заключении договора опрочетчивость нельзя было исправить никаким иным путем, кроме личных переговоров с издателем. Как ни были они неприятны Чехову, он все же не посчитал возможным от них уклониться. 10 октября 1899 г. он писал Горбунову-Посадову: "Летом я виделся с Марксом и говорил о "Посреднике". Впечатление такое, что сговориться с ним можно" (8, 283). Разговор возымел некоторое действие. В апреле следующего года Горбунов-Посадов послал

Чехову только что выпущенный "Посредником" сборник "Золотые колосья", в который был включен и его рассказ "Ванька". Но дальше этого дело не пошло, хотя писатель предпринял еще одну попытку посодействовать издательству. "Весною поеду в Петербург, буду видаться с Марксом, поговорю с ним о том, чтобы разрешить "Посреднику" издавать мои мелкие вещи. Он ведь уже нажился, будет с него" (11, 180). Поездка состоялась: в июне Чехов виделся с Марксом. Что-то издатель, видимо, обещал, так как Горбунов-Посадов от имени Чехова вновь к нему обратился с аналогичной просьбой. Однако ответа не последовало. "Очевидно, ему не по душе желание Ваше", — с горечью сообщал писателю Горбунов-Посадов о своей неудаче⁴³.

Чехов старался, чем мог, помочь "Посреднику". Когда, например, контрагентство А.С.Суворина, владевшее книжными киосками на многих железных дорогах страны (управляющим его в то время был младший брат писателя Михаил Павлович), перестало брать у "Посредника" не только народные издания, но и книги, предназначенные для интеллигентных читателей, то Чехов не замедлил вмешаться в этот конфликт. "Мы получили от Михаила Павловича заказ на новые наши книги", — с благодарностью извещал писателя Горбунов-Посадов 7 мая 1903 г.⁴⁴

Как можно судить по сохранившейся переписке, Чехов служил "Посреднику" и добрым советом. Так, например, сотрудник издательства Е. Соколов, пересылая Горбунову-Посадову 21 ноября 1893 г. рассказ Дарова "Горячее сердце", отмечал, что "рассказ этот был рекомендован и прислан г. Чеховым, который в письме своем говорил, что его нужно исправить". Соответственно указаниям писателя рассказ был отредактирован и послан ему на апробацию⁴⁵. Да и вообще Чехов принимал дела издательства близко к сердцу. Когда его добрый знакомый

И.Л.Щеглов опубликовал повесть "Около истины" (Русский вестник. 1892. № 2), в которой пасквильно изображался "Посредник" и его сотрудники, то обычно сдержанный Чехов отозвался о ней резко и безапелляционно: "Я не люблю такой литературы" (5, 101).

Искреннее соучастие способствовало тому, что как-то незаметно чисто деловые отношения переросли в дружеские. По приглашению писателя Горбунов-Посадов в августе 1895 г. гостил у него в Мелихове, стал своим человеком в его семье, неоднократно посещал его и после того, как прекратилось их сотрудничество⁴⁶. Теплота деловой их переписки объясняет, почему Чехов не раз прощал неаккуратность руководителю "Посредника", разделяя его горести. Об этом легко судить по одному из ответных писем Горбунова-Посадова: "Дорогой Антон Павлович! Как я рад был получить от Вас сердечные строчки о перемене моей жизни (речь идет о женитьбе автора. — Е.Д.). Спасибо, дорогой Антон Павлович, за добрые, милые пожелания Ваши. Душевным своим отношением ко мне Вы очень порадовали меня. Огорчили только меня Ваши строчки в конце письма, что в холодную погоду теперь болезнь Ваша дала о себе знать..."⁴⁷ О том же свидетельствует и эпизод, рассказанный писателем С.Т.Семеновым, оказавшимся свидетелем их встречи. Как-то в середине 90-х гг. он навестил заболевшего Горбунова-Посадова, на квартире которого в Долгом переулке на Плющихе впервые повстречался с Чеховым, принесшим рукопись сельскохозяйственного календаря, составленного Михаилом Павловичем Чеховым, и оттиск только что вышедшего своего рассказа "Черный монах"⁴⁸.

Сказанное, естественно, не означает, что писатель полностью разделял устремления руководителей "Посредника". Однако различия в подходе и оценках многих жизненных явлений отнюдь не мешали совместной работе. "Чехов хотел предоставлять нам для народных

ПРОБЛЕСКИ.

СБОРНИКЪ ПРОИВВЕДЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ:

(И. Анотина, И. Бертинъ, П. Добротворнаго, Г. Каргренъ,
Д. Маминъ-Сибирякъ, В. Немировичъ-Данченко, К. Станюковичъ, В. Старикъ, Н. Тихоновскаго, Г. Успенскаго, А.
Чехова, І. Яковлева)

Москва.
Государственный Издатель. Тиражъ 10.000 экз.
1918.

Обложка сборника "Проблески"

изданий все из своих сочинений, что только мы пожелали бы издать, — писал впоследствии Горбунов-Посадов. — Он присылал нам, порою, материалы для изданий, предлагал редактировать переводы для наших книг. Он следил с любовью за нашими изданиями. С тех пор, как он работал у себя в Мелихове среди крестьян, он постоянно распространял мой сельский календарь, выписывая его потом даже в Крым и рекомендуя деревенским друзьям. В тот день, когда я в последний день видел Чехова перед отъездом в Шварцвальд, куда он уехал умирать, он был очень слаб, и ему даже трудно было говорить. Когда я ему сказал, что принес ему наши новые издания и что передам их потом его жене, глаза его заблестели, и он потребовал,

чтобы я сейчас же непременно принес ему наши книжечки. Я принес и положил их перед ним, и он любовно погладил их, прежде чем заглянуть в них своим истомленным взором. И тут я как-то особенно почувствовал его симпатии к нашему делу...»⁴⁹

Написанные через два десятка лет после описываемых событий, эти воспоминания рисуют несколько идиллическую картину взаимоотношений писателя и его издателей. Нет сомнений, писались они искренне; шероховатости былого сотрудничества давно забылись, а все доброе осталось в памяти. И хотя среди книжек Чехова, изданных "Посредником", не было ни одного оригинального издания, они сыграли важную роль в истории отечественной культуры, будучи обращены к самым демократическим кругам русских читателей.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

Все издатели, с которыми Чехову приходилось иметь дело до встречи с Иваном Дмитриевичем Сытиным, были литераторами, т. е. товарищами по цеху. Последнее обстоятельство в конечном счете многое определяло в характере их взаимоотношений, чего никак нельзя сказать о десятилетней дружбе с Сытиным.

Задолго до того, как Чехов познакомился со своим будущим издателем, они немало были наслышаны друг о друге от сотрудников "Посредника". Еще в мае 1893 г. Чехов писал одному из руководителей этого издательства, что поручил брату передать "через Сытина авторские экземпляры" своих книжек, которые ему не понадобились (5, 210)*.

Иероним Ясинский уверял, что это он свел Чехова с Сытиным. Однако его свидетельство не согласуется со сведениями, которые приводит Сытин, несколько иначе рисуя историю своего знакомства с писателем. Правда, и он датирует его декабрем 1893 г.: "Мы с ним (т. е. Чеховым. — *Е.Д.*) встретились у Иверской, в часовне. Мы вышли оттуда, и он сказал, что хочет познакомиться со мною, и сделал предложение своего томака"¹.

*Брат Чехова Иван Павлович был близко знаком с сотрудником Сытина В.П.Вахтеровым (ЦГАЛИ, ф. 2540, оп. 1, д. 17, л. 1).

В день заключения договора, а может быть и до этого, Чехов посетил издательство и типографию Товарищества И.Д.Сытина. Своими впечатлениями он тут же поделился с Сувориным. В свое время высказывалось предположение, что восторженная оценка всего увиденного, содержащаяся в этом письме, имела целью уязвить издателя "Нового времени", постоянно выставлявшего себя истинным поборником интересов русского народа, особенно это ощущалось в словах, что сытинское Товарищество — "единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика покупателя не толкают в шею".

Однако фраза из того же письма: "На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело", — свидетельствует о глубокой заинтересованности писателя во всем увиденном. Он искренне советовал своему адресату побывать у Сытина "...в складе и в типографии и в помещении, где ночуют покупатели (офени. — Е.Д.)", чтобы почерпнуть для себя немало полезного (5, 253).

К середине 90-х гг. вчера еще никому неизвестный лубочный издатель И.Д.Сытин стал весьма заметной фигурой в московском литературном мире. Рекомендую его лицам, "желающим заняться книгоношеством", А.С.Пругавин писал: "Это самый крупный из всех лубочных издателей и притом наиболее развитый и интеллигентный из них. <...> Он хорошо знаком с требованиями народа на те или иные книги и картины"². Во многом столь высокая аттестация объяснялась связями Сытина с "Посредником", а главное, все увеличивающимся авторитетом в деловом мире созданного им в начале 90-х гг. Товарищества И.Д.Сытина. К описываемому времени он резко изменил ассортимент издаваемой им ранее литературы. Значительное место в выпуске заняли различного рода календари, учебники, научно-популярные издания,

И.Д.Сытин

детские книги и художественная литература. "Большая пресса" далеко не сразу заметила обозначившийся перелом в деятельности Товарищества, тем большее значение имела проницательность Чехова.

Его характеристика самого Ивана Дмитриевича чрезвычайно скупа ("Сытин умный человек и рассказывает интересно"). А вот последняя фраза не могла не задеть Суворина: "2300 р. я взял у него (т.е. Сытина. — Е.Д.), продав ему несколько мелочей для издания" (5, 253). Что касается "мелочей", то тут принимать чеховские слова за чистую монету не приходится.

В "Условиях" (договоре), которое он подписал с Сытиным 16 декабря 1893 г., речь шла не о проходной книжке, собравшей какие-то "мелочишки", в силу различных причин не попавшие в тот или иной сборник, а об очередном издании его новых произведений, подобном

тем, что до этого появлялись в свет только под фирмой А.С.Суворина. "Условие" четко и ясно определяло объем издания — 15 печатных листов, тираж — 10 тыс. экз., печатаемых сразу или же двумя заводами ("в два срока"); и главное — в него включались только рассказы, ранее не входившие в отдельные сборники ("не считая периодических изданий"). Кроме того, два рассказа — "Черный монах" и "Бабье царство" — Товарищество Сытина получало "право издать отдельно от вышеозначенного сборника в количестве пяти тысяч экземпляров каждого из рассказов".

Далее следовали типовые пункты об обязательности компенсации автором материала в случае изъятия того или иного произведения из сборника по цензурным соображениям, о запрещении включать входящие в сборник рассказы в другие издания до полной его реализации. Сытин обязывался выпустить сборник и отдельные издания рассказов в кратчайший срок — не позднее 1 января 1895 г.³ Слово свое он сдержал. "Повести и рассказы" вышли в 20-х числах декабря 1894 г. Чехов включил в книгу только те из них, которые были написаны в последние годы: "Черный монах", "Бабье царство" (повесть вызвала острую полемику в печати), "Попрыгунья", "Скрипка Ротшильда", "В ссылке", "Володя большой и Володя маленький" и ряд других столь же популярных произведений. На некоторые из них, как помнит читатель, претендовали и руководители "Посредника". В часть рассказов писатель внес небольшие исправления, в одном — изменил название и т.п. Другими словами, Чехов не просто передал издателю право на издание сборника, но сам подготовил его к печати.

Сборник имел коммерческий успех. Где-то осенью 1897 г. Чехов предложил Сытину выпустить его повторно*. Вернувшись из Петербурга 22 сентября 1897 г.,

* Письма Чехова к Сытину, видимо, не сохранились, поэтому судить о ходе переговоров можно только по письмам одной из сторон.

Сытин тут же ответил согласием, сообщив заодно, что вскорости вышлет корректуру сборника. Единственно, о чем он просил писателя, это "написать условие и количество печатания". Видимо, получив согласие писателя, Сытин 7 октября 1897 г. сообщал Чехову: "Книжку Вашу я издам и печатать ее начнем около нового года. Ее еще есть на складе около 500 экз. Денег сейчас посылаю Вам 500 руб. <...> У нас теперь просто деньги совсем разграбили. Это "Русское слово" нам дало огромные производительные затраты. Теперь просто ужасная паника на меня нашла. Не знаю, куда деваться. Так и думается, что все пропало. К' великому огорчению, корректуру Вам доселе еще не отправлял, страшно запутался. <...>

Хотя нескромно, но позвольте просить Вас разрешить платить Вам за 2-е издание рассказов при 5 тысячах не 1150 р., а 1000"⁴. Доверительный тон письма — лучшее свидетельство складывавшихся в это время добрых отношений.

Второе издание сборника вышло летом 1898 г., и тогда же Сытин вступил в переговоры с Чеховым о приобретении права выпуска сборника его рассказов, печатавшихся на страницах юмористических журналов. "Я вырезал из "Осколков" свои мелкие рассказы и продал их Сытину на десять лет", — писал Чехов Л.А.Авиловой в июле 1898 г. (7, 244). Правда, месяц спустя каялся Суворину в опрометчивости своего поступка: "Сытин покупал мои юморист<ические> рассказы не за три, а за пять тысяч. Соблазн был велик, но я все-таки не решился продать; душа моя не лежит к книжке с новым названием. Выпускать каждый год книжки и давать им все новые названия — это так надоело и так беспорядочно", — как бы оправдываясь перед своим издателем, писал Чехов (7, 257).

И все же не исключена вероятность того, что писатель в конечном счете решился на издание этой книги.

Свидетельством тому — более позднее письмо Сытина. Написано оно в ответ на сообщение писателя о том, что в связи с продажей авторских прав А.Ф.Марксу он вынужден аннулировать все свои старые договора. "Я обо всем всех уведомил по Вашему первому письму, — отвечал ему Сытин, — и, разумеется, ничего никто печатать в дальнейшем не будет и не может"⁵.

Никакой другой книги Чехова, кроме "юмористического сборника", в это время печатать Сытин не мог. Правда, не исключено, что в письме речь идет о книгах "Посредника". Но к этому времени Сытин практически отошел от дел этого издательства. К тому же известно, что о случившемся Чехов написал непосредственно руководителю "Посредника" И.И.Горбунову-Посадову. К этому времени повесть "Бабы царство" давно уже вышла в свет, право на отдельное издание "Черного монаха" не было реализовано, и срок его кончился, второе издание "Повестей и рассказов" поступило в продажу и на складе оставалось еще свыше трех тысяч нераспроданных экземпляров этой книги (3248 экз.). Так что речь могла идти только о юмористическом сборнике. Видимо, Чехов колебался, прежде чем решиться на его издание, понимая, что этим даст основание Суворину задержать выпуск его предполагаемого собрания сочинений. Опасения были тем более основательны, что, кроме "Повестей и рассказов", в 1895 г. в издании журнала "Русская мысль" вышла еще одна книга — "Остров Сахалин".

История этой книги до сих пор остается неясной. В самом начале января 1894 г. Чехов писал Суворину, что "печатать "Сахалин" в журнале, конечно, не следует, это не журнальная работа, книжка же, я думаю, пригодится на что-нибудь" (5, 258). Однако передал рукопись в "Русскую мысль", где очерки и были опубликованы, за исключением двух последних глав, запрещенных цензурой. Чехов намеревался опротестовать это решение. Но в конеч-

ном счете выбрал иной путь и выпустил книгу отдельным изданием. "Книга выходит толстая, с массою примечаний, анекдотов, цифр. <..> Авось пройдет, а не пройдет, то так тому и быть — все равно умирать", — писал он впоследствии тому же адресату. А на следующий день, успокаивая уже редактора журнала В.М.Лаврова, говорил нечто иное: "Когда выйдет книга, тогда и хлопотать будем, теперь же по существу нам не о чем хлопотать, так как книги нет и никто ее не запрещал" (6, 38).

В литературной судьбе Чехова изданный Сытным сборник "Повести и рассказы" сыграл определенную роль. Об остроте общественного интереса к нему свидетельствует появившаяся в конце января 1895 г. в "Новом времени" (№ 6784, 17 (29) янв.) небольшая рецензия писателя и адвоката С.А.Андреевского. С исключительной доброжелательностью рецензент раскрывал замысел автора, попытавшегося представить вниманию читателя произведения, отражающие все "краски жизни". "Здесь есть и любопытные жанровые снимки с малоизвестных уголков московского быта, здесь социальный вопрос, и вера, и ханжество, и жажда жизни, и жажда правды..." — писал критик. Оценивая же все творчество писателя вкуче, он приходил к выводу, что в Чехове "все видят общепризнанного наследного принца наших крупных писателей".

Рецензия Андреевского вызвала резкий ответ, причем на страницах той же самой газеты. Суворин любил называть ее "парламентом мнений". Но то, что случилось, явно выходило за рамки парламентской дискуссии. Андреевскому отвечал развернутой статьей, занявшей целый "подвал", один из ведущих сотрудников "Нового времени" В.П.Буренин (№ 6794, 27 янв. (8 февр.)). Рассматривая творчество Чехова последних лет, он высказывал сомнения в справедливости сделанного Андреевским вывода. "Если под крупными писателями разуметь Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, то я полагаю, сулить

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ.

Соч. Антона Чехова.

МОСКВА.
Типография Восточная улитка. Т-ва Н. Я. Сорокин.
Вторая улица, малый двор.
1884.

Титульный лист книги А.П.Чехова "Повести и рассказы"

г. Чехову в будущем трон этих королей родной литературы немножечко рискованно. Не справедливее ли будет указать ему покуда место в их свите. <..> Хотя г. Чехов и обладает несомненным талантом, как указывают его беллетристические произведения, но в то же время эти работы не менее ясно доказывают, что развитие и образование г. Чехова, выражаясь нежно, не стоит в уровень с веком, тогда как у признанных королей нашей литературы мы замечали обратное".

Буренин объяснял свои сомнения в справедливости выводов Андреевского в значительной мере тем,

что Чехов в последние годы "усиленно принялся выполнять совет семинарских аристархов писать не эфемерные рассказы, а солидные крупные вещи, с солидно-либеральными тенденциями и "объединяющим идейным началом", — с тех пор он стал постепенно утрачивать здоровую свежесть и искренность своего дарования, и его непосредственно живое творчество приняло какую-то надуманность, какую-то болезненную хмурость".

Было бы ошибкой видеть первопричину раздражения Буренина только в той самой "приходской партийности", в которой когда-то критик обвинял Михайловского. Речь шла об органическом неприятии Чехова всеми "нововременцами". Ведь задолго до описываемых событий, когда писатель еще активно сотрудничал в газете, на ее же полосах (Новое время. 1891. № 5344. 11 янв.) был напечатан фельетон Буренина, в котором утверждалось, что русская литература переживает период "средних талантов" и что «гг. Успенские, Короленко, Чеховы начинают "увядать" вместо того, чтобы "расцветать"». Намекая на Чехова, критик писал, что "подобные средние таланты разучаются прямо смотреть на окружающую жизнь и бегут куда глаза глядят: в Сибирь, за Сибирь — во Владивосток, на Сахалин". (О том, что речь шла о Чехове, сомневаться не приходится, — Короленко попал в Сибирь не по доброй воле.)*

Любопытно, что А.И.Эртель почти одновременно с публикацией статьи Буренина оценивал тот же самый сборник с диаметрально противоположных позиций. Сообщая Короленко о своих впечатлениях, он заявлял, что Чехов «большой... талант. Мало того, в нем есть и

*Эту же мысль Буренин высказывал и позднее, относя Чехова наряду с Гаршиным, Г. и Н.Успенскими, Слепцовым, Левитовым и Лесковым к числу "крупных второстепенных писателей" (Новое время. 1900. 13 (26) окт.).

серьезное содержание, хотя оно не всегда улавливается казенною меркою "направления"⁶.

Неизбежность отхода Чехова от "Нового времени" обуславливалась причинами и личного, и идейно-эстетического порядка, что внешне проявлялось в сотрудничестве с рядом органов либерально-демократического направления, деятельностью в Московском комитете грамотности, членом которого был и Сытин. Вчерашний издатель лубочных листков, он чувствовал себя равным в кругу виднейших представителей либеральной московской интеллигенции, сумевшей по достоинству оценить его незаурядность, масштабность мышления, деловую хватку. Союз Чехова с Сытиным был практически подготовлен участием писателя в делах "Посредника", с которым организационно был связан его новый издатель. Сытин для Чехова оказался более приемлем, да и коммерческие возможности его фирмы были весьма перспективны.

Но если ситуация для дальнейшего развития союза Чехова с Сытиным складывалась столь благоприятно, то почему же он не получил своего логического завершения и собрание сочинений писателя издал совершенно чужой ему человек — А.Ф.Маркс? Ответ на этот вопрос дал сам Сытин. "Ужасно стыдно стало мне за себя, что я не мог вместо "Русского слова", проклятого дела, упросить Вас продать Ваши книги, и это было бы великое дело. Теперь остается сокрушаться и скорбеть", — писал он Чехову, узнав об условиях его договора с А.Ф.Марксом. И добавлял в следующем письме: "Вот благодать-то себе делает Маркс. Это не по-суворински, размах богатыря. Сколько он сделал усилий на распространение в народе хороших книг"⁷.

Честно воздав сопернику, Иван Дмитриевич не был все же до конца искренен. С "этим проклятым делом" — газетой "Русское слово" он все равно бы не рас-

стался, хотя давалось оно ему, действительно, очень тяжело. Чехов активно поддерживал Сытина в этом начинании. Иван Дмитриевич впоследствии даже уверял, что и затеял его чуть ли не по совету Чехова. Во всяком случае, писатель был в курсе всех перипетий с покупкой газеты. Об этом свидетельствуют адресованные ему письма Сытина. "Ради бога, дайте мудрый совет, что делать с "Русским словом". <..> Если не разрешат мне редактора и издателя в Главном управлении (по делам печати. — Е.Д.), то это будет очень хорошо. По крайней мере, я только и потрачу, что сделал расходы по устройству". Рекомендации писателя остались неизвестны, но в ответном письме от 7 октября 1897 г. Сытин благодарил его за них, а через месяц — 17 ноября — с грустью сообщал своему адресату: "Все, что вы говорили, сбылось верно. Газету мне не разрешили и, вероятно, не разрешат"⁸. В конечном счете Сытин своего добился, многое для него значила моральная поддержка Чехова.

Не исключено, что заинтересованность Чехова в газете объяснялась в какой-то степени неудачей его собственного начинания подобного рода. По воспоминаниям Ермилова и Суворина, он за год до описываемых событий, осенью 1896 г., проектировал совместно с В.А.Гольцевым издание большой дешевой газеты, но "дело затормозилось властями". "Первое время, месяца три, каждый день буду в ней фельетоны писать. В каждом номере <..>, — говорил Чехов. — Дешевая газета, 4 рубля в год. Такая газета необходима"⁹. Ермилов даже приводил в своих воспоминаниях фрагмент одной из бесед писателя с Сытиным, из которого следовало, что именно Чехов настоятельно убеждал последнего, что "нужна большая народная газета" и именно он, Сытин, должен ее издавать. Иван Дмитриевич сомневался в том, что власти разрешат ему, человеку, "запятнанному" связями с толстовцами, приобрести такую газету. А Чехов все время убеждал его: "Не разрешат

тебе — разрешат другому. Ты и ищи такого. Ищи везде, ищи упорно: как только увидишь кого-нибудь, ты сейчас и подумай, а не разрешат ли ему? Бери его и сейчас же приступай к делу”¹⁰.

Сомневаться в справедливости слов мемуариста нет оснований. Но одно уточнение все же необходимо. Мысль об издании собственной газеты зародилась у Сытина задолго до знакомства с Чеховым, однако все его попытки осуществить этот замысел наталкивались на глухую стену. Он было совсем отказался от своего намерения, но, видимо, под влиянием Чехова вновь вернулся к нему и, войдя в соглашение с несколькими компаньонами, вскоре стал одним из негласных владельцев газеты “Русское слово”^{*}.

За четыре месяца до покупки газеты, 9 сентября 1897 г., Сытин писал Н.А.Рубакину: “Едва только кончилось с большими неприятностями, связался с газетою “Русское слово”. Ее продают, и наш новый товарищ запутал меня, чтобы непременно взять ее и исправить направление и состав лиц...”¹¹ (Рубакин начал сотрудничать в Товариществе И.Д.Сытина в 1897 г. С Чеховым он познакомился позднее — в 1902 г. в Крыму¹².)

Сохранилось свидетельство самого Сытина о поисках редактора для приобретенной газеты. Когда они с Чеховым обратились за советом по этому поводу к Суворину, тот порекомендовал им Льва Тихомирова, человека бесспорно талантливого, не скомпрометированного в глазах общества. В прошлом революционер, народоволец, он изменил прежним убеждениям. Для Суворина это обстоятельство особой роли не играло, но гласно объявить Тихомирова редактором Иван Дмитриевич не решился, тем более что присутствовавший при разговоре Чехов, по

* Подробнее об этом см.: Динерштейн Е.А. И.Д.Сытин. М., 1983. С. 79–114.

его словам, сказал: "Нам такой урок не подходит, мы такими издателями быть не можем"¹³.

Благотворность и значительность чеховского влияния на Сытина в этом вопросе несомненны. Поэтому вызывает недоумение отсутствие его имени в списке авторов "Русского слова". Но если вспомнить, что газета почти на всем протяжении 90-х гг. переходила от одного редактора с сомнительной репутацией к другому с не менее сомнительной, то этому не следует удивляться. Опыт сотрудничества в "Новом времени" многому научил писателя. Приход в газету В.М.Дорошевича и связанные с этим надежды на изменение ее направления открыли пути к сотрудничеству. Во всяком случае, по словам Дорошевича, писатель не отдал "Вишневого сада" в "Русское слово" только потому, что пьеса была уже обещана Горькому для очередного сборника "Знания"¹⁴.

Вероятно, и сам Сытин, понимая сложность ситуации, не очень-то донимал Чехова такого рода просьбами. Письма сохранили лишь одну: 18 декабря 1899 г., сообщая ему о положительном ответе многих известных иностранных писателей "прислать пожелание русскому народу на XX век", просил и его, Чехова, "написать пару слов" по этому поводу¹⁵.

Почему Чехов на нее не откликнулся, сказать трудно, но он до конца своих дней интересовался делами газеты и был ее постоянным читателем. Мысль Чехова о том, что газета необходима для развития крупного книжного дела как трибуна для пропаганды книги, глубоко запала в сознание Сытина. Чеховские слова, может быть, не совсем точно процитированные: "Чтобы знать своего читателя, нужно развивать его", он привел в автобиографии¹⁶. Ими он старался руководствоваться во всей последующей своей деятельности.

Глубоко уважая и высоко ставя деловые качества Сытина, Чехов тем не менее неоднозначно отно-

сился к его издательской деятельности. Сохранилось любопытное свидетельство Сытина, связанное с совместным посещением Чеховым и Сувориным его "дела": "Осмотрели типографию, все производство. А.С.Суворин дружески одобрил, что ему нравилось, удивился величине и дешевке и даже морщился и поругивал своих, вспоминая, что у него то того, то другого нет. А Антон Павлович как будто радовался. Он подзадоривал и шутил, говоря, что надо больше и смелее работать, а не спать, что нужны книги"¹⁷. Более того, он как-то писал Сытину, что к нему и к его делу всегда относился "с полным сочувствием и с полным доверием..." (6,82). Но расходились они также в существенном: в понимании цели книгоиздания. "Народные театры и народная литература — все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ поднимать к Гоголю", — считал Чехов (11, 294). Прошло немало лет, прежде чем Сытин осознал правомерность этой мысли и полностью с ней согласился. Он почти дословно повторил эти слова, полемизируя с давними высказываниями Л.Н.Толстого и Н.К.Михайловского о недоступности для мужика сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева и т.п. и необходимости создания особой народной литературы¹⁸.

В 90-е гг. подобного рода "карамель" составляла основную продукцию Товарищества И.Д.Сытина. И как бы добро ни относился писатель лично к Ивану Дмитриевичу, как высоко ни оценивал его издания (например, знаменитую "Библиотеку по самообразованию"), общая направленность деятельности фирмы его не устраивала, почему он и старался приобщить Сытина к начинаниям культуртрегерского порядка. Без осознания этого положения нельзя понять причины разногласий, возникших между ними в связи с попыткой Чехова побудить Сытина взяться за издание медицинского журнала.

Журнал "Хирургическая летопись" издавался

с 1891 по 1895 г. Как и все подобного рода издания, он был убыточен и держался на субсидии, которую оказывал ему известный врач, профессор Н.В.Склифосовский, имевший солидную частную практику. В связи с переездом в Петербург он ее лишился и, следовательно, не мог в дальнейшем поддерживать "Хирургическую летопись". Узнав, что "журнал погибает", Чехов, по его словам, "погорячился" и пообещал найти для него издателя. Писатель попытался заинтересовать Суворина, но тот сделал вид, что не понимает его намеков, другие попытки оказались столь же неудачны. Чехов охотно сам бы взялся за издание этого журнала, но необходимые поначалу 1,5 тыс. руб. пообещал на постройку школы. "Чтобы спасти журнал, я готов идти к кому угодно и стоять в чьей угодно передней, и если мне удастся, то я вздохну с облегчением и с чувством удовольствия, ибо спасти хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций", — писал Чехов (6, 86).

Вот в этой ситуации и возникло у него желание приобщить Сытина к еще одному "благому делу".

Хотя Чехов и считал, что через 3—4 года "Хирургическая летопись" станет давать барыши, надежды на них были явно химерические. Но Сытину очень хотелось услужить Чехову, и он так же, как и сам писатель, "сгоряча" пообещал помочь ему в этом деле. Как можно судить по переписке Чехова с редактором журнала профессором П.И.Дьяконовым, переговоры носили затяжной характер и долго не имели никакой деловой основы. Сытин "выражал охоту быть издателем", но всячески избегал конкретных разговоров на эту тему. Все же в августе 1896 г. он сообщил Дьяконову, что по его расчетам ежегодный убыток от издания журнала должен составить 6000 руб., и поэтому он вновь обещал подумать и найти пути решения проблемы. "Как видите, мне уже надеяться не на что, — писал Дьяконов Чехову. — Одно утешение, что правда на

моей стороне, т.е. что найти издателя на хирургический журнал невозможно, а не на Вашей (Вы говорили противное), хотя утешение это уж самого плохого сорта". Тем не менее переговоры продолжались, и не без успеха, хотя подписание договора Сытин под разными предложениями оттягивал. Было получено и разрешение Главного управления по делам печати на выпуск с 1897 г. нового журнала "Хирургия", издателем которого значилось Товарищество И.Д.Сытина, а редактором — проф. П.Н.Дьяконов. Чехова, правда, очень огорчило сообщение одного его знакомого, писавшего, что Сытин "успел обсчитать Дьяконова" и тот будет получать за редактирование значительно меньше обещанного¹⁹.

"И.Д.Сытин становится решительно невозможен. Видеть его почти никогда невозможно, то болен, то в отъезде (вероятно, просто прячется). Если иногда и увидишь, то тоже толку мало: обещает все, что угодно, а ровно ничего не делает", — писал Дьяконов²⁰.

В октябре 1897 г. Сытин категорически отказался издавать журнал со следующего года. К счастью, нашелся человек (П.И.Харитоненко), который передал Дьяконову необходимые 2000 руб.²¹ С половины марта 1898 г. издателем-редактором журнала значился уже один проф. Дьяконов.

Чехов, связавший Дьяконова с Сытиным, тяжело переживал возникшую ситуацию. В письме Суворину, горько иронизируя над собой, он выражал готовность простоять неделю "перед домом Витте босиком, с непокрытой головой и со свечой в руке" ради того, чтобы выхлопотать государственную субсидию для журнала в 3—4 тыс. руб. в год (7, 83).

Что же касается взаимоотношений Чехова и Сытина, то они, судя по письмам, все это время оставались равными. Лишь однажды произошло нечто такое, что

могло положить конец всяким между ними связям, если бы действия Сытина не имели оправдания.

В Полное собрание сочинений Чехова включено его недатированное письмо Сытину*. Вернее, не письмо, а его черновик. Редакция Полного собрания сочинений писателя справедливо отмечает, что неизвестно, было ли оно отправлено адресату или нет. Вероятнее всего так и осталось неотосланным.

Нет необходимости последовательно излагать содержание этого письма, достаточно привести его концовку: "Конечно, проф. Дьяконов извинит меня; журнал будет устроен, но забыть того, что я пережил благодаря Вам, я уже не могу. Убедительно Вас прошу больше ничего не писать Дьяконову и прекратить переговоры" (6, 82). О степени раздраженности Чехова свидетельствует не только тон письма, но и состояние, в каком оно было написано. Нервно согнув лист бумаги пополам, он начал писать в правой его части, потом разогнул и исписал левую, а когда перевернул лист, то обнаружил, что писал на обороте рукописи незаконченного рассказа "Шульц".

В глазах писателя Сытин был безусловно виноват. Никто его не заставлял браться за издание журнала. Наоборот, всячески оговаривалась необходимость доброго на то желанья. Сытин благодарил Чехова за приглашение на "хорошее дело". Чехов уже поздравлял хирургов, те его благодарили, а дело с места не двигалось. Терпение лопнуло, и Чехов собрался разорвать отношения с Сытиным.

Как развивались события дальше, нам неизвестно. Но если письмо дошло до Сытина, то его не могла не задеть одна несправедливая фраза. Писатель укорял Сытина в том, что, придя к нему на обед, где предполага-

* Предположительная датировка: после 1 октября 1896 г. Чехов в письме упоминает, что 1 октября приехал в Москву. Это было в 1896 г.

лись переговоры по поводу журнала, издатель привел "с собой бородатого, молчаливого господина", видимо, не доверяя Чехову и боясь, что его обманут. На самом деле этот "бородатый, молчаливый господин" играл совершенно иную роль. Как свидетель он должен был убедиться в том, что Сытин не втягивает своих компаньонов по Товариществу в очередную, с их точки зрения, авантюру.

Основания для такого рода опасений у Сытина были. Незадолго до описываемых событий В.Н.Маракуев (тот самый Маракуев, который рекомендовал в свое время Сытина Черткову, был вхож в дом Л.Н.Толстого и в прошлом сам руководил издательством "Народная библиотека") стал источником злостных сплетен, дискредитирующих доброе имя Ивана Дмитриевича. С Сытиным они разошлись по простой причине: Маракуев, свернувший свою издательскую деятельность в какой-то мере из-за "Посредника", предложил ему свои услуги в качестве, как бы сейчас сказали, главного редактора издательства, Сытин от них отказался. Тогда обиженный Маракуев попытался восстановить против Сытина второго после него пайщика Товарищества, известного бумажного фабриканта М.Г.Кувшинова, пустив слух, что Чертков якобы обратился к петербургским писателям с "Циркуляром", в котором описывалось печальное положение так называемых "интеллигентских" изданий "Посредника". Поскольку писатели получали гроши, из сказанного делался вывод, что "Сытин отлично собирает все барыши с этого дела и эксплуатирует этих доверчивых людей самым мошенническим образом. И что это, дескать, мнение всего петербургского мира".

Увы, ложь всегда находит дорогу. И как это ни печально, Маракуеву поверили. Кувшинов заявил Сытину, что не может допустить, чтобы его честное имя пятналось подобным образом, и пригрозил выходом из Товарищества. Личные дела Ивана Дмитриевича шли

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

БАБЬЕ ЦАРСТВО.

РАЗСКАЗЪ.

МОСКВА.
Типографія Восстала въ ул. Т-ва Н. Д. Ситни, Валова ул., съед. лодж.
1896.

Обложка книги А.П.Чехова
"Бабье царство"

в это время не лучшим образом (в какой-то мере из-за того же "Посредника"). История грозила завершиться самыми неприятными для Сытина последствиями. Горбунов-Посадов, писавший обо всем этом Черткову, замечал, что "на Сытина, конечно, это подействовало тяжело, он должен теперь разяснить им и толковать и пр. и пр..."²².

В дальнейшем ухудшилось и его материальное положение, что было связано с попытками издания собственной газеты, отсюда и непоследовательность Сытина: с одной стороны, ему очень хотелось удрожить Чехову,

с другой — сказывалась зависимость от компаньонов, людей, во всем и всегда искавших только наживу. Другое дело, что с годами Сытин сумел полностью взять дела Товарищества в свои руки. Но это случилось, когда Чехова уже не было в живых.

Глубоко расположенный к Сытину, Чехов никогда его не идеализировал. "Это человек коммерческий", — рекомендуя Ивана Дмитриевича, писал он В.А.Тихонову (5, 306). В другой раз отмечал, что Сытин — это "сочетание энергии вместе с вялостью и чисто суворинскою бесхарактерностью" (8, 190). Но всегда подчеркивал его человеческую значимость, деловую порядочность (по словам Сытина, умение хранить "чистоту тела"). За десять лет знакомства отношения писателя с издателем стали чисто дружескими. Бесспорно, Антон Павлович ценил всегдашнюю готовность Сытина быть ему полезным, прислушаться к его совету, принять рекомендацию. Сытин входил в окружение писателя, которое близкие Антона Павловича шутя называли "Авелановой эскадрой"* (Вместе с друзьями Чехов подписал известный адрес русских литераторов, приветствовавших Ивана Дмитриевича в день его юбилея — 35-летнего служения книжному делу.) Он охотно оказывал Чехову различного рода услуги, о характере которых можно судить по такому примеру. Несмотря на ограниченность в средствах, Чехов, как известно, старался обеспечить необходимой литературой три построенные им школы, а с начала 90-х гг. регулярно отправлял книги в библиотеку родного своего

* Командир русской эскадры, посланной в 1893 г. в г. Тулон по случаю заключения русско-французского союза, адмирал Ф.К.Авелан без всяких на то оснований удостоился бесчисленных чествований во Франции и на родине. Это дало повод приятелям Чехова шутя прозвать его Авеланом и усиленно "чествовать" во время приездов из Мелихова в Москву.

города Таганрога. Значительную часть книг он приобретал на свои средства, частично — закупал на деньги городской управы. Не из-за скарденности, а во имя благого дела приходилось считать каждую копейку. Но далеко не все книгопродавцы шли ему навстречу. Обычно скидка для подобного рода покупателя не превышала 10%. Даже расположенный к Чехову Суворин не шел на более льготные условия. Сосед писателя по Мелихову — В.Н.Семенкович вспоминал, как Чехов в ответ на предназначенный ему для Таганрогской библиотеки полный комплект сочинений А.А.Фета шутя заметил: "Извините, не могу отвечать Вам той же любезностью, с меня Суворин сдерет около 90% по каталогу, а это очень много"²³. А.Ф.Маркс, который не имел собственной книготорговли, устанавливал скидку в 30%, что было чрезвычайно выгодно, но он располагал лишь своими собственными изданиями. Поэтому Чехов с конца 90-х гг. стал пользоваться услугами Сытина. "Впредь, если желаете, — писал он Иорданову, опекавшему Таганрогскую городскую библиотеку, — будем обращаться к Сытину. Я виделся с ним, и он обещал мне и скорость, и добросовестность, и хорошую скидку" (8, 204).

Они довольно часто встречались, если учесть, что Антон Павлович в последние годы жизни бывал в Москве лишь наездами. Впрочем, далеко не все их встречи зафиксированы на страницах летописи жизни писателя. Пропали многие его письма к Сытину, и вряд ли когда-нибудь удастся с достаточной полнотой восстановить историю их взаимоотношений. Несомненно одно — они были добрыми. Вот несколько записей, призванных подтвердить высказанную мысль: в первые дни нового, 1897 г. Сытин спешит поздравить Чехова. О его пребывании в Мелихове можно узнать из письма Горбунова-Посадова, выражавшего Чехову сожаление, что он не смог посетить писателя вместе с Сытиным из-за нездоровья.

В ночь под 22 марта 1897 г. у Чехова началось кровохарканье. Горбунов-Посадов и Сытин поспешили его навестить, но их не пустили к больному. Свидетельство тому — записка, в которой они выражают Антону Павловичу свое душевное сочувствие, любовь, желание исполнить все его поручения²⁴.

Не так легко было собраться Сытину, чтобы поехать в Крым увидеться с Чеховым. Но вот 19 марта 1904 г. писатель сообщает жене: "Сегодня неожиданно явился ко мне Сытин и священник Петров. А погода скверная, холодная, пасмурная: они приехали "подышать" теплым воздухом, нагреться — и не снимают своих шуб" (12, 66). Не исключено, что именно в этот приезд они привезли Чехову в качестве подарка изданное Товариществом двухтомное Собрание сочинений В.А.Жуковского с дарственной надписью Сытина: "Обожаемому Антону Павловичу Чехову преданный издатель" — и книжку Г.С.Петрова "Серафим Саровский", которую Чехов оставил на полке своей ялтинской библиотеки²⁵.

Ровно через два месяца им довелось снова свидеться, на этот раз в Москве. Но опять Чехов был болен. Как о событии, заслуживающем внимания, он писал сестре: "Сегодня у меня был Сытин" (11, 284). В.М.Дорошевич вспоминал, как на второй день после премьеры "Вишневого сада" Чехов сам зашел в редакцию "Русского слова", чтобы вместе с ним и Сытиным пойти позавтракать²⁶.

"Это был единственный человек, который дал мне огромную ласку и любовь", — вспоминая Чехова, говорил Сытин. "Отношение к Чехову у меня всегда было особенное. Все, что он мне предлагал, советовал и говорил, для меня было священо. Его советы сыграли в моей жизни большую роль", — признавался он впоследствии²⁷. В кабинете Ивана Дмитриевича висел портрет писателя как свидетельство их дружбы.

Почти в самый канун 1899 г. гимназический товарищ Чехова Петр Алексеевич Сергеенко сообщил ему о желании петербургского издателя Адольфа Федоровича Маркса приобрести право собственности на его сочинения. Известно, что и сам писатель давно подумывал о такого рода соглашениях. "Чехов нуждался... Как это странно звучит теперь! Но в те годы, — писал близко знавший его И.Н.Потапенко, — в этом не находили ничего странного. <..> Ведь незадолго перед тем нуждался и умер в нужде Достоевский. А после него нуждались Гаршин и Надсон. У всех это вызывало сочувствие, но никто не удивлялся. Так полагалось. Книга, как бы ни была она талантлива, была тогда достоянием немногих"¹.

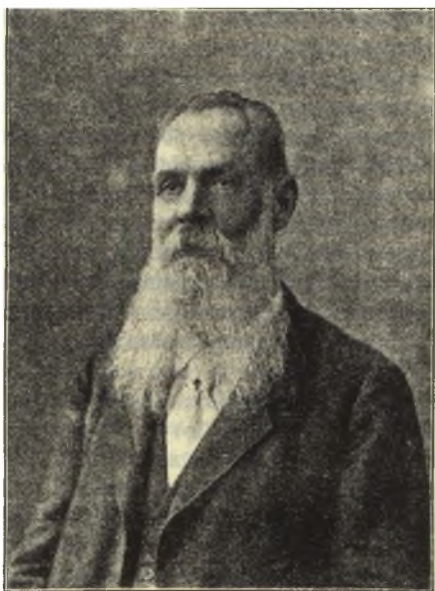
Как помнит читатель, с подобного рода предложением Чехов обращался и к своему прежнему издателю А.С.Суворину. Правда, никогда ранее не шла речь о продаже, да еще на весьма длительный срок, права на все написанное. Необходимость упрочить свое материальное положение Чехов испытывал все предшествующие годы, поэтому предложение Маркса пришлось как нельзя кстати: оно давало возможность порвать отношения с опостылевшим издательством, получить сразу солидное вознаграждение и, главное, выпустить собрание сочинений в том виде, в каком автор хотел предстать не только перед современниками, но и перед потомками. Маркс мог не

только осуществить это пожелание, но и издать сочинения, как никто другой, быстро и большим тиражом. Впрочем, издатель был заинтересован в этом договоре не менее, если не более автора. На это обстоятельство указывал незыблемый для Маркса авторитет — Л.Н.Толстой. "Для Маркса это почти вроде Синая", — писал Сергеенко². Относительно близкий к Толстому человек, он вряд ли бы рискнул при жизни писателя что-либо присочинить или исказить высказанную им мысль.

Есть еще одно обстоятельство, которое следует учитывать, говоря о договоре Чехова с Марксом. В год его подписания Чехов еще не был для своих современников, по крайней мере для подавляющего их большинства, тем Чеховым, которым он стал для потомков. С громадным успехом прошла премьера "Чайки" на сцене Художественного театра, но пьесы Чехова ставились на сцене от случая к случаю, только Сытин практически нарушил неписаную монополию Суворина на издание его книг, и никто не предлагал писателю более выгодных условий. Всероссийская, всеобщая слава пришла чуть-чуть позже, и в какой-то мере ее приход был ускорен описываемым событием. "Я был бы очень не прочь продать ему (т.е. Марксу. — *Е.Д.*) свои сочинения, даже очень, очень не прочь, но как это сделать? <..> ...Я продам все, что есть, и, кроме того, все, что отыщу когда-либо в старых журналах и газетах и найду достойным. Продам все, кроме дохода с пьес. <...> Мне и продать хочется, и упорядочить дело давно уже пора, а то становится нестерпимо" (8,8), — писал Чехов, отвечая на предложение Сергеенко в первый же день нового, 1899 г.

Получив согласие Чехова, Сергеенко, увы, не столь уж бескорыстно (как это будет видно из последующего изложения), но энергично приступил к делу...

Связанный многолетними отношениями с Сувориным, Чехов не хотел ставить его в неловкое положение,

А.Ф.Маркс

не известив о предполагавшихся переговорах с Марксом. Тем более что к этому времени он наконец получил от издательства Суворина начальные листы корректуры первого тома своих сочинений. Кроме того, его, безусловно, интересовало мнение многоопытного в издательских делах человека.

”Вчера, получив твою телеграмму, — писал Сергеенко Чехову в январе 1899 г., — я фразу о Суворине почел обязательной в смысле свидания с ним. <...> Из очень продолжительной интересной беседы с ним я вынес относительно нашего дела самое удручающее впечатление. Нам не дают ничего, кроме жалких слов, которые могут только затемнить наше и без того перемежающееся умосос-

тояние. Что такое 75 т.? 75 т. — вздор. Чехов всегда стоит дороже. И зачем ему спешить? Денег он всегда может достать. <...> Когда же я, пользуясь раскаленностью железа, сказал: значит, вы дадите больше, чем Маркс? — слышалось шипенье, и только. — "Я не банкир. Все считают, что я богат. Это вздор. Главное же, меня останавливает нравственная ответственность перед моими детьми и так далее. А я дышу на ладан". <...> Словом, я вышел от него сбитым с толку и даже в тревоге, уж не сооружаю ли я леса будущих нареканий за то, что продешевил тебя"³. Не очень-то верил в успех чеховского собрания сочинений Алексей Сергеевич Суворин, если сразу же заговорил о "нравственной ответственности" перед детьми и возможности ухода в лучший мир, ответствуя на поставленный вопрос.

Сергеенко ни на йоту не исказил основного мотива отказа. В точности передачи слов Суворина не приходится сомневаться. Они подтверждаются и сохранившимися телеграммами его Чехову. Одна из них содержала ответ на просьбу писателя сообщить состояние его дел по издательству ("в понедельник переговорю с Колесовым") и рекомендовала воздержаться от продажи прав собственности на будущие произведения. Ссылаясь на мнение Толстого, Суворин убеждал Чехова не спешить с заключением договора ("за одно приложение к "Ниве" ваших вещей можно дать 50 000. "Нива" этого не избегнет года через два") и со своей стороны предлагал одолжить еще 20 000 руб. Видимо, аргументируя свое решение, Чехов писал, что подталкивает его на этот шаг и плохое самочувствие ("Разве Ваше здоровье плохо?" — спрашивал Суворин⁴).

Аванс в двадцать тысяч рублей на неопределенных условиях Чехова явно не устраивал*, да и прогноз

* "Аванс в 20 тысяч — это значит купить произведения за 20 тысяч, так как я никогда не вылез бы из долга". — писал Чехов брату Михаилу Павловичу (9, 36).

Толстого относительно соглашения с Марксом был более чем проблематичен, хотя в размере возможного гонорара Суворин вряд ли ошибался. Но весьма сомнительно, чтобы Маркс предпринял новое издание сочинений Чехова, пока Суворин не выпустил бы и не распродал своего.

Суворин яснее Маркса представлял место Чехова в русской литературе, но при этом не верил в успех издания собрания его сочинений. Он явно руководствовался старыми представлениями о русском книжном рынке и недооценивал возросшую роль демократического читателя, того самого "третьего сословия", певцом которого считал Чехова. Видимо, и в издательской интуиции он уступал Марксу.

Прежде чем познакомиться с поистине драматической историей издания Собрания сочинений Чехова, следует рассказать о его издателе и с чего началось его знакомство с писателем, тем более что по этому поводу существуют разноречивые сведения.

Адольф Федорович Маркс был выходцем из Померании. Приехав по приглашению одной из петербургских книготорговых фирм в Россию, он прошел нелегкий путь, прежде чем стал одним из крупнейших издателей, удостоившись к тому же и возведения в потомственное дворянство. Успех его делу принес еженедельный журнал для семейного чтения "Нива", тираж которого к началу XX в. достиг невиданной для России цифры — 250 тыс. экз. Но истинную славу Марксу принесли практически бесплатно выпускаемые в виде приложений к "Ниве" собрания сочинений крупнейших русских писателей.

По тиражу журнала видно, что он был общедоступен (самый дешевый, исключая религиозные журналы), с широкой программой (например, в год заключения договора с Чеховым на его полосах печатался роман Толстого "Воскресение"), индифферентен в политическом плане. Другим он и не мог быть. Об этом ясно и четко

говорилося в циркулярних документах цензури: "Ілюстровані газети і журнали, вроді "Всесвітньої ілюстрації", "Ниви" і проч., призначені для легкого читання і привабливі читача картинками, всього більше звертаються серед молодіжі і людей, не володіючих серйозною освітою, а дуже часто потрапляють навіть в руки вихованців і вихованців середніх навчальних закладів. Закон, підкоривши всі без винятку такі видання попередній цензурі, мав на увазі саме сказаний круг читачів і тому хотів дати цензурному відомству всі способи не допустити в цих популярних виданнях нічого могутнього діяти шкоди на ум або уяву їх читачів"⁵.

Такого роду опіка, зрозуміло, обмежувала можливість журналу, однак А.Ф.Маркс змушений був шукати шляхи розширення тематики, підвищення змістовності публікуваних матеріалів. Вскоро був знайдений досить "простий" вихід. В 90-і рр. при журналі стали виходити «Щомісячні і науково-популярні додатки до журналу "Нива"», які розповсюджувалися одночасно з іншими виданнями, що складали, як тоді говорили, "премію" до основного органу. На сторінках цього додатку і були опубліковані розповідь Чехова "Іонич" і повість "Моя життя" (що не спасло останню від посягальств цензури). Про це нижче.

За словами Сергєєнка, Маркс до підписання угоди з письменником прочитав "в своїй житті тільки дві... речі" Чехова (Сергєєнко мав, очевидно, на увазі два вищезгадані твори). І тільки після укладення угоди, ознайомившись з творчістю письменника, прийшов в захват від чеховських "мелких" розповідей. Сучасні дослідники, не виключаючи такої можливості, всім же вважають, що видавець, крім того, "знав критичні роботи про Чехова, чув відгуки про нього в літературній середі"⁶.

Версия Сергеенко в целом неубедительна. Вряд ли такой обстоятельный и деловой человек, как Маркс, купил бы, и за немалую сумму, "кота в мешке". Он, бесспорно, имел более точные сведения о Чехове, чем это хотел представить Сергеенко, преувеличивая, может быть и невольно, свои посреднические услуги. Известно, например, что Чехов в конце 1893 г., уйдя из "Нового времени", обратился с просьбой к Потапенко узнать у Маркса о возможности сотрудничества в "Ниве". Ответ был получен скорее, чем этого можно было ожидать. 12 января 1894 г. Маркс писал Потапенко: "Князь Волконский передавал мне, что А.П.Чехов уже имел с ним разговор относительно сотрудничества своего в "Ниве" и что вопрос этот был решен между ними в утвердительном смысле. Если у А.П.Чехова имеется что-нибудь готовое, прошу прислать — охотно помещу в "Ниве". Маркс соглашался приобрести и предлагаемый Чеховым роман, но писал, что сможет его опубликовать, по техническим причинам, "только через два года" — в 1896 г. "Если же окажется возможность окончить роман раньше, то гонорар, как Вам известно, всегда уплачивается мною немедленно по принятии рукописи"⁷. Размер установленного гонорара — 350 руб. за лист — свидетельствует о достаточно высокой оценке предлагаемого материала. Легко можно согласиться с тем, что Маркс не имел представления о творчестве Чехова в полном объеме, но с отдельными публикациями его произведений в "Петербургской газете", "Новом времени", "Северном вестнике" или "Русской мысли", бесспорно, был знаком. Тем более что находился в добрых отношениях с издателем "Русской мысли", на страницах которой была опубликована прогремевшая на всю Россию "Палата № 6". Он искренне, по словам Сергеенко, удивился, узнав о числе предназначенных к публикации произведений, но этот факт еще не свидетельствует о его невежестве в делах современной ему русской литературы.

Трудно сказать, почему Чехов немедленно не воспользовался предложением М.Н.Волконского, и сменившему его на посту редактора А.А.Луговому вновь пришлось обращаться к писателю с просьбой о сотрудничестве. «...Могу с уверенностью сказать, что рассказ я Вам дам непременно и что мне хочется работать в "Ниве"», — отвечал А.А.Луговому в самом конце следующего года Чехов (6, 112). Но только в июне 1896 г. выполнил свое обещание и послал в журнал начало повести "Моя жизнь" (6, 156). Затянутость переговоров непонятна, поскольку еще в августе 1891 г. Чехов просил Ф.А.Червинского узнать, «почем платят в "Ниве"», так как у него есть "подходящий рассказик" для этого журнала (4, 264).

В отличие от многих своих современников Чехов никогда, насколько известно, не предъявлял никаких претензий к журналу и весьма высоко оценивал издательскую деятельность Маркса. В ряде писем к родным и знакомым он высказывал уверенность, что его сочинения будут наконец издаваться достойным образом. "Маркс издает великолепно, — сообщал он сестре о предполагаемом собрании сочинений. — Это будет солидное издание, а не мизерабельное" (8, 52). "Я забрал бы у Маркса все его издания. Он прекрасно издает", — писал он Луговому тремя годами ранее (6, 217).

Столь же высоко отзывался он и о "Ниве". Даже выделял некоторые материалы, в ней опубликованные: "Литературные приложения к "Ниве" в текущем году имели успех благодаря главным образом статьям серьезного содержания", — писал Чехов в 1896 г., имея в виду критический очерк Вл.Соловьева "Поэзия Я.П.Полонского" (1896. № 2 и 6) и "Гигиенические беседы" профессора Ф.Ф.Эрисмана (1896. № 4, 5, 7, 8). Отмечая причину успеха этих публикаций, он писал, что "русский пестрый читатель если и не образован, то хочет

и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп" (6, 179).

Несколько иначе в процессе перераспределения ценностей между "Нивой" и приложением к журналу отнеслись вчерашние сотоварищи Чехова по сатирическому цеху. На страницах лейкинских "Осколков" В.А.Юркевич, скрывавшийся под псевдонимом "Люцифер", язвил по адресу издателя журнала:

Просвещения поборник,
Маркс, к несчастью, проглядел,
Утопшая "Нивы" сборник,
Как журнал его хирел...⁸

Увы, далеко не каждому было дано видеть истинное положение дел.

Из-за цензурных вмешательств, касавшихся повести "Моя жизнь", сотрудничество с "Нивой" принесло Чехову в дальнейшем немало огорчений (6, 215, 217, 221), но имелась и положительная сторона: читательская аудитория писателя заметно расширилась. Отвечая в августе 1898 г. новому редактору "Нивы" Р.С.Сементковскому, писавшему Чехову о желании Маркса повидаться с ним, писатель выражал полную к этому готовность в случае, если тот желает встретиться с ним "по делу" (7, 252). Речь, несомненно, шла о возможных переговорах, равно интересовавших обе стороны. Сказанное подтверждается письмом Чехова к И.И.Горбунову-Посадову, отправленным вскоре после заключения договора: "До меня давно уже доходили слухи, что Маркс хочет купить меня, но я не ожидал никак, что это произойдет так скоро, что я вдруг ни с того ни с сего стану марксистом" (8, 49).

Договор сроком на 20 лет был подписан 26 января 1899 г. Чехов получил 75 000 руб. за все произведения, ранее напечатанные под собственной фамилией или псевдонимом. Редакция издания принадлежала автору,

Рекламный плакат журнала "Нива".
Художник Е.Самокиш-Судковская

доход от пьес являлся собственностью писателя или его наследников. За будущие, предварительно напечатанные в повременной печати произведения следовал гонорар в 250 руб. с листа, возрастающий через каждые пять лет на 200 руб.⁹

Ничуть не обманываясь в характере заключенного договора, Чехов писал сестре: "Продажа, учиненная мною, несомненно, имеет свои дурные стороны. Но, несомненно, есть и хорошие. Во-1-х) произведения мои будут издаваться образцово; во-2-х) я не буду знаться с типографией и с книжным магазином, меня не будут обкрадывать и не будут делать мне одолжений; 3) я могу работать спокойно, не боясь будущего; 4) доход не велик, но постоянен" (8, 35—36). Наконец, последний мотив (из письма к брату Михаилу Павловичу): "Полное собрание моих сочинений начали печатать в типографии (А.С.Суворина. — *Е.Д.*), но не продолжали, так как все время теряли мои рукописи, на мои письма не отвечали, и таким неряшливым отношением ставили меня в положение отчаянное; у меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной обесцененной массы" (9, 36). Все эти мотивы, по его словам, побудили заключить договор с Марксом.

Литературная общественность оценила договор следующим образом: "Боясь продешевить тебя, я предварительно зондировал почву везде. А суворинцы прямо говорят, что нужно быть сумасшедшим на месте Маркса, чтобы связать себя таким договором", — писал Сергеенко¹⁰. "Когда узнали, что нашелся издатель, оценивший сочинения Чехова в определенную солидную сумму, стон удивления пронесся по всему литературному стану", — свидетельствует Потапенко¹¹.

В письме к Чехову чрезвычайно близкий к нему в то время (а также и к Суворину) беллетрист Н.М.Ежов

сообщал в конце января 1899 г.: "В Москве ...узнали, что Вы продали Марксу свои сочинения (настоящие и будущие) за 75 000 руб. Цифра "75 000" ошеломляющая, но не знаю, хорошо ли это для Вас? Ведь будущие сочинения, на мой взгляд, кроме 75 000 р., Вы должны были обложить еще особой пеней, хоть на 500 р. с листа.

Во всяком случае поздравляю. Спрыска с Вас"¹².

Ради справедливости следует отметить, что сама по себе возможность приобретения прав на литературную собственность у здравствующего писателя всегда вызывала недовольство общественности. Нет сомнения, что сделка Чехова с Марксом в этом отношении не могла быть исключением. Во всяком случае, отклик на нее можно услышать в весьма печальных строчках известного в те годы сатирика Lolo (Л.Г.Мунштейна):

Издатель – полный господин.
Купил – и делает что хочет,
И ловко публику морочит
Букетом пошленьких картин.

.....
И твой талант и вдохновенье
Все мерит он на свой аршин¹³

Но как бы то ни было, через три года эта "особая пеня", о которой писал Ежов, достигла не 500, а 1000 руб., тем не менее именно к этому времени Чехов робко, но все же выразил недовольство заключенным договором. Невольно возникает вопрос: на какую сумму он первоначально надеялся? "Насколько я мог судить по некоторым фразам, – писал Сергеенко, он рассчитывал получить "тургеневскую плату", т.е. 60 000 р."¹⁴ Откуда взял Сергеенко цифру 60 000 руб. и какие фразы он имел в виду, неизвестно. Поскольку с Чеховым он в тот период не встречался, можно было бы предположить, что речь идет о каком-то не дошедшем до нас письме. Однако это маловероятно. Скорее всего имеется в виду телеграмма от

16 января, но в ней весьма четко определена сумма: "Желательно 75 000" (8, 21).

На следующий же день после заключения договора Чехов послал Марксу для первого тома 65 рассказов, не вошедших еще ни в один из сборников, и одновременно отказал одному из руководителей издательства "Посредник" в дальнейшем сотрудничестве: "...Ваше намерение выпустить в свет для интеллигентных читателей мои последние три рассказа — ныне неосуществимо <...>... В договоре дальнейшее печатание оговорено крупной неустойкой. И этот договор представляется мне теперь собачьей конурой, из которой глядит злой, старый, мохнатый пес" (8, 49).

Шутка объясняет само собой разумеющееся положение, но в ней легко можно уловить некоторое неудовольствие. Со временем степень неудовлетворенности писателя договором, несомненно, возросла. Судя по одному из позднейших писем, Антон Павлович считал договор с Марксом "ошибкой", а продажу сочинений "довольно неудачной". Объясняя причины, побудившие его заключить договор, Чехов напоминал адресату, что в 1899 г. он постоянно нуждался, с другой стороны, "теперешних больших (горьковских) цен на литературные произведения еще не было" (12, 21, 51).

Цитированное письмо — далеко не единственный источник, по которому можно судить не только о переоценке договора, но и о причинах, его вызвавших. В самом начале века общественный подъем и неожиданный, громадный интерес к творчеству так называемых "молодых" писателей вызвали необычный для русского книжного рынка спрос на их произведения. С другой стороны, благодаря разворачивающейся деятельности издательства "Знание", резко возросли гонорары за литературные произведения: писатели фактически стали получать почти весь доход с издания. В этих условиях Чехов

начал подумывать о возможности пересмотра или какого-то уточнения договора: "...похоже, будто над моей головой высокая фабричная труба, в которую вылетает все мое благосостояние", — писал он брату Михаилу Павловичу (8, 320).

Однако ни о каких решительных действиях он не помышлял. В ответ на предложение Горького разорвать договор с Марксом, выплатить неустойку и войти в товарищество "Знание" с гарантированным годовым доходом чуть ли не в 25 тыс. руб. он писал 24 июля 1901 г.: "...Вы ждали ответа именно насчет моих произведений и Маркса. Вы пишете: взять назад. Но как? Деньги я уже все получил и почти все прожил, займы же взять 75 тыс. мне негде, ибо никто не даст. Да и нет желания затевать это дело, воевать, хлопотать, нет ни желания, ни энергии, ни веры в то, что это действительно нужно" (10, 53). Посылая затем Горькому копию договора с Марксом, он уточняет свою позицию: "С Марксом, который теперь, кстати сказать, очень болен, я могу разорвать не иначе, как только лично поговорив с ним. Так здорово живешь он ни за что не станет разрывать условие, ибо сей разрыв, помимо всего прочего, лег бы пятном на его издательскую деятельность"¹⁵.

Чехов отлично понимал, что дело упирается не только в деньги, но и в авторитет фирмы. К тому же ему явно импонировала возможность издания своего собрания сочинений небывалым еще в истории русской литературы 250-тысячным тиражом. "За сообщение о том, что мои сочинения в будущем году выйдут приложениями к "Ниве", приношу Вам сердечную благодарность", — писал он в конце октября 1902 г. Марксу (11, 66).

Однако Горький не оставлял своих намерений, подключив к хлопотам и О.Л.Книппер. Посоветовавшись с известным адвокатом О.О.Грузенбергом, он выяснил любопытную деталь. Договор с Марксом вступает в закон-

ную силу лишь после подписания Чеховым неустойчивой записи. Но таковой в делах не оказалось. Появилась возможность на "законных" основаниях расторгнуть или изменить договор. Тем не менее Чехов не хотел прибегать к такому средству давления на Маркса, считая, что, подписав условие, надо и держаться его честно, каково бы оно ни было. На настойчивые советы О.Л.Книппер обратиться к адвокату он отвечал 9 января 1903 г.: «Неустойчивой записи у меня нет, но это не значит, что ее нет у Маркса. Помнится, что я не подписывал ее, но, быть может, память обманывает меня. <...> Мне кажется, что если я теперь напишу Марксу, то он согласится возратить мне мои сочинения в 1904 г., 1-го января, за 75 000. Но ведь мои сочинения уже опошлены "Нивой", как товар, и не стоят этих денег, по крайней мере не будут стоить еще лет десять, пока не сгниют премии "Нивы" за 1903 г. <...> ...Да и как-то не литературно прицепиться вдруг к ошибке или недосмотру Маркса и, воспользовавшись, повернуть дело "юридически"» И опять уже знакомый довод: "...не надо все-таки забывать, что когда зашла речь о продаже Марксу моих сочинений, то у меня не было гроша медного, я был должен Суворину, издавался при этом премерзко, а главное, собирался умирать и хотел привести свои дела хотя бы в кое-какой порядок. Впрочем, время не ушло и не скоро еще уйдет, нужно обсудить все как следует и для сего недурно бы повидаться с Пятницким" (118—119).

К.П.Пятницкий как издатель понимал, что Чехов прав. После того как его сочинения начали выходить приложением к "Ниве", не могло быть и речи о новом их издании. Поэтому он, в отличие от Горького, предлагал добиваться лишь изменения условий, с тем чтобы получить с Маркса третью часть заработанных им на Чехове "400 тысяч" и откупить право публикации будущих произведений¹⁶.

Роль посредника в переговорах с Марксом взял на себя издатель "Журнала для всех" Виктор Сергеевич Миролюбов. Почему не Пятницкий или Грузенберг, который довольно охотно соглашался взяться за дело? Да потому, что Чехов не хотел предавать его никакой огласке. И, как выясняется из письма к нему Миролюбова, он и ему не дал никаких документально подтвержденных полномочий на переговоры с Марксом. Именно на этом основании Маркс и не пожелал с ним беседовать по этому поводу, выразив желание говорить лично с Чеховым. Никаких полномочий Миролюбову Чехов, несмотря на его желание выступать в роли посредника и в дальнейшем, не послал. И не потому, что его убедили приведенные Миролюбовым слова Маркса (бесспорно, справедливые), что он вынужден "доходами от ходких книг" покрывать "убытки от книг, плохо идущих"¹⁷. Чехов лишний раз убедился в том, что с Марксом по столь деликатному поводу может говорить лишь один человек — он сам.

Руководители "Знания" были заинтересованы в сотрудничестве Чехова. Этого они никогда не скрывали, но было бы ошибкой объяснять их горячее участие в его делах только этой причиной. Шла борьба за право литератора полностью распоряжаться плодами своего труда, поэтому неудивительно, что частному инциденту придавалось широкое общественное значение.

Искренне желая помочь Чехову, М.Горький и Л.Андреев подготовили письмо к Марксу, приуроченное к 25-летию юбилею литературной деятельности писателя, которое подписала целая группа литераторов (И.Бунин, В.Вересаев, В.Гольцев, А.Серафимович, Е.Чириков и др.): "Мы знаем, — писали авторы письма, — что за год, протекший с момента договора, Вы в несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную Вами А.П.Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложение к журналу "Нива", должны

были разойтись в сотнях, тысячах экземпляров и с избытком вознаградить Вас за все понесенные издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет* Вам предстоит пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А.П.Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им. Бесспорно, нарушая имущественные права Вашего контрагента, указанный договор имеет и другую отрицательную сторону, не менее важную для общей характеристики печального положения Антона Павловича: обязанность отдавать все свои новые вещи Вам, хотя бы другие издательства предлагали неизмеримо большую плату, должна тяжелым чувством ложиться на А.П.Чехова и, несомненно, отражаться на продуктивности его творчества. <...> Он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным издательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем – именем А.П.Чехова”¹⁸.

Н.Д.Телешов, опубликовавший этот документ, писал, что, узнав о письме, Чехов просил не обращаться с ним к Марксу, аргументируя свою просьбу в таких приблизительно словах: ”Я своей рукой подписывал договор с Марксом и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то, значит, я и виноват во всем: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожней”¹⁹.

По странной забывчивости Телешов, публикуя это письмо, не назвал в числе подписавшихся М.Горького, В.Дорошевича, а это обстоятельство имело немаловажное значение. Нисколько не сомневаясь в искренности порыва,

* На самом деле договор был ограничен 20-летним сроком.

побудившего целую группу писателей поставить свои подписи под письмом, следует все же сказать о некоторых преувеличениях, заключенных в его строках, поскольку, помимо воли его авторов, они сыграли известную роль в развернувшейся вновь после смерти Чехова полемике вокруг этой сделки*.

Маркс дважды выпускал издание сочинений Чехова: в 1899–1901 гг. — десяти томное издание тиражом в 20 тыс. экз. и в 1903 г. — шестнадцатитомное, выпущенное приложением к "Ниве". Тираж последнего составлял не менее 235 тыс. экз. (таков был тираж журнала в 1902 г.). Подписчики могли отказаться от приложения, поскольку требовалась доплата в 1 руб., но на практике подобного не случилось.

Том первого издания стоил 1 руб. 50 коп., комплект — 15 руб. (после смерти Чехова вышел 11-й том — "Рассказы и пьесы"), следовательно, при тираже 20 тыс. экз. (наивысший тираж отдельных томов) общая сумма номинала составила 300 тыс. руб. За вычетом гонорара оставалось 225 тыс. руб. Хотя сочинения Чехова Маркс печатал в собственной типографии, нельзя забывать о производственных издержках, расходах на бумагу, весьма дорогую в начале века, и т.п. По обычной для того времени калькуляции они составляли не менее трети номинала, т.е. примерно 100 тыс. руб. К этой сумме следует добавить книготорговую скидку в 30% и расходы по пересылке издания, которые в общей сложности составляли не менее 90 тыс. руб. Таким образом, чистый доход Маркса от первого издания вряд ли мог превысить 35 тыс. руб.** Что

* Об этом подробнее см.: Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. М., 1986. С. 168–179.

** В одной из столичных газет был приведен иной расчет, исходивший из того, что общий номинал выпуска при тираже в 12 тыс. экз. составлял сумму в 180 тыс. руб. По мнению анонимного автора, в каждом томе насчитывалось около 25 печатных листов

же касается сочинений, приложенных к "Ниве", то все 16 томов стоили подписчику журнала всего 1 руб., другими словами, 6 коп. за том. Ни одно "народное" издание не стоило так дешево. Маркс отнюдь не кривил душой, когда писал Чехову: "Приложение ваших сочинений при "Ниве" сделает их доступными для большого круга читателей, притом таких, которые по недостатку средств не имели возможности приобрести отдельное издание". Объясняя Чехову, почему он не может последовать его совету и исключить из собрания сочинений "Остров Сахалин" и драматургические произведения, Маркс в другом письме утверждал, что "это несколько уменьшило бы предстоящие на будущий год огромные затраты. Но сделать это я не могу, так как, объявив полное собрание ваших сочинений, считаю своей обязанностью дать все, что вошло в отдельное 10-томное издание"²⁰.

Издатель не остался внакладе, доход от первого издания покрыл убытки второго, а если и не покрыл, то почти бесплатное Собрание сочинений Чехова стало хорошей рекламой для "Нивы" и немало способствовало увеличению ее тиража.

Авторы письма имели основания утверждать, что договор лишил Чехова возможности "давать свои произведения даже дешевым народным издательствам", хотя

(в действительности объем был несколько меньшим). Отсюда делался вывод, что издание каждого тома обходилось Марксу около 2500 руб. (стоимость печатного листа при 12 тыс. экз. исчислялась в 100 руб.), 10 томов — в 25 тыс. руб., книгопродавческая уступка (у Маркса не было собственных магазинов) не превышала 20% (крайне сомнительная цифра) и составляла 54 тыс. руб., реклама, переписка и прочие расходы — еще 26 тыс. руб. Таким образом "набегало" примерно 105 тыс. руб. Следовательно, у издателя оставалось в кармане 75 тыс. руб. Но их он должен был возвратить в качестве гонорара автору (Н.Г. О самооправдании г-на А.Ф.Маркса (Письмо в редакцию) // С.-Петербург. ведомости. 1904. 16 июля).

**Фронтиспис и титульный лист первого тома
Полного собрания сочинений А.П.Чехова**

и оставлял за ним право печатать их "в литературных сборниках с благотворительной целью". Возможно, многое объяснялось тем, что Маркс сам намеревался выпустить чеховские рассказы дешевым изданием. Так, например, И.П.Видуэцкая считает, что он предполагал "издать вслед за собранием сочинений серию сборников чеховских произведений для народа, включив в них по преимуществу те произведения, которые не вошли в собрание сочинений"²¹. (Подобным образом Маркс в прошлом выпустил серию произведений Гоголя.) Этот вывод обосновывается анализом сохранившихся в архиве издательства трех вариантов списков "Брошюры из сочинений А.П.Чехова. Серия 1-я (для самых неподготовленных читателей)", в составлении которых принимали участие Л.Ф.Маркс и

Н.А.Рубакин. Думается, однако, что списки эти связаны с начинанием, предпринятым уже после смерти Маркса его вдовой Лидией Филипповной.

Высказанную Видуэцкой мысль скорее подтверждает другой документ — письмо Н.П.Кондакова Чехову (5 февраля 1901 г.), в котором тот сообщал, что "Маркс обратился в Общество вспомоществования художников... с предложением художникам (которые там подешевле) заняться иллюстрацией рассказов и повестей А.П.Чехова. Пока не получено рисунков, художники говорят: за этими иллюстрациями просидишь за одну месяц, а заработка выше 20 рублей не обретишь"²⁴. Исследователь предполагает, что в данном случае речь идет о намерении Маркса проиллюстрировать Собрание сочинений Чехова. Но какое? То, что он собирался пустить приложением к "Ниве"? Но, как известно, Маркс никогда никакие собрания сочинений не иллюстрировал, тем паче предназначенные для приложений. Следовательно, не исключено, что он действительно предполагал выпустить серию дешевых изданий произведений Чехова или собирался поместить эти рисунки в "Ниве" под постоянной рубрикой "Литературный альбом".

Но если утверждение о намерении Маркса выпустить серию произведений Чехова в виде дешевых изданий нуждается в более веских доказательствах, то бесспорно другое — именно благодаря "нивским" приложениям они стали общедоступны. "Читающая Русь получила сочинения Чехова за гроши, и Чехов разошелся в сотнях тысяч экземпляров" только благодаря А.Ф.Марксу, не без основания писала после смерти писателя одна столичная газета²³

Не в пример многим другим издателям Маркс, как правило, соглашался на перепечатку принадлежавших ему произведений тех или иных писателей, которые, в частности, издавались с благотворительной целью.

Именно этим положением и воспользовались руководители издательства "Знание", когда вознамерились включить в свой очередной сборник пьесу Чехова "Вишневый сад".

История публикации "Вишневого сада" на страницах второго сборника "Знания" вкратце такова: 16 октября 1903 г. Горький и Пятницкий попросили Чехова дать пьесу для сборника, оговорив свое предложение очень высоким гонораром — 1500 руб. за лист*. Горький не был в восторге от пьесы, как об этом можно судить по его письму Пятницкому ("Слушал пьесу Чехова — в чтении она не производит впечатления крупной вещи"), однако как "гвоздь" она, безусловно, была необходима²⁴. К сожалению, обстоятельства складывались неблагоприятно. Цензура из-за рассказов Е.Н.Чирикова и С.Ю.Юшкевича задерживала сборник, и он вместо января вышел лишь в самом конце мая 1904 г. Факт этот имел немаловажные последствия, так как для того, чтобы оправдать затраты по изданию, нужно было продать несколько десятков тысяч экземпляров сборника: "Летом покупают мало. Можно рассчитывать только на осень. Всякий удар, нанесенный сборнику до осени, должен сильно отразиться на его успехе", — писал Пятницкий, встревоженный сообщением о подготовляемом Марксом дешевом издании пьесы²⁵.

Не зная истории мытарств, которые перетерпел сборник товарищества "Знание", Маркс в начале года заручился согласием Чехова на отдельное издание пьесы. Обращаясь к нему 12 марта 1904 г., он писал: "Пьеса, как Вы мне сообщили в письме от 3 февраля, будет в скором времени обнародована, я распорядился уже теперь о наборе

* По позднейшему свидетельству В.М.Дорошевича, газета "Русское слово" готова была предложить вдвое больший гонорар (Дорошевич В.М. Десять лет // Рус. слово. 1914. 17 янв.).

пьесы для моего издания. <...> Само собой разумеется, что мое издание будет выпущено только после того, как пьеса будет вами обнародована в повременном издании или, как вы предлагаете на этот раз, в сборнике с благотворительной целью". Одновременно Маркс выслал и гонорар — 2500 руб.

Чувствуя свою невольную вину перед "знаньевцами", Чехов 31 мая просил Маркса задержать выпуск пьесы в свет. На что 2 июня последовала ответная телеграмма Маркса: "Крайне огорчен невозможностью исполнить Вашу просьбу и удивлен тем, что не предупредили меня своевременно. <...> О выходе пьесы помещено объявление в номер 23 "Нивы", которого уже отпечатано около ста тысяч экземпляров, часть которых сегодня разослана. Будут поступать заказы, отказывать в высылке объявленной книги для меня более чем неудобно, поэтому при всем желании не могу ничего сделать"²⁶.

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости приведенных слов. Журнал выходил и рассылался по графику с точностью утренней газеты, и не вина Маркса, что конфликт, приняв характер конкурентной борьбы, стал широко известен в литературных кругах, чем доставил немало огорчений больному писателю.

Прав был Чертков, писавший в свое время Чехову, что "все издатели, какие бы они сами по себе ни были достойные личности, как издатели неизбежно соперничают друг с другом и поэтому невольно и даже бессознательно склонны придавать веру тем, часто неосновательным, обвинениям в неподобающем отношении того или другого издателя к своим литературным сотрудникам, которое большей частью распространяется авторами, чьим произведениям почему-либо не посчастливилось у этого издателя"²⁷. В данном случае значительная часть тирады явно не по адресу, но с основным ее положением, увы, согласиться следует. Элементы соперниче-

ства и со стороны "Знания", и со стороны Маркса, безусловно, имели место.

Многие биографы Чехова и исследователи его творчества так или иначе касались договора писателя с Марксом. Одни из них рассматривали его как акт, благоприятный для Чехова и в конечном счете имевший больше положительных сторон, чем отрицательных, другие считали его невыгодным для писателя, а некоторые — просто кабальным²⁸. Многие, по мнению наиболее объективных из них, объяснялось тем, что подъем издательского дела на рубеже двух веков кардинально изменил ситуацию в гонорарной политике, чего, естественно, не мог учесть Чехов. Сложившееся положение весьма точно сформулировал В.Дорошевич: "Издатель "Нивы" когда-то купил "на вечные времена" (!) сочинения Чехова за 75 000 руб. По тем временам — цифра сказочная. Возбуждавшая изумление, зависть. В 1904 г. цифра — обидная"²⁹. Думается, однако, что в недооценке чеховских сочинений есть доля вины и современной ему критики, далеко не всегда отдававшей должное таланту писателя. Перелом наступил именно в тот самый момент, когда начались переговоры с Марксом; его-то и не уловили ни издатель, ни писатель. Об этом и напоминала Чехову его сестра Мария Павловна: "Вот моя просьба: пожалуйста, не отдавай дешево Марксу твоих сочинений, — писала она 22 января 1899 г. брату. — Теперь ты стал очень популярен, прямо знаменитостью, только и говорят, что о тебе. Теперь ты можешь не завидовать Южину! <..> Как-то у Немировичей Сергеенко, таинственно отведя меня в сторону, предлагал свои услуги для переговоров о твоих делах с Марксом. <..> Запомнила слова Сергеенко, что "Антон должен просить 100 тысяч". Сто не сто, а все-таки ты знай цену своим произведениям"³⁰.

Кто бы и как бы ни судил об этой сделке, не следует забывать о том, что Маркс единственный из изда-

телей предложил Чехову сумму, устроившую писателя. Поэтому обвинять его во всех смертных грехах, как это делалось вплоть до недавнего времени, нет никакого основания. Договор нельзя оценивать однозначно. Тем более что, как справедливо считает И.П.Видуэцкая, "Чехов согласился на условия, предложенные Марксом, с полным сознанием всех предстоящих выгод-потерь. <...> Необходимость заставила Чехова продать свое право литературной собственности, и договор с Марксом был для него не худшим выходом"³¹.

Чтобы закончить рассказ о договоре, следует сказать несколько слов о человеке, сыгравшем важную роль в его заключении, — Петре Алексеевиче Сергеенко.

Как явствует из его писем к Чехову, разговор о желательности приобретения собственности на сочинения писателя возник по инициативе управляющего конторой "Нивы" Ю.О.Грюнберга: Его и следует считать инициатором заключения договора. Этот факт подчеркивает сам Сергеенко ("Грюнберг — наш и все сделает, чтобы не допустить туч на твое чело", "больше всего сделка обязана Юл. Ос. Грюнбергу и его горячему отношению к тебе")³².

Что касается какой-то личной заинтересованности Грюнберга в этом деле, то возможность такого рода предположений категорически отрицалась самим Сергеенко. ("Я попробовал, — писал Сергеенко, — заезжать насчет благодарности, но он осадил меня и хорошо бы сделал, если бы заехал, что называется, в морду".) Но если Грюнберг был бескорыстен в своем содействии заключению договора, то этого никак нельзя сказать о Сергеенко.

Уверяя Чехова, что моральное удовлетворение от совершенного искупает полностью все его усилия, Сергеенко всячески подчеркивал свой расчет на возможность "сорвать" в дальнейшем с Маркса "какой-нибудь куш для доброго дела" или "аванс"³³. Другими словами, пытался завязать более тесные отношения с могущест-

венным издателем "Нивы". Такое объяснение выглядело вполне правдоподобно и, видимо, устраивало Чехова. Однако вскоре отношения между ними испортились настолько, что Чехов, как вспоминал Потапенко, старался избегать всяческих встреч с ним, а в письме В.Л.Кигну писал, что продажу сочинений устроил "некий Сергеенко" (12, 21). Охлаждение наступило вскоре после заключения договора, но до того, как Чехов стал проявлять первые признаки недовольства им. И вряд ли причиной этому послужил характер Сергеенко³⁴. Виной всему были неожиданно проявившиеся поползновения Сергеенко на часть, хотя и отраженную, славы своего знаменитого однокашника. 15 февраля 1899 г. он писал Чехову: "Теперь по самому главному! Принявши некоторое участие в твоих делах, мне бы хотелось довести мою роль до конца и принять участие (с правом совещательного голоса) в издании полного собрания твоих сочинений. Прежде всего, мне кажется, издание должно быть хорошо проредактировано и вещи сомнительного достоинства отделены безусловно..."³⁵ Советы Сергеенко не оставляли никакого сомнения, на какую роль он претендовал. Однако Чехов не нуждался в соредакторе. Не только Сергеенко, но и никого другого в этой роли он не хотел видеть.

Предложение Сергеенко не нашло никакого отклика. Он еще раз, но более робко напомнил о нем через месяц. Ответа и на это письмо не последовало.

История заключения договора Чехова с Марком интересовала многих его биографов. Гораздо в меньшей степени касались они истории издания самого собрания сочинений, за исключением, пожалуй, И.П.Видуэцкой, сумевшей продемонстрировать своим исследованием, посвященным его подготовке, проявление той "неустанной внутренней работы", которая, по словам Е.Н.Коншиной, способствовала появлению на авансцене истории еще одного великого русского писателя. Поэтому так важно

проследить весь ход работы над собранием сочинений и перипетии взаимоотношений автора с его издателем.

В одной из последних работ о Чехове можно найти утверждение, что "со своим издателем Чехов почти не встречался, ему претила скаредность и непримиримость Маркса. Он имел в виду не только условия договора. В течение четырех лет Чехов изучал Маркса, но и сейчас не понимал его. Возможно, представление о своем издателе сложилось у Чехова несколько однобоко, поскольку он больше переписывался с ним, чем общался. Он остерегался такого общения, ибо склонен был ожидать от издателя скорее плохого, чем хорошего"³⁶.

Оставим на совести автора утверждение о "скаредности и непримиримости Маркса". Убедиться в обратном совсем нетрудно, если ознакомиться с воспоминаниями современников или перечесть сохранившуюся переписку писателя с издателем.

В последние годы жизни Чехов постоянно жил в Ялте, и его наезды в Петербург были чрезвычайно редки. Тем не менее он дважды встречался с Марксом — в июне 1899 г. и мае 1903 г. Правда, впервые Маркс приглашал Чехова "повидаться" еще задолго до заключения договора, в августе 1898 г. Писатель выразил готовность тут же приехать, если разговор будет "по делу" (7, 252). Однако Маркс, передававший это приглашение через Р.И.Семетковского, в тот момент, видимо, находился вне Петербурга и не смог принять Чехова. Отсрочить свидание в тот раз не представлялось возможным, так как в сентябре писатель намеревался поехать в Крым, оттуда — на Кавказ, а после наступления холодов и вовсе отправиться в заграничное путешествие (7, 259).

Во время первой встречи речь шла о составе собрания сочинений. Маркс охотно согласился с предложением Чехова издавать его пьесы, иллюстрируя их аксессуарами последних мхатовских постановок. "Я виделся

с Марксом, — писал Чехов по этому поводу Немировичу-Данченко. — Моему предложению печатать пьесы и вообще издавать пьесы с *mise en scène* Художественного театра — он, видимо, был очень рад, точно давно ждал его. Он сказал, что будет печатать пьесы с декорациями, гримом, с полным *mise en scène* и проч. и проч. и будет продавать недорого” (8, 200). В последовавшем вскоре письме Станиславскому повторялась эта же мысль: “...теперь остановка только за Вами” (8, 208). Почему эта идея не нашла воплощения, трудно сказать. Во всяком случае, Художественному театру столь оригинальная форма рекламы была не менее выгодна, чем Марксу, искренне им восхищавшемуся (о чем можно судить по публикациям в “Ниве”).

Менее удачна была вторая встреча, вызванная “провалом” миссии Миролубова, о которой говорилось выше. Состоялась она 14 мая 1903 г. О том, как она проходила, известно лишь то, что писатель сообщил сестре: “С Марксом я говорил, но особенного пока ничего не вышло. Он дал мне очень много (около 4 пудов) книг в роскошных переплетах; предлагал “на лечение” 5 тысяч, я, конечно, не взял” (11, 219—220). Решено было снова повидаться и поговорить в августе. Однако работа над “Вишневым садом” затянулась до осени, когда приезд в Петербург исключался. Ничего иного не оставалось, как переписываться. К тому же именно в эти годы резко ухудшилось здоровье обоих корреспондентов, что затруднило их встречу. Да, вероятно, это обстоятельство и не столь уж важно. Достаточно сказать, что их отношения ни в коей мере не напоминали те, что складывались в свое время с Лейкиным, Горбуновым-Посадовым, Сувориным или Сытиным. Это были отношения сотрудника и предпринимателя, и только. Но отношения вполне корректные и доброжелательные — во всяком случае, до истории с “Вишне-

вым садом”, о которой, кстати, нельзя судить одно-сторонне.

Приступая к изданию Собрания сочинений Чехова, Маркс столкнулся с желанием читателей видеть его наиболее полным, включающим чуть ли не все написанное писателем. Так, например, известный в свое время литератор П.П.Перцов от имени многих читателей просил издателя включить в будущее собрание сочинений как можно больше произведений писателя, имея в виду и “мелочишки” ранней поры его творчества, между которыми, по его словам, встречались и “истинные шедевры”³⁷

Маркс охотно пошел навстречу этим пожеланиям. В первом же письме к Чехову он спешил сообщить, что “прежде всего весьма желательно и важно, чтобы “Собрание” Ваших сочинений было возможно более полное, т.е. чтобы в издание вошло безусловно все Вами написанное, за исключением разве того, что Вы найдете неподходящим для помещения”³⁸.

Впоследствии Чехов, правда, заметил по этому поводу, что в разговоре с ним издатель выражал свое удивление количеством переданного ему материала. Он явно не представлял, что писателем было написано “так много рассказов”. Тем не менее, по словам редактора “Нивы” Р.И.Сементковского, Маркс был огорчен строгостью чеховского отбора, поскольку многие исключенные из собрания сочинений рассказы ему нравились.

Здесь, пожалуй, необходимо рассказать, каким хотел видеть свое собрание сочинений Чехов и каким его представлял себе Маркс. Во-первых, писатель первоначально предполагал, что в него войдут лишь наиболее значительные художественные произведения, список которых он составил и отослал издателю (нужно сразу отметить, что произведения, не вошедшие в этот список и посылаемые автору в корректуре, безжалостно им выкидывались). Публицистика (статьи, заметки, фельетоны) —

полностью исключалась. Все ранние рассказы, сценки, фельетоны, написанные до 1883 г., были им опущены, а из 116 произведений, появившихся в печати в 1883 г., Чехов включил в собрание сочинений лишь 20. Во-вторых, все включенные в собрание сочинений произведения им заново редактировались, причем многие радикально перерабатывались.

Всесторонне обдумав структуру издания, его объем, тип и характер, Чехов остановился на хронологически-жанровом принципе расположения материала. Но принятый порядок выдерживался только в общих рамках; каждый том состоял из произведений одного периода, временная последовательность их написания не принималась в расчет. "Распределив материал по основным периодам своего творчества, Чехов выдвинул для группировки произведений внутри каждого периода принцип циклизации, объединения рассказов и повестей с одной общей большой темой, проблемой, с общей тональностью произведений"³⁹.

Маркс, как уже говорилось, хотел включить в издаваемое им полное собрание сочинений наибольшее число произведений. Он настоял на включении некоторых драматических произведений писателя и "Острова Сахалина". Как всякий издатель, он предпочитал объединять тома по жанровому принципу, дав им соответствующие названия, что облегчало их продажу в розницу. Да и технически было удобнее поместить в отдельные тома все крупные вещи и отдельно сгруппировать небольшие рассказы, независимо от времени их написания. Чехов с его предложениями не согласился.

Полное собрание сочинений А.П.Чехова было на самом деле далеко не полным. В него не вошли даже некоторые широко известные произведения писателя: трилогия "Человек в футляре" — "Крыжовник" — "О любви" (автор считал, что этот цикл еще не закончен),

"Рассказ старшего садовника", "Дама с собачкой", "На святках", "В овраге" (последние предназначались для дополнительного тома).

Второе издание, предназначенное служить приложением к "Ниве", в 1911 г. было дополнено еще семью томами, в которые были включены произведения, не вошедшие ранее в собрание сочинений, но переданные писателем в распоряжение фирмы Маркса. Оно было, естественно, более полным. В него вошли вещи, написанные после 1901 г. (кроме "Невесты" и "Вишневого сада"), а в дополнительные тома — почти все, известное в то время.

Чехову импонировала манера оформления изданий в фирме Маркса, несколько тяжеловатая на современный взгляд: добротная бумага, чистый шрифт, полнота, большие поля и малая емкость полос, крепкий переплет, призванный сохранить книгу на долгие годы. В наши дни слово "эkleктика" уже не звучит столь осуждающе, как каких-нибудь 10—20 лет назад, и теперь никто, пожалуй, не удивится вкусу Чехова, посчитавшего, что "Полонский издан недурно" (6, 135)*, и вообще полагававшего, что Маркс "прекрасно издает".

Чехов был скромнее в своих требованиях к издателям и художникам. Ему нравились книги, оформленные братом Николаем, обложка к "Пестрым рассказам", выполненная Ф.О.Шехтелем, нравилась строгость, с какой были напечатаны тома собрания сочинений. Можно смело утверждать, что к проблеме оформления книги он не относился безучастно, даже в тех случаях, когда судьба выпускаемой книги его особо не интересовала. Так, например, он пожелал ознакомиться с проектом обложки своей книги "Нахлебники", которая печаталась у Сытина. 11 ап-

* Речь идет об издании: Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: В 5 т. / Изд. просмотр. авт. Спб.: А.Ф. Маркс, 1896.

Иллюстрации к рассказу А.П.Чехова "Каштанка".
Художник Д.Кардовский. 1903 г.

реля 1894 г. Иван Дмитриевич писал Чехову: "По желанию Вашему посылаю Вам рассказ в иллюстрации (т.е. обложку. — *Е.Д.*). Корректуру пришлю, если успею, в конце страстной недели"⁴⁰.

С Сувориным в этом плане отношения складывались более сложно. Подавляющая часть его изданий оформлялась, как бы мы сейчас сказали, стандартно, строго и достаточно аккуратно. Отдельные издания, которым глава фирмы придавал особое значение, выпускались даже "роскошно" оформленными, а иногда и с истинным вкусом (в том случае, когда за этим следил сам Суворин). Но часто к оформлению изданий привлекались второстепенные художники, вроде С.С.Соломко, и появлялись аляповато рисованные обложки. Далеко не всегда везло и Чехову. Особенно его огорчила "Каштанка", иллюстрированная А.С.Степановым: "Аллах, что

за рисунки! — писал Суворину автор. — ...Я от себя готов дать художнику еще 50 р., чтобы только этих рисунков не было. Что такое! Табуреты, гусыня, несущая яйцо, бульдог вместо такса...” (4, 348).

Зная ”привередливость” Чехова в этом отношении, Тычгинкин при подготовке его собрания сочинений согласовал с ним шрифты, бумагу, формат. От Маркса Чехов не потребовал такого рода образцов, будучи уверен, что сама издательская традиция фирмы исключает возможность недобросовестного решения задачи. Сказанное,

понятно, не означает, что Чехов во всем шел навстречу издателю. Он, например, категорически воспротивился попытке Маркса разнообразить названия отдельных томов собрания сочинений и настоял на своем — названием определялся лишь жанр входящих в том произведений ("Рассказы", "Повести и рассказы", "Повести" и т.п.). Он был убежден, что читателю все должна была сказать сама фамилия автора. Только она могла служить гарантом качества включенных в книгу произведений.

По просьбе Чехова параллельно его собранию сочинений Маркс предпринял издание распроданных к этому времени книг: сборника "Пьесы" и рассказа "Каштанка". Желая угодить Чехову, да и из конкурентных соображений "перещеголять" Суворина, Маркс решил выпустить книжку в оригинальном оформлении, которое было поручено тогда еще молодому, но многообещающему художнику Д.Н.Кардовскому. Последний очень ответственно отнесся к стоящей перед ним задаче, но бытовые аксессуары заслонили то, что способно было передать духовный мир героев этого замечательного рассказа⁴¹. "Пришла "Каштанка" — изящно изданная, дурно иллюстрированная книжка, изд. Маркса", — с горечью писал Чехов жене (12, 40)*.

Следуя обычной практике выпуска собраний сочинений, Маркс и в данном случае хотел их сопроводить портретом писателя и его автобиографией. Чехову эти традиционные атрибуты показались излишними, и он просил издателя освободить от них свое собрание сочинений: "Теперь о фотографии. <...> Я буду сниматься, только уступая Вашему желанию, сам же я, если бы это зависело от меня, не помещал бы своего портрета, по крайней мере, в первых изданиях. То же самое могу сказать и о моей биографии. Если Вы найдете возможным обо-

* Книга содержала пятьдесят пять оригинальных рисунков Кардовского.

тись без портрета и биографии, то этим меня очень обяжете” (8, 105).

Маркс пошел навстречу автору: традиционный портрет на фронтисписе появился только во втором издании собрания сочинений, выпущенном в качестве приложения к “Ниве”. Автобиография писателя, предназначенная для первого тома, осталась в гранках. Носила она явно шуточный характер и, видимо, показалась Марксу чересчур легкомысленной, тем более что Чехов кончал ее словами: “Однако все это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикою...” В приписке сообщалось, что написана автобиография по просьбе известного беллетриста и драматурга Владимира Алексеевича Тихонова⁴².

Выполнено было и пожелание Чехова об обязательной присылке двух корректур. Писатель понимал, что этим весьма осложняет положение издателя, но был неумолим. Он даже усложнил свою просьбу, потребовав, чтобы первую корректуру “мелких рассказов” (т.е. двух первых томов) ему присылали “в полосах, не в сверстанном виде. Исполнением этой моей просьбы очень меня обяжете”, — писал он Марксу (8, 148). Чем она объясняется — сказать трудно. Поскольку сохранившиеся в архиве Чехова вторые экземпляры гранок первого тома не сфальцованы, а так и остались в “полосах”, то можно утверждать, что его просьба была удовлетворена.

Чехов мог жаловаться друзьям, что “корректур для Маркса — это каторга” (8, 308), что корректура ему “опротивела” (10, 102), но только благодаря этим добровольно надетым на себя веригам смог достигнуть желаемого результата. О чем и признавался собрату по перу: “...неистово читаю корректуру, которую целыми пудами присылает мне Маркс. Редактирую все то, что я до сих пор написал, я выбросил 200 рассказов и все не беллетристическое, и все же осталось более 200 печатных листов — и выйдет, таким образом, 12—13 томов.

Все, что составляло до сих пор содержимое сборников, Вам известных, утонет совершенно в массе материала, неведомого миру. Когда я собрал всю эту массу, то только руками развел от изумления" (8, 196). Нетрудно догадаться, что далеко не каждый издатель пошел бы на "неоправданные" расходы, набирая извлеченные из различных источников материалы, с тем чтобы облегчить автору их отбор для будущих томов собрания сочинений.

Маркс пошел навстречу Чехову, спешившему с началом издания своего собрания сочинений, и в сроки его выпуска в свет. В свое время, когда шли переговоры о подобном начинании с Сувориным, писатель опасался, что оно осуществится "не раньше 1948 года" (8, 19), и имел для этого известные основания. Маркс, наоборот, сам был заинтересован в ускорении издания собрания сочинений: "Вы говорите, — писал он Чехову, — что для вас было удобнее, если бы к изданию было бы приступлено до мая. Я этому весьма рад, и с моей стороны никаких препятствий к скорейшему выходу издания не встретится"⁴³.

Правда, не всегда и не во всем издатель и автор понимали друг друга. Читателю памятен конфликт вокруг "Вишневого сада". Возникали поводы и для иных недоразумений. Известно, например, письмо Чехова к Сергеенко от 17 марта 1899 г., в котором он с явным неудовольствием сообщал адресату, что "Маркс, по-видимому, старается завести со мной переписку, но не совсем дружескую. Канальский немец уже начинает пугать неустойкой и в письмах приводит целиком пункты договора. Я написал ему в ответ, что неустойки я не боюсь" (8, 128). Правда, в данном случае писатель не имел оснований столь нервно реагировать на письмо издателя. Речь шла о вполне справедливых претензиях к его бывшему издателю, А.С.Суворину, сохранявшему, как выяснилось, на своем складе в чистых листах несколько тысяч экземпляров чеховских

книг. Но и эта конфликтная ситуация была благополучно разрешена.

Вначале Чехов не возражал и против предложения Маркса предварять включение новых произведений писателя в очередные тома собрания сочинений их публикациями в журнале. Вслед за подписанием договора издатель изъявил готовность повысить ставку гонорара (400 руб. с листа) «за новые рукописи, которые окажутся подходящими для "Нивы"». "В качестве издателя всех Ваших сочинений, — писал он Чехову, — я хотел бы иметь возможность помещать в "Ниве" и Ваши новые произведения, и я надеюсь, что Вы признаете за мною нравственное на это право". При этом Маркс не скрывал, что такого рода публикации должны были не только содействовать популяризации творчества писателя, но и вызывать у читателя "желание иметь и другие... сочинения" Чехова⁴⁴.

Как известно, Чехов поначалу "решительно ничего" не имел против подобного сотрудничества (11, 64). Позднее, когда обнаружили некоторые неудобства такого рода обязательств, он писал жене, что подумывает о том, как ему "обойти" Маркса, чтобы передать "Вишневый сад" сборникам "Знания" (11, 279). Но если быть справедливым, то нужно признать, что "оковы" договора никак не сказались на судьбе позднейших публикаций произведений Чехова. Все они появились на страницах газет и журналов, никакого отношения к Марксу не имеющих: "В овраге" (Жизнь. 1900. № 1), "Дама с собачкой" (Русская мысль. 1899. № 12), "На святках" (Петербургская газета. 1900. № 1), "Архиерей" (Журнал для всех. 1902. № 4), "Невеста" (Журнал для всех. 1903. № 12) и т.д.

Восстанавливая события чуть ли не вековой давности, трудно выявить все нюансы деловых отношений, так или иначе сказавшихся на ходе подготовки такого многотрудного издания, как прижизненное Собрание

сочинений Чехова, не имевшего, в сущности, аналога в отечественной издательской практике. Никто из русских писателей, даже являвшихся издателями своих собраний сочинений, не проделал при их подготовке столь тщательной текстологической работы, как Чехов.

По словам Р.И.Сементковского, Чехов считал, что "писатель не рождается готовым, как Минерва из головы Юпитера, что он постепенно развивается и вырабатывается, так что ему иногда может быть стыдно за прежние произведения. Только сам писатель может быть судьей в вопросе, что должно и не должно войти в собрание его сочинений. Нельзя от него требовать, чтобы он включал то, что уже не может признать ни художественным, ни даже просто грамотным. "Чехонте" мог многое написать, чего "Чехов" никогда не напишет. Конечно, напечатанное нельзя уничтожить, но если бы произведения его сохранялись только в виде рукописей, то он немедленно сжег бы то, что теперь вымарывает красным карандашом. Пусть библиографы и критики соберут вычеркнутое, чтобы уяснить себе ход его творчества (они ведь любят заниматься пустяками, рассмеялся Чехов); но публике этого никогда не должно быть представлено. Писатель должен давать читателю только то, что он в своих произведениях признает лучшим"⁴⁵.

Оценили ли этот подвиг писателя читатели и критика? Далеко не сразу. Некоторые, даже очень доброжелательно настроенные по отношению к автору, люди, знакомые с его ранним творчеством, просто не заметили колоссальности проделанной работы. "Здесь, в томике, только что изданном А.Ф.Марксом, мы встречаем еще не Антона Чехова, но Антошу Чехонте <...>, — писал А.В.Амфитеатов. — Большинство помещенных в сборнике Маркса рассказов все же представляют собою как бы зачатки того, из чего впоследствии выработался "чеховский жанр", неразрывно связанный в воображении совре-

Обложка книги А.П.Чехова
"Три сестры"

менного читателя с именем Антона Павловича... Но тогда у него этот жанр еще не сложился, и он писал, по востребованию, в каком угодно и в каком приходило ему в голову жанре, и во всех всегда одинаково удачно. <..> Здесь еще есть охота в игрушки играть, чехардою прыгать, лаптою мяч перебрасывать"⁴⁶.

Другая рецензия так и называлась "Безобидный юмор". Принадлежала она присяженному критику "Московских ведомостей" А.Басаргину, посчитавшему, что "благодарный или, точнее, безобидный юмор: вот, по нашему мнению, преобладающий характер рассказов

Чехова". В целом критик воспринимал первый том как "пробу пера" талантливого автора. Что же касается чисто издательских параметров, то в этой области к А.Ф.Марксу не предъявлялось почти никаких претензий: "С внешней стороны, как и всегда, издание безукоризненно, даже больно роскошно". Лишь "одно упущение" усмотрел критик — под рассказами не были указаны даты их написания или первых публикаций⁴⁷.

"Наша надежда не исполнилась: повести и рассказы и во втором томе появляются без хронологических пометок, — писал в последующей рецензии Басаргин. — Тем хуже, и прежде всего для самого автора!" "Остается сожалеть, — писал он далее, — что такой художник, как Чехов, так долго не переходил (да, в сущности, и теперь не перешел) к воссозданию более широких картин жизни, освещенных более объемистыми и глубинными идеями. Его эскизы интересны, — но... они, так сказать, не в меру его таланта. Это, во всяком случае, явление печальное"⁴⁸.

Примерно в том же тоне говорилось о первом томе и в провинциальной прессе. Анонимный рецензент "Нового обозрения" (Тифлис), правда, увидел и в нем нечто большее, чем пробу пера "известного русского беллетриста". Он считал, что некоторые из включенных в том рассказов — "не более как анекдоты и писаны исключительно ради смеха, некоторым же свойственны интересный психологический анализ (например, "Муж") и даже общественная сатира ("В бане")"⁴⁹.

Впрочем, следует отметить и проскальзывающее в ряде "мелких" рецензий чувство истинного преклонения перед талантом Чехова. Так, один из провинциальных рецензентов, анализируя второй том, особо подчеркивал, что в него "вошел целый ряд тонко отточенных, филигранной работы рассказов, где не знаешь — чему более удивляться: острой ли наблюдательности автора или меткости его изобразительности, которая самую мелкую

подробность жизни, самый обыденный и неважный случай дает воспроизвести в такой полной жизненности, с такими искорками бьющего прямо в цель юмора”⁵⁰.

Вряд ли было бы справедливым требовать от газетных рецензий глубокого анализа или каких-то обобщающих выводов, наконец, широкого взгляда на все творчество писателя в целом. Ни место, ни характер издания к этому явно не располагали. Да и “время для полной и всесторонней оценки произведений Чехова, конечно, еще не пришло”, — полагал рецензент “Русской мысли”. “Впрочем, — замечал он далее, — и теперь уже можно сказать, что с общественной точки зрения Чехов примыкает к знаменитым писателям земли Русской, воплотившим нашу печальную действительность в целом ряде бессмертных типов, потому что он из осколков дал нам собирательный тип хмурого человека, заставил его жить и чувствовать в тех сумерках, которые мы зовем восьмидесятыми годами. С точки зрения чистого искусства Чехов — крупная индивидуальность, прокладывающая новые пути в искусстве”. Таким образом, подчеркивалось не только единство чеховских книг, но и поступательность развития его творчества, ибо уже в первом томе сочинений, по мнению рецензента, читатель мог обнаружить “намекы на то, чему суждено было впоследствии развиться до ясно осознанного и прекрасно выраженного трагизма человеческого существования”⁵¹.

В сущности та же самая мысль выражалась и в рецензии А.И.Богдановича, помещенной в другом, не менее популярном “толстом” журнале. Имея в виду два первых тома собрания сочинений, критик писал, что в помещенных на их страницах “незначительных по размеру вещах раннего периода литературной деятельности Антона Чехова ярко проявляются все те особенности, которые достигают полного развития в его позднейших произведениях. <...> Все его рассказы просты и правдивы, как

жизнь, и в этом их подавляющая сила. Чехов — огромный художник прежде всего и в конце всего. Это значит, что он умеет в каждом случае не только воспроизвести этот случай, сценку, анекдот, но и осветить его особым внутренним светом, при котором мы видим нечто большее, чем анекдот, только сценку или любопытный экземпляр человечества, в роде его мыслителя или упраздненного прапорщика ("Мыслитель" и "Упразднили"). Мы видим как бы частичку собственной души, обнаженной, трепещущей и страждущей от жгучего стыда, какой каждому приходится испытывать подчас наедине с собой"⁵².

На этой пространной цитате, пожалуй, следует остановиться, поскольку сказанное дает достаточно полное представление о том, как было встречено собрание сочинений писателя. Маленькое добавление: как Богданович, так и многие другие рецензенты отмечали, что "по внешнему виду издание г. Маркса не оставляет желать лучшего".

В одном из писем к Суворину, связанных с заключением договора с Марксом, Чехов писал, что "продажа выгодна, если мне осталось жить недолго, меньше 5—10 лет; и невыгодна, если я буду жить дольше" (8,79). В данном случае он имел в виду лишь материальную сторону сделки, но ведь была и другая сторона проблемы. Благодаря союзу с Марксом писатель получил, наконец, возможность собрать воедино рассеянные по бесчисленным периодическим изданиям свои произведения, пересмотреть их, а многие и заново отредактировать, из-за чего возникли новые оригинальные вариации на темы старых рассказов. Чехов отобрал, по его мнению, наиболее достойные из них, а издатель представил их в достойном виде читающей публике. Более того, Маркс (и никто другой в этом не мог с ним соперничать) предельно удешевил издание и выпустил его тиражом, которым до Чехова не печатался ни один из его современников. Маркс сделал его сочинения общедоступными.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

1. Коншина Е.Н. Чехов – редактор (Работа Чехова над составлением сборников и собраний своих произведений) // Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 10. С. 86.

Друзья-книги

¹ Роскин А.И. Биографический очерк // Чехов А.П. Избр. произведения. М., 1935. С. 15.

² Чехов А.П. Из детских лет А.П.Чехова // Чехов в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. М., 1954. С. 55.

³ Чудаков А.П. Чехов в Таганроге: Лит. хроника. М., 1987. С. 35, 37.

⁴ Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов: Книга для учащихся. М., 1987. С. 48.

⁵ Дросси А. Юношеские годы А.П.Чехова // Приазовская речь. 1910. 16 янв.

⁶ Чехов М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. М., 1980. С. 55.

⁷ Андреев-Туркин М. Чехов в Таганроге // Чехов и наш край. Ростов н/Д., 1935. С. 42; Громов Л.М. А.П.Чехов и Таганрогская библиотека // Дон. 1946. № 1. С. 140–149.

⁸ Чехов М.П. Указ. соч. С. 79.

⁹ Лазарев-Грузинский А.С. А.П.Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. С. 113–114.

¹⁰ Авдеев Ю.К. О чеховском Мелихове. М., 1984. С. 182.

¹¹ Балухатый С. Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 201.

¹² Сысоев Н.А. Чехов в Крыму. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь, 1954. С. 109–134.

¹³ Л.Н.Толстой и его близкие. М., 1986. С. 106.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1. д. 187.

¹⁵ ГБЛ, ф. 331, к. XX, д. Д-1, л. 7.

¹⁶ Там же, к. 46, д. 32в, л. 1.

¹⁷ Там же, д. 32а, л. 24.

¹⁸ Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. М., 1955. С. 387.

¹⁹ Шиллер из Таганрога (А.Б.Тараховский). Из воспоминаний об А.П.Чехове // Приазовский край. 1904. 11 июля.

²⁰ Ладьженский В.Н. Из воспоминаний об А.П.Чехове // О Чехове. М., 1910. С. 138.

²¹ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 287, 450, 458, 459, 476.

²² Лит. наследство. М., 1960. Т. 68. С. 244.

²³ Фаусек В.А. Мое знакомство с А.П.Чеховым // Утро. Харьков. 1909. 2 июля.

²⁴ ГБЛ, ф. 331, к. 46, д. 32 а–г; ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, д. 187.

²⁵ ГБЛ, ф. 331, к. 46. д. 32а, л. 1.

²⁶ Там же, л. 13.

²⁷ Там же, д. 32г, л. 33.

²⁸ Там же, д. 32а, л. 20.

²⁹ Там же, д. 32в, л. 26; д. 32г, л. 36.

³⁰ Там же, д. 32б, л. 24.

³¹ Там же, д. 32г, л. 33.

³² Там же, д. 32а, л. 5.

³³ Там же, д. 32г, л. 2.

³⁴ Там же, к. 79, д. 12, л. 3.

Книжки Антоши Чехонте

¹ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 65.

² Чуковский К.И. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960. С. 424.

³ Калдаш В. Первый сборник А.П.Чехова // Искры. 1908. № 26. С. 202–207.

⁴ Чехов М.П. Указ. соч. С. 102.

⁵ См., напр.: Гитович Н.И. Указ. соч. С. 78–79; Коншина Е.Н. Указ. соч. С. 86.

⁶ Громов М.П. Антон Чехов: первая публикация, первая книга // Прометей. М., 1967. Т. 2. С. 162–178.

⁷ Там же. С. 172.

- ⁸ См. авторские пометы на экземпляре невышедшей книги, хранящейся в библиотеке Государственного Литературного музея.
- ⁹ ЦГИАМ, ф. 212, оп. 1, д. 102, л. 20.
- ¹⁰ Малогин Л. Чехов: Повесть-хроника // Дон. 1969. № 1. С. 71; Турков А.М. А.П.Чехов и его время. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 41–42.
- ¹¹ Наблюдатель. 1885. № 4. С. 68; выход книги предельно точно датируется по дарственной надписи сестре писателя: "Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственного ее брата-автора Чехонте. 4.12/VI" (Огонек. 1960. № 4. С. 24).
- ¹² Точное название книги: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А.Чехонте. М.: тип. А.Левенсона. Петровка, Рахманов пер., собств. дом. 1884. 96 с.
- ¹³ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 78–79; Коншина Е.Н. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁴ Чехов М.П. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁵ Чехов А.П. Письма А.П.Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 102–104, 108–109.
- ¹⁶ Библиографическая заметка // Театр. мирок. 1884. № 25.
- ¹⁷ К[урепин] А.Д. Московский фельетон // Новое время. 1884. 28 июля.
- ¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 2540, оп. 1, д. 29, л. 1.
- ¹⁹ Яго (Сергеенко П.С.). Летучие заметки. Нечто о смехе // Новорос. телеграф. 1884. 1 дек.
- ²⁰ Наблюдатель. 1885. № 4. С. 68–69.
- ²¹ Коншина Е.Н. Указ. соч. С. 98.
- ²² Первое письмо Лейкина Чехову датируется 14 ноября 1882 г. (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, д. 303, л. 1), а Чехова Лейкину – 12 января 1883 г. См. также: Из дневника Н.А.Лейкина / Публ. Н.И.Гитович// Лит. наследство. Т. 68. С. 500; Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. Спб., 1907. С. 243.
- ²³ Бахтиаров А.А. Слуги печати: Очерки книгопечатного дела. Спб., 1893. С. 218.
- ²⁴ Чехов А.П. Переписка: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 217;
- ²⁵ Плещеев А.А. Об А.П.Чехове // Петербург. дневник театрала. 1904. № 28. С. 3.
- ²⁶ ГБЛ, ф. 331, к. 50, д. 1г, л. 15, 16, 17.
- ²⁷ Там же, л. 8 об.
- ²⁸ Новый мир. 1940. № 2/3. С. 382. Фраза в скобках при публикации письма была опущена. См.: ГБЛ, ф. 331, к. 50, д. 1г, л. 8 об.
- ²⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 63, д. 63, л. 13.
- ³⁰ Там же, к. 50, д. 1г, л. 15.
- ³¹ Там же, л. 31. Первое объявление о выходе книги см. в журнале "Осколки" (1886. № 20).

- ³² ГБЛ, ф. 331, к. 50, д. 1г, л. 32.
- ³³ Там же, л. 34.
- ³⁴ Там же, л. 31, 32, 34, 37, 41; д. 1д., л. 8–9, 18; д. 1ж, л. 9.
- ³⁵ Там же, к. 41, д. 3, л. 2–2 об.
- ³⁶ Там же, к. 50, д. 1и, л. 4 об.–5.
- ³⁷ Новые книги // Сев. вестн. 1886. № 6. С. 123–126.
- ³⁸ Наблюдатель // 1886. № 12. С. 37–38.
- ³⁹ Змиев Ф. (Ф.В.Булгаков). Критика и библиография // Новь. 1886. № 17. С. 63.
- ⁴⁰ Оболенский Л.Е. Обо всем. Критическое обозрение (молодые таланты: г. Чехов и г. Короленко. Сравнение между ними...) // Рус. богатство. 1886. № 12. С. 166–171.
- ⁴¹ Говоря об одной из подобных рецензий (Н.Ладожского)*, Чехов писал Лейкину: "Критика Ладожского (кто он?) неважная. Много слов, но мало дела, но все-таки приятно и лестно" (1, 250).
- ⁴² Сысоев Н.А. Указ. соч. С. 125–126.
- ⁴³ Лейтнекер В.Э. Архив А.П.Чехова: Аннотированное описание писем к А.П.Чехову. М., 1939. Вып. 1. С. 22.
- ⁴⁴ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁵ Лит. наследство. Т. 68. С. 284. Все позднейшие надписи Чехова Голике см. в этой публикации.
- ⁴⁶ ГБЛ, ф. 331, к. 63, д. 63, л. 13.
- ⁴⁷ Динерштейн Е.А. И.Д.Сытин. М., 1983. С. 58.
- ⁴⁸ Лейтнекер В.Э. Указ. соч. С. 75
- ⁴⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 44, д. 13, л. 2.
- ⁵⁰ Чехов М.П. Указ. соч. С. 96.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ЦГИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 36, л. 18. В начале 1887 г. старший брат уехал за границу для длительного лечения (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 286, л. 35). Сохранившиеся его письма к Чехову датируются 1888–1889 гг.
- ⁵³ Чехов А.П. Переписка. Т. 1. С. 157.
- ⁵⁴ Московский обер-полицмейстер сообщал 5 июня 1891 г., что к нему поступило много жалоб подписчиков на братьев Вернеров, которые "в последнее время совершенно прекратили свое издание и сами отметились выбывшими в Петербург" (ЦГИА, ф. 776, оп. 6, д. 286, л. 38).
- ⁵⁵ Круглов А.В. Пестрые страницы // Ист. вестн. 1895. № 12. С. 810.
- ⁵⁶ Каталог изданий бр. Вернеров. М., 1887.

*Н.Ладожский – псевдоним В.К.Петерсона.

- ⁵⁷ ЦГИАМ, ф. 31. оп. 1, д. 36, л. 4, 17.
⁵⁸ Редакторами-издателями журнала М. и Е.Вернеры числились с января 1888 г.
⁵⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 44, д. 13. л. 8.
⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, д. 285, л. 1-2.
⁶¹ ГБЛ, ф. 331, к. 44, д. 13, л. 1.
⁶² Там же, л. 4.
⁶³ Там же, л. 5.
⁶⁴ Там же, л. 10.
⁶⁵ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 141.

Собеседники

- ¹ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 445.
² Лазарев-Грузинский А.С. Указ. соч. С. 114.
³ Грэк И. (В.В.Билибин). Осколки петербургской жизни // Осколки. 1887. № 36. С. 3-4.
⁴ Чехов А.П. Переписка. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 80.
⁵ Арсеньев К. Беллетристы последнего времени // Сев. вестн. 1887. № 12. С. 775.
⁶ [Оболенский Л.Е.] Рец. // Наблюдатель. 1887. № 12. С. 69.
⁷ Беллетристика // Рус. мысль. 1887. № 10. С. 589-590.
⁸ [Михайловский Н.К.] Рец. // Сев. вестн. 1887. № 9. С. 81.
⁹ Буренин В. Рассказы г. Чехова // Новое время. 1887. 25 сент. (7 окт.) Позицию Буренина разделял М.А.Вернер (Сверчок. 1887. № 36. С. 282).
¹⁰ Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. С. 105, 107.
¹¹ Отчет о четвертом присуждении Пушкинских премий // Сб. отд. рус. яз. и словесности Петербург. Акад. наук. 1888. Т. 46. С. 46-53.
¹² ГБЛ, ф. 331, к. 55, д. 44г, л. 11.
¹³ Меньшиков М.О. Из дневника. СХІ // Голос Руси. 1916. 9 июня.
¹⁴ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 120; ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2173, л. 33-35.
¹⁵ Плещеев А.А. Об А.П.Чехове // Петербург. дневник театра. 1904, № 28. С. 3.
¹⁶ Измайлов А. Чехов. 1860-1904. Биогр. набросок. М., 1916. С. 465.
¹⁷ Амфитеатров А.В. Десятилетия годовщина. Антон Чехов и А.С.Суворин. Ответные мысли // Собр. соч. Пг., б.г.Т. 35. С. 214.

- ¹⁸ Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник, 1910–1914. Пг., 1915. С. 239.
- ¹⁹ Дорошевич В. А.П.Чехов // Рус. слово. 1904. 3 июля. Подобной точки зрения придерживались и некоторые другие современники (см., напр.: Чернышев Н. А.С.Суворин // Изв. книж. маг. М.О.Вольфа. 1912. № 9. Стб. 242).
- ²⁰ Амфитеатров А.В. Антон Чехов и А.С.Суворин. Ответные мысли // Рус. слово. 1914. 2 июля.
- ²¹ Новое время (1876–1916 гг.): Ист. очерк. Пг., 1916. С. 98.
- ²² Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С.Суворине // Письма А.С.Суворина к В.В.Розанову. Спб., 1913. С. 10.
- ²³ Амфитеатров А.В. Десятилетняя годовщина, Антон Чехов и А.С.Суворин. Ответные мысли // Собр. соч. Пг., б.г. Т. 35. С. 201.
- ²⁴ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4155, л. 69.
- ²⁵ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 215.
- ²⁶ Соболев Ю.В. Чехов. М., 1934. С. 143–155, 222; см. также: Ежов И.С. Литературные взгляды Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 39–41.
- ²⁷ Слово. М., 1914. Сб. 2. С. 218.
- ²⁸ Из дневника В.Г.Короленко / Публ. А.В.Храбровицкого // Лит. наследство. Т. 68. С. 524.
- ²⁹ Бердников Г.П. А.П.Чехов. Идеи и творческие искания. 2-е изд., доп. Л., 1970. С. 118–120.
- ³⁰ Письма А.С.Суворина к В.В.Розанову. С. 143.
- ³¹ Соболев Ю.В. Указ. соч. С. 152.
- ³² Малюгин Л.А. Чехов. Повесть-хроника // Дон. 1969. № 3. С. 45–49.
- ³³ ГБЛ, ф. 331, к. 50, д. 1г, л. 51.
- ³⁴ Альтшуллер И.Н. Еще о Чехове // Лит. наследство. Т. 68. С. 687.
- ³⁵ Короленко В.Г. Дневник. Полтава, 1928. Т. 4. С. 172.
- ³⁶ Горький М. Открытое письмо к А.С.Суворину // Жизнь. 1899, № 3. С. 381–384.
- ³⁷ Чехов С.М. О семье Чеховых. Ярославль, 1970. С. 181.
- ³⁸ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 74.
- ³⁹ Чехов А.П. Письма А.П.Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 171.
- ⁴⁰ Письма русских писателей к А.С.Суворину. Л., 1927. С. 130. Об этом же писал и А.В.Амфитеатров (Десятилетняя годовщина. С. 201).
- ⁴¹ Суворин А.С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 347.
- ⁴² Чуковский К.И. Указ. соч. С. 462–463.
- ⁴³ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 106, л. 9–10.

- ⁴⁴ ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 8.
- ⁴⁵ Чехов А.П. Письма А.П.Чехову его брата Александра Чехова. С. 322.
- ⁴⁶ ГБЛ, ф. 331, к. 51, д. 716, л. 10.
- ⁴⁷ Библиографические новости // Новое время. 1888. 20 июня (2 июля).
- ⁴⁸ Арсеньев К. Современные русские беллетристы // Вестн. Европы. 1888. № 7. С. 260–261.
- ⁴⁹ Говоров К. Рассказы г. Чехова // День. 1889. 29 сент. (11 окт.), 13 (25) окт.
- ⁵⁰ Михайловский Н.К. Об отцах и детях и о г. Чехове // Собр. соч. 2-е изд. Спб., 1909. Т. 6. С. 776, 778.
- ⁵¹ Чехов М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. М., 1959. С. 241.
- ⁵² ГБЛ, ф. 331, к. 60, д. 64а, л. 17 об.
- ⁵³ Там же, к. 59, д. 74, л. 6.
- ⁵⁴ Там же, к. 60, д. 64а, л. 6–7, 8–9, 10, 2.
- ⁵⁵ Там же, 64б, л.5.
- ⁵⁶ Там же, л. 17.
- ⁵⁷ Там же, л. 12, 12 об., 13, 6.
- ⁵⁸ Там же, д. 64б, л. 19.
- ⁵⁹ Письма А.П.Чехову его брата Александра Чехова. С. 378.
- ⁶⁰ Чехов С.М. О семье Чеховых. С. 181.
- ⁶¹ Чехов М.П. Указ. соч. С. 181. За опубликование в "Новом времени" в дни студенческих беспорядков двух "Маленьких писем" А.С.Суворин был привлечен Союзом писателей, усмотревшим в них явную клевету на молодежь, к суду чести.
- ⁶² Малахова А. Чехов и "Монте-Кристо" // Сов. Россия. 1980. 4 мая.
- ⁶³ Паперный З.С. "Чайка" А.П.Чехова. М., 1980. С. 121.
- ⁶⁴ ИРЛИ, ф. 268, оп. 1, д. 14, л. 1.
- ⁶⁵ ГБЛ, ф. 331, к. 60, д. 64б, л. 9.
- ⁶⁶ Орленев П. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. М.; Л., 1931. С. 188.
- ⁶⁷ Лесков А. Воспоминания // Лит. газ. 1939. 15 июля.
- ⁶⁸ Альтшуллер И.Н. Указ. соч. С. 687.
- ⁶⁹ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 266.
- ⁷⁰ Суворин А. "Иванов", драма в 4-х д. Антона Чехова // Новое время. 1889. 6 февр.
- ⁷¹ Суворин А.С. Дневник. С. 128. 284.
- ⁷² Суворин А.С. Маленькое письмо CDXXIX // Новое время. 1902. 8 (21) янв.

- ⁷³ Суворин А.С. Дневник. С. 125.
- ⁷⁴ Лит. наследство. Т. 68. С. 484.
- ⁷⁵ Гнедич П.П. Книга жизни. М., 1929. С. 236.
- ⁷⁶ Шалюгин Г.А. Грани полемики (А.П.Чехов и А.С.Суворин) // Творчество А.П.Чехова: Особенности худож. метода. Ростов н/Д., 1979, Вып. 4. С. 77–86.
- ⁷⁷ Лит. наследство. 1977. Т. 87. С. 305.
- ⁷⁸ Шалюгин Г.А. Указ. соч. С. 79.
- ⁷⁹ Лит. наследство. Т. 68. С. 488.
- ⁸⁰ ГБЛ, ф. 331, к. 50, д. 1г, л. 22, д. 1е, л. 18.
- ⁸¹ Суворин А.С. Дневник. С. 240, 294.
- ⁸² ГБЛ, ф. 331, к. 59, д. 76, л. 11–12, 27–28, 29–30.
- ⁸³ Там же, к. 60, д. 646, л. 35.
- ⁸⁴ Ежов Н.М. 1) Антон Павлович Чехов (Опыт характеристики) // Ист. вестн. 1909. № 8. С. 499–519; 2) Моя статья о Чехове (Беседа с читателями) // Там же. № 11. С. 595–607.
- ⁸⁵ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 1343, л. 1, 34.
- ⁸⁶ Ежов Н. Алексей Сергеевич Суворин // Ист. вестн. 1915. № 2. С. 452; № 3. С. 888.
- ⁸⁷ ГПБ, ф. 874, оп. 1, д. 117, д. 58.
- ⁸⁸ Лит. наследство. Т. 68. С. 485.
- ⁸⁹ ГПБ, ф. 874, оп. 1, д. 117, л. 54.
- ⁹⁰ ЦГАЛИ, ф. 469, оп. 2, д. 388, л. 4. Сохранилась телеграмма Суворина Чехову: "Миша назначен исправляющим должность начальника второго отделения Ярославской казенной палаты. Скажите мерси, ангел мой" (Там же, оп. 1, д. 4617, л. 7; см. также: ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 1, д. 475, л. 1, 3–6). Правда, Чехов категорически воспротивился тому, чтобы у Суворина служила Мария Павловна (4, 162).

"Посредник"

- ¹ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. (Юбил. изд.). М., 1935. Т. 85. С. 27.
- ² Горбунов-Посадов И.И. О моих учителях и товарищах по работе // Сорок лет служения людям. М., 1925. С. 133.
- ³ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 15а, л. 1; сборник "Детское сердце", в котором был опубликован этот рассказ, вышел в мае следующего года (Там же, к. 62, д. 18, л. 2).
- ⁴ Там же, л. 6–7.
- ⁵ Там же, л. 8.
- ⁶ Там же, л. 12–14.

- ⁷ Там же, к. 62, д. 18, л. 1–2.
- ⁸ ЦГА.ИИ, ф. 552, оп. 1, д. 880, л. 75.
- ⁹ Там же, д. 2657, л. 15–16.
- ¹⁰ ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 3.
- ¹¹ Там же, л. 7.
- ¹² Впоследствии Чертков просил Горбунова-Посадова сообщить Чехову, что "с разных сторон" получает "отзывы о том, что из всех рассказов нашей первой серии многим "Жена" нравится больше всего" (ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 1, д. 1480, л. 157).
- ¹³ Динерштейн Е.А. И.Д.Сыгин. С. 120.
- ¹⁴ Там же. С. 122.
- ¹⁵ 26 июля 1891 г. Горбунов-Посадов писал Чехову: "Желание Ваше относительно корректуры непременно исполним" (ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 67).
- ¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 880, л. 19.
- ¹⁷ ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 18.
- ¹⁸ ЦГАЛИ; ф. 552, оп. 1, д. 2740, л. 42.
- ¹⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 8.
- ²⁰ ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 180, л. 115; оп. 2, ф. 10, л. 69, 151.
- ²¹ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 122–123.
- ²² ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 10.
- ²³ Там же, л. 16–18.
- ²⁴ Там же, л. 21.
- ²⁵ Там же, л. 24.
- ²⁶ ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 880, л. 128.
- ²⁷ Там же, л. 156.
- ²⁸ Там же, д. 881, л. 21.
- ²⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 15а, л. 28.
- ³⁰ ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 880, л. 171.
- ³¹ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 76 и 142.
- ³² Там же, оп. 1, д. 1480, л. 154.
- ³³ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 156, л. 15.
- ³⁴ Изв. АН СССР. Отд-ние яз. и лит. 1959. Т. 18. № 6. С. 518.
- ³⁵ ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 3, 10–11.
- ³⁶ ЦГАЛИ, ф. 536, оп. 1, д. 18, л. 1, 9, ф. 122, оп. 1, д. 1435, л. 2.
- ³⁷ Там же, д. 1480, л. 34.
- ³⁸ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1955, Т. 6. С. 501.
- ³⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 156, л. 12–17.
- ⁴⁰ Там же, л. 38.
- ⁴¹ Там же, л. 8–9.
- ⁴² Там же, л. 15.
- ⁴³ Там же, д. 15в, л. 13, 15 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 12.

- ⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 1, д. 1480, л. 185.
⁴⁶ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 15а, л. 44; д. 15б, л. 1–7.
⁴⁷ Там же, л. 10.
⁴⁸ Семенов С.Т. О встречах с А.П.Чеховым // Путь. 1913. № 2.
 С. 35.
⁴⁹ Горбунов-Посадов И.И. Указ. соч. С. 163.

История одной дружбы

- ¹ Ясинский И.И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 272; Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 119.
² Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. Спб., 1895. С. 381.
³ ГБЛ, ф. 331, к. 59, д. 89, л. 1.
⁴ Там же, л. 15, 17.
⁵ Там же, л. 30; с искажением текста процитировано в кн.: Коничев К.И. Русский самородок. 2-е изд., Ярославль, 1969. С. 121.
⁶ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 285.
⁷ ГБЛ, ф. 331, к. 59, д. 89, л. 30, 31.
⁸ Коничев К.И. Указ. соч. С. 128.
⁹ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 427, 482.
¹⁰ Ермилов В. Из воспоминаний о Чехове // Чеховский юбилейный сборник. 1860 – 17 января 1910. М., 1910. С. 411.
¹¹ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 125.
¹² ГБЛ, ф. 358, д. 346, л. 10; д. 356, л. 16.
¹³ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 92.
¹⁴ Дорошевич В.М. Десять лет // Рус. слово. 1914. 17 янв.
¹⁵ ГБЛ, ф. 331, к. 59, д. 89, л. 26.
¹⁶ Сытин И.Д. Три ступени жизни // Рус. слово. 1917. 19 февр.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 53–54.
¹⁹ ГБЛ, ф. 331, к. 42, д. 52, л. 3 об.; к. 39, д. 8б, л. 1.
²⁰ Там же, к. 42, д. 52, л. 16.
²¹ Там же, л. 15.
²² ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 880, л. 40–41.
²³ ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 15б, л. 1, 6.
²⁴ ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 45, л. 3.
²⁵ Балухатый С.Д. Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 239; Сысоев И.А. Указ. соч. С. 118.
²⁶ Дорошевич В.М. Указ. соч.
²⁷ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 127–128.

Собрание сочинений

- ¹Потапенко И.Н. Несколько лет с А.П.Чеховым // Чехов в воспоминаниях современников. С. 276.
- ²Сергеенко П.А. О Чехове // Ежемес. лит. и науч.-попул. прилож. к журн. "Нива". 1904. № 10. С. 250.
- ³Красный архив. 1929. № 6. С. 201, 202.
- ⁴Там же. С. 199. Узнав о содержании телеграммы Суворина, Сергеенко писал, что она "мало привлечет к нему симпатий со стороны потомства" (Там же. С. 207).
- ⁵ЦГИА, ф. 777, оп. 4, д. 3, л. 41-42.
- ⁶Видуэцкая И.П. А.П.Чехов и его издатель А.Ф.Маркс. М., 1977. С. 37.
- ⁷Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. М., 1986. С. 153.
- ⁸Люцифер (Юркевич Ю.А.). Столичные журналы // Осколки. 1900. № 48. С. 5.
- ⁹Красный архив. 1929. № 6. С. 208-209.
- ¹⁰Там же. С. 205.
- ¹¹Потапенко И.Н. Указ. соч. С. 276.
- ¹²Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. С. 156.
- ¹³LoJo (Мунштейн Л.Г.). Страничка из письма: Петербург. 20 марта // Новости дня. 1900. 22 марта.
- ¹⁴Сергеенко П.А. Указ. соч. С. 239.
- ¹⁵Архив А.М.Горького. М., 1954. Т. 4. С. 27.
- ¹⁶Гитович Н.И. Указ. соч. С. 732-734.
- ¹⁷Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. С. 159.
- ¹⁸Телешов Н.Д. А.П.Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. С. 448.
- ¹⁹Там же. С. 449-450.
- ²⁰Видуэцкая И.П. Указ. соч. С. 151.
- ²¹Там же. С. 103.
- ²²Там же. С. 111-112.
- ²³Любошиц С.Б. В сутолоке жизни // Новости дня. 1904.
- ²⁴Архив А.М.Горького. Т. 4. С. 143.
- ²⁵Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. С. 165.
- ²⁶Там же. С. 166.
- ²⁷ГБЛ, ф. 331, к. 62, д. 18, л. 11.
- ²⁸Измайлов А.А. Чехов, 1860-1904. Биогр. набросок: Жизнь. - Личность. - Творчество. М., 1916. С. 487-488; Соболев Ю.В. Чехов. С. 242, 243; Дерман А.Б. Антон Павлович Чехов: Крит.-биогр. очерк. М., 1939. С. 176.

- ²⁹ Дорошевич В. Десять лет // Рус. слово. 1914. 17 янв.
- ³⁰ Чехова М.П. Письма к брату А.П.Чехову. М., 1954. С. 97.
- ³¹ Видуэцкая И.П. Указ. соч. С. 75–76.
- ³² Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. С. 167; Красный архив. 1929. № 6. С. 207.
- ³³ Красный архив. 1929. № 6. С. 203–207.
- ³⁴ Незадолго до заключения договора (11 авг. 1898 г.) управляющий изданиями (конторой) "Нового времени" К.С.Тычгинкин писал о Сергеевко: "Вот неискренний-то господин! Я видел его не более двух часов, но, во-первых, узнал всю подноготную про Льва Толстого, разумеется, озаренную отблеском света и... в волнах фимиама, и, во-вторых, почти поругался с ним из-за Сократа. Что мне сергеевковский Сократ, но как-то даже приятно было хоть повздорить с ним. Такой нудный человек и такая у него непогрешимость" (ГБЛ, ф. 331, к. 60, д. 646). "Нудным и неискренним" человеком называл Сергеевко и сам Чехов.
- ³⁵ Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф.Маркс. С. 168.
- ³⁶ Симкин Я.Р. Семь лет из жизни А.П.Чехова (1898–1904). Ростов н/Д, 1987. С. 214–215.
- ³⁷ Гитович Н.И. Указ. соч. С. 556.
- ³⁸ ГБЛ, ф. 331, к. 51, д. 37а, л. 2.
- ³⁹ Александров Б.И. А.П.Чехов. Семинарий. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Л., 1964. С. 6.
- ⁴⁰ ГБЛ, ф. 331, к. 59, д. 89, л. 3.
- ⁴¹ Кардовский Д.Н. Об искусстве. Воспоминания, статьи, письма. М., 1960. С. 82–90.
- ⁴² ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, д. 210, л. 17.
- ⁴³ ГБЛ, ф. 331, к. 51, д. 37а, л. 3.
- ⁴⁴ Там же, л. 2.
- ⁴⁵ Сементковский Р.И. Встречи и столкновения // Рус. старина. 1911. № 12. С. 521–527.
- ⁴⁶ О.Г. (Амфитеатров А.В.). Литературный альбом // Россия. 1900. 14 (26) янв.
- ⁴⁷ Басаргин А. Безобидный юмор // Моск. ведомости. 1900. 5 (17) февр.
- ⁴⁸ Басаргин А. Новый сборник повестей и рассказов г. Чехова // Моск. ведомости. 1900. 30 сент.
- ⁴⁹ Библиография // Новое обозрение, 1900. 2 сент.
- ⁵⁰ Оникс. Новые книги // Волгарь. 1900. 23 окт.
- ⁵¹ Рус. мысль. 1903. № 3. С. 83–84.
- ⁵² А.Б. (Богданович А.И.). Антон Чехов. Рассказы. Кн. 1 и 2 // Мир божий. 1900. № 11. С. 92–93.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Друзья-книги.	7
Книжки Антоши Чехонте	32
Собеседники	72
“Посредник”.	119
История одной дружбы	147
Собрание сочинений.	169
Примечания.	211

Ефим Абрамович Динерштейн

**А.П.ЧЕХОВ
И ЕГО
ИЗДАТЕЛИ**

Руководитель группы *М.Я. Фильштейн*

Редактор *С.Г. Егорова*

Художественный редактор *Н.Д. Карандашов*

Технический редактор *Е.Н. Волкова*

Корректор *В.А. Коротаева*

Операторы *Н.Е. Монахова, Т.Г. Никонович*

НК

**Сдано в набор 27.06.89. Подписано в печать 31.10.89.
А-01639. Формат 70x100/32. Бум. офс. №1. Гарнитура
Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,10.
Усл. кр.-отт. 18,41. Уч.-изд. л. 9,83. Тираж 10 000 экз.
Изд № 4852. Заказ № 2341. Цена 50 коп.**

**Издательство "Книга", 125047, Москва,
ул. Горького, 50.**

Набор на композере издательства "Книга"

**Отпечатано в московской типографии № 4
Государственного комитета СССР по печати
129041, Москва, ул. Б.Переславская, 46.**

50 коп.

За годы Советской власти
(на 1 января 1989 года)
книги Антона Павловича Чехова
издавались в нашей стране
1913 раз
общим тиражом 202 709 000
экземпляров
на 99 языках народов мира